

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР

2018 В ТРЕТЬЕМ
ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Вып. 13

№ 1–2

МОСКВА
2018

УДК 93/94
ББК 63.3-8

Главный редактор журнала

Узенёва Елена Семёновна

Ответственный секретарь журнала

Леонтьева Анна Андреевна

Редакционная коллегия

Данченко Светлана Ивановна
Мельчакова Ксения Валерьевна
Пахомова Лидия Юрьевна
Хаванова Ольга Владимировна
Чепелевская Татьяна Ивановна

Редакционный совет

Бебешу Дёрдь (Венгрия)

Дель Гаудио Сальваторе (Италия)

Запека Оксана Анатольевна (Россия)

Заржицкий Алеш
(Чехия)

Китанова Мария (Болгария)

Корина Наталия (Австрия)

Никифоров Константин Владимирович
(Россия)

Пазио-Влазловска Дорота (Польша)

Раич Сузана (Сербия)

Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. № 1–2. Выпуск 13. — М.:
Институт славяноведения РАН, 2018. — 220 с.

В статьях очередного выпуска традиционно много внимания уделяется проблеме личности в истории. Рассматриваются вопросы истории стран бывшего социалистического лагеря, в том числе о событиях 1968 года. Особый интерес представляют материалы о распространении сокольского движения в Российской империи, а также о роли петербургского МИД в корректировке курса нового Королевства — Черногории. Затронуты и актуальные темы современной истории Чехии. Вводится в научный оборот новый исторический источник — биография военного деятеля Йордана Пехливанова. В журнале представлена новая рубрика «Из научного наследия ученых-славяноведов».

Slavic World in the Third Millennium. 2018. Volume 1–2. Issue 13. — Moscow:
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018. 220 p.

In the current issue considerable attention is paid, traditionally, to the problems of person in history. History of the Eastern Block countries is examined, including the 1968 events. Of particular interest are the studies of the growth of the Sokol movement in the Russian Empire and on the role of the Russian Ministry of Foreign Affairs in changing the political directions of the newly established kingdom of Montenegro. Certain topics in contemporary Czech history are examined as well. A new source, a biography of Jordan Peklivanov, is presented to the scholarly community, and a new section, «Scientific Legacy of Slavic Studies Scholars» is introduced.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Никифоров К.В. (Москва). «Спасибо России за то, что она подарила нам Андрея...»</i>	7
--	---

Статьи

<i>Душакова Н.С. (Москва). В чем виноват Никон, или Роль современных нарративов о расколе в поддержании старообрядческой идентичности</i>	12
<i>Брнѣвѣк Иржи (Острава, Чехия). Силезский аристократ граф Генрих Вильгельм Вильчек и его место в центрально-европейской политике первой половины XVIII в.</i>	21
<i>Гимадеев Т.В. (Казань). Основные тенденции в чешской католической историографии гуситского движения конца XIX – начала XX вв.</i>	34
<i>Фалькович С.М. (Москва). Участие Адама Мицкевича в деятельности польской политической эмиграции середины XIX в.</i>	46
<i>Мельчакова К.В. (Москва). Боснийский вилайет в объективе фотографа П.П. Пятницкого</i>	60
<i>Струнина-Бородина Н.Г. (Москва). К вопросу о юбилейных торжествах в Цетине и провозглашении Черногории Королевством в августе 1910 г. (по донесениям российского дипломата С.В. Арсеньева)</i>	72
<i>Ведерников М.В. (Москва). Бакинские гимнастические общества в России (1900–1914 гг.)</i>	88
<i>Кимура К., Стыкалин А.С. (Москва). Венгерско-югославские отношения: от «дела Райка» до смерти Сталина (1949–1953 гг.)</i>	100
Майорова О.Н. (Москва). К 50-летию мартовских событий 1968 г. в Польше	123
<i>Руднева И.В. (Москва). Милош Жанко – последний хорватский защитник братства и единства. История отчаянной храбрости и политической ответственности</i>	135
<i>Задорожнюк Э.Г. (Москва). Внешнеполитические приоритеты чешских парламентских партий (по итогам выборов 2017 года)</i>	144

Из научного наследия ученых-славяноведов

<i>Лаптева Т.Н. (Москва). Труды А.В. Флоровского по истории чешско-русских отношений, известные и неизвестные: рукописи ученого в Архиве РАН</i>	160
--	-----

*Колмакова М.В. (Санкт-Петербург). Библиотека М.П.
и Н.М. Петровских в 20–30-е годы XX в.* 172

*Чернышенко Д.Ю. (Санкт-Петербург). Книги из библиотеки
П.А. Сырку в частных собраниях славистов
(предварительные замечания).....* 181

Публикации источников

*Гусев Н.С. (Москва). Пехливанова К. Биография
Йордана Георгиева Пехливанова* 188

Рецензии

*Узенёва Е.С. (Москва). Взаимодействие языка и культуры
в пространстве Славии: этнолингвистический аспект* 200

Хроника научной жизни

*Гусев Н.С., Дубовик О.А. (Москва). Конференция
«Балканы и Европа во время Восточного кризиса (1875–1881)».
София, 2–4 марта 2018 г.....* 205

*Мельников Г.П. (Москва). Конференция памяти Л.П. Лаптевой.
Российский государственный гуманитарный университет,
17 мая 2018 г.* 211

К юбилею коллег

*Панькина О.В. (Москва). К 90-летию
академика Милана Гюрчинова* 216

CONTENTS

<i>Konstantin V. Nikiforov</i> “Thank you, Russia, for giving us Andrey...”	7
--	---

Articles

<i>Natalia S. Dushakova</i> What was Nikon guilty of, or the Role of modern narratives of Raskol in the maintaining the Old Believers’ identity	12
<i>Jiří Brňovják</i> Silesian Aristocrat Count Heinrich Wilhelm von Wilczek and His Role in Central European Policy in the First Half of the Eighteenth Century	21
<i>Timur V. Gimadeev</i> Main trends in the Czech Catholic historiography of Hussitism (the late nineteenth – early twentieth century).....	34
<i>Svetlana M. Falkovich</i> Adam Mickiewicz and the Polish political emigration in the mid-nineteenth century.....	46
<i>Ksenia V. Melchakova</i> The Bosnia Vilayet through the lens of photographer Petr Pyatnitsky	60
<i>Natalia G. Strunina-Borodina</i> On the jubilee celebrations in Cetinje and proclamation of the Kingdom of Montenegro in 1910 (based on the reports of the Russian diplomat Sergey Arsenyev)	72
<i>Mikhail V. Vedernikov</i> Baku sport societies in the Russian Empire (1900–1914)	88
<i>Kaori Kimura, Alexander S. Stykalin</i> The Hungarian-Yugoslav relations: from the Rajk Trial to Stalin’s death (1949–1953)	100
<i>Olga N. Mayorova</i> On the Fiftieth Anniversary of March, 1968 Events in Poland	123
<i>Irina V. Rudneva</i> The last Croatian defender of brotherhood and unity – Miloš Žanko. A story of desperate courage and political responsibility	135
<i>Ella G. Zadorozhnyuk</i> Foreign policy priorities of the Czech parliamentary parties (following the 2017 elections)	144

From scientific heritage of Slavists

Tatiana N. Lapteva

Known and unknown Antony Florovsky's works
on the history of Czech-Russian relations:
manuscripts of the scientist in the Archive
of the Russian Academy of Sciences 160

Maria V. Kolmakova

Memnon and Nestor Petrovsky's book collection
in the 1920s and 1930s 172

Daria Yu. Chernyshenko

Books from the Polichrony Syrku's library
in private collections of Slavists
(preliminary observations) 181

Publication of historical sources

Nikita S. Gusev

Pehlivanova, Kira. Biography of Jordan Georgiev Pehlivanov 188

Reviews

Elena S. Uzeneva

Interactions of language and culture in the Slavic space:
the ethnolinguistic aspect 200

Chronicle of scientific life

Nikita S. Gusev, Olga A. Dubovik

"The Balkans and Europe during the Eastern Crisis (1875–1881)"
Conference, Sofia, 2018, March, 2–4 205

Georgij P. Mel'nikov

Conference in memoriam of Professor Lyudmila Lapteva.
Russian State University for the Humanities, 2018, May, 17 211

On anniversaries of colleagues

Olga V. Pankina

On the ninetieth anniversary of Academician Milan Gurchinov 216

**«СПАСИБО РОССИИ ЗА ТО,
ЧТО ОНА ПОДАРИЛА НАМ АНДРЕЯ...»**

**Константин Владимирович
Никифоров –**

доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН

**“THANK YOU, RUSSIA,
FOR GIVING US ANDREY...”**

Konstantin V. Nikiforov –

Doctor of Sciences,
Director, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences

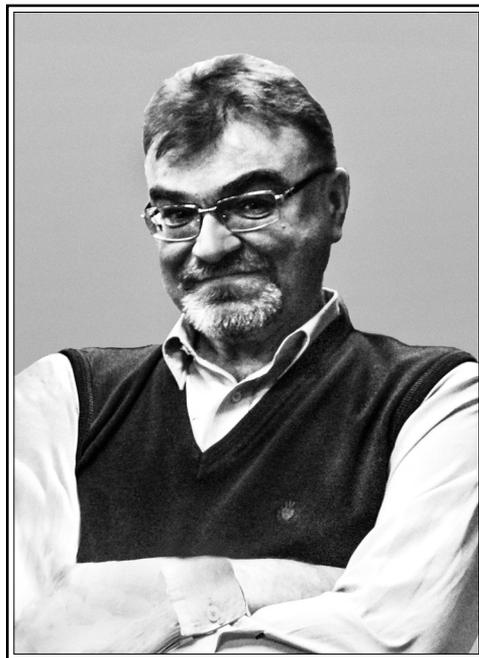
Преждевременная смерть Андрея Леонидовича Шемякина повергла всех в шок. Он ушел в 57 лет, в самом расцвете творческих сил, ушел, не сделав многого из задуманного. Однако и то, что он успел, иным хватило бы и на несколько научных судеб.

Он родился в Туле, не то, что очень далеко от Москвы, но все-таки в провинции. К своей любимой профессии Андрей пробился не сразу. Он отслужил в армии и лишь затем поступил на Исторический факультет МГУ — через обучение на подготовительном отделении, которое в обиходе называлось рабфаком. Но затем уже ничто не сбивало его с прямой дороги. Ленинский стипендиат, гордость курса и кафедры истории южных и западных славян, которую он избрал для специализации. Более того, по совету научного руководителя, заведующего этой кафедрой В.Г. Карасева он уже в студенческие годы выбрал главный объект своего более тщательного изучения — сербского государственного деятеля конца XIX — начала XX вв. Николу Пашича. И это оказалось любовью на всю жизнь.

В 1986 г. Андрей закончил Исторический факультет МГУ, в 1989 г. — там же на кафедре истории южных и западных славян — аспирантуру. В 1990 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Образование Радикальной партии в Сербии в 1881–1883 годах». Позже кандидатская была переработана в монографию «Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883)» (М., 1993).

Тогда же произошло еще одно судьбоносное для него событие — Андрей стал сотрудником Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне — Институт славяноведения РАН), где без перерыва проработал поч-

ти 30 лет и все эти годы в одном секторе, который ныне называется Отделом истории славянских народов периода мировых войн. В Институте он быстро стал своим и скоро во многом определил его научное лицо. Он поочередно занимал должности младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, зав. отделом, зам. директора, ведущего научного сотрудника, главного научного сотрудника. В 1998 г. в Институте славяноведения Андрей Леонидович защитил в качестве докторской диссертации монографию «Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)». Позже она была переведена на сербский язык. Отметим и тот факт, что если первая монография была посвящена автором своему учителю В.Г. Карасеву, то вторая — матери Анне Сергеевне, с которой он всегда был чрезвычайно близок.

Андрей Леонидович Шемякин
(1.05.1960 — 8.03.2018)

Уже в 1990-е годы А.Л. Шемякин стал признанным специалистом по истории Радикальной партии и ее бессменного лидера Николы Пашича. Специалиста подобного уровня в наше время не было не только в России, но и в самой Сербии. Андрей Леонидович работал самозабвенно, с упоением, азартом и вдохновением. Своей страстностью он заражал всех, кто имел счастье с ним общаться. Так в идеале и должен работать настоящий ученый. Ничто не могло воспрепятствовать его научной деятельности — ни долгие годы скитаний по Москве без собственного угла, ни тотальное безденежье 1990-х годов, которое «выбило» из профессии многих ученых его поколения.

Никола Пашич не просто стал героем научных изысканий Андрея Леонидовича. Он буквально вжился в этот образ, скрупулезно, по дням изучал каждый поворот биографии знаменитого серба, переписывался даже с его внуком. В целом А.Л. Шемякин высоко и безоговорочно оценил вклад лидера Радикальной партии в развитие сербской государственности. До этого личность Пашича не привлекала столь пристального внимания отечественных историков, хотя явно этого заслуживала. Пашич был не только крупной политической фигурой и признанным русофилом, его идеи по сохранению

в Сербии общины-задруги в чем-то, несомненно, перекликались с идейными построениями русских народников, были интересны и для лучшего понимания истории России. Своими книгами и многочисленными статьями о Николе Пашиче, его сподвижниках по сербскому радикализму, других его современниках, об истории Сербии того времени А.Л. Шемякин закрыл имевшуюся в российской историографии лауну.

Сегодня фигура Пашича уже неразрывно связана в историографии с работами Шемякина. Но всё же было бы несправедливо и неправильно связывать научное творчество Андрея Леонидовича только с одним историческим персонажем. Так, он довольно неожиданно обратил внимание на внука прославленного героя Бородинской битвы Николая Николаевича Раевского — добровольца, погибшего в Сербии в войне против турок. А.Л. Шемякин посвятил Раевскому специальное исследование на стыке истории и литературоведения, в котором убедительно поддержал версию о том, что именно Раевский являлся прототипом графа Вронского из толстовской «Анны Карениной». Книга Шемякина «Смерть графа Вронского» вышла двумя изданиями (М., 2002 и СПб., 2007) и была также переведена на сербский язык.

Третьим тематическим блоком работ А.Л. Шемякина мы бы назвали исследования, посвященные различным аспектам сербской и балканской модернизации. На эту тематику он вышел, продолжая заниматься Николой Пашичем, проблемами столкновения и взаимодействия на сербской земле процессов модернизации и традиционализма. Этим многолетним и плодотворным проектом под общим и характерным названием «Человек на Балканах» А.Л. Шемякин руководил совместно с Р.П. Гришиной.

В рамках этого проекта вышло восемь тематических сборников: «Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в.» (СПб., 2002); «Человек на Балканах и процессы модернизации. Синдром отягощенной наследственности (последняя треть XIX — первая половина XX в.)» (СПб., 2004); «Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя треть XIX — начало XX в.)» (СПб., 2006); «Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX в.)» (СПб., 2007); «Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX—начало XX в.)» (СПб., 2009); «Человек на Балканах глазами русских» (СПб., 2011); «Модернизация vs война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн» (М., 2012); «Человек на Балканах: Особенности “новой” южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.» (М., 2016).

К «модернизационному» проекту прямо или косвенно примыкают индивидуальные монографии Р.П. Гришиной о болгарской модернизации и В.Б. Хлебниковой о подобных же процессах в Черногории. Андрей Леонидович также задумывал написать индивидуальную монографию о сербской

модернизации, но, к сожалению, не успел. Впрочем, из всех написанных им глав, предисловий, послесловий, примечаний и комментариев вполне может сложиться отдельный сербский томик. Отметим и то, что А.Л. Шемякин был горячим, азартным полемистом. Так, по вопросам первой сербской модернизации он вел непримиримую дискуссию с рядом сербских историков, которые, на его взгляд, явно преувеличивали весьма скромные достижения во многом еще патриархальной страны.

Наконец, четвертым тематическим блоком работ Андрея Леонидовича явились работы так называемого имагологического направления, то есть исследования, связанные с представлениями, стереотипами, интерпретациями образов «других», «чужих», «инородных». В Институте славяноведения РАН подобными исследованиями до него занимались в основном литературоведы, в частности, В.А. Хорев, но среди историков А.Л. Шемякин оказался первопроходцем. В результате отечественная историческая сербистика пополнилась двумя замечательными публикациями: «Русские о Сербии и сербах. Т. I» (СПб., 2006); «Русские о Сербии и сербах. Т. II (архивные свидетельства)» (М., 2014). В этих трудах А.Л. Шемякин выступал не только как составитель, но и как автор комментариев, а главное — больших проблемных вводных и заключительных статей.

Имагологическую тематику подхватили историки и в России, и в Сербии, где большое сходное исследование — сербы о России и русских — провел М. Йованович. А.Л. Шемякин задумывался и о третьем томе своей работы, который целиком бы относился к заметкам о Сербии П.А. Ровинского — путешественника и исследователя, более известного по своим запискам о Черногории. Андрей Леонидович высоко ценил его наблюдательность и уже начал работать над новой книгой, написал ряд статей, отобрал необходимый для публикации материал. Будем надеяться, что в том или ином виде этот труд его коллегам всё же удастся довести до издания.

Конечно, четыре отмеченных нами тематических блока совсем не исчерпывают многогранное научное наследие Андрея Леонидовича. Помимо всего прочего, он был автором больших разделов таких важных для историографии изданий как, например: «История Балкан. Век восемнадцатый» (М., 2004) или «Югославия в XX веке. Очерки политической истории» (М., 2011). Эти работы, кстати, наглядно демонстрируют большой хронологический охват научных интересов А.Л. Шемякина. Мы уже говорили о его публикаторской деятельности, но напомним также о книгах «Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 3. Общественно-политические и культурные связи. 1878–1917» (М., 2014) и «Балканские воспоминания» В. Штрандтмана (М., 2014). Андрей Леонидович много печатался в Сербии, был желанным автором практически всех сербских научных журналов исторического профиля.

Хотелось бы отметить яркое, живое перо А.Л. Шемякина, в этом смысле он был, несомненно, продолжателем славных традиций таких корифеев

отечественной исторической науки, как Е.В. Тарле и В.Н. Виноградов. Андрей Леонидович был хорошим оратором, особенно ему удавались эмоциональные выступления на сербском языке, которым он блестяще владел. Воистину, как кто-то уже отмечал: «Пишет — зачитаешься, выступает — заслушаешься». Поражали его эрудиция, широкий круг интересов. Он был безупречен с точки зрения научной этики, доброжелателен с коллегами, охотно всем помогал, особенно молодым. Он был очень порядочным человеком.

Андрея Леонидовича можно без преувеличения назвать одним из самых известных российских историков в Сербии. Он часто бывал в этой стране и очень ее любил. Недаром на его уход откликнулись все сербские научные институты — от Сербской академии наук и искусств, Белградского университета и Матицы сербской до профильных исторических институтов, отдельных ученых и рядовых граждан. В одном из частных соборознаний, пришедшим в Институт славяноведения РАН, говорилось: «Спасибо России за то, что она подарила нам Андрея, спасибо Вам за всё, что делает Ваш Институт...». Но Россия прежде всего подарила Андрея самой себе, всем нам, подарила российской интеллигенции, российской исторической науке. Такие люди встречаются редко. И они вызывают чувство гордости за свою страну, за то, что, несмотря ни на что, русская земля не иссякла на яркие таланты.

Светлая память об Андрее Леонидовиче сохранится в сердцах всех, кто его знал, а новые поколения историков-сербистов обязательно будут учиться на его работах. Его будут помнить.

В ЧЕМ ВИНОВАТ НИКОН, ИЛИ РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ НАРРАТИВОВ О РАСКОЛЕ В ПОДДЕРЖАНИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Наталья Сергеевна Душакова –

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Российский государственный гуманитарный
университет, Москва.
dushakova@list.ru

Аннотация

На основе устных нарративов о расколе, зафиксированных среди старообрядцев Северо-Западного Причерноморья в 2008–2017 гг., в статье анализируются внутренние версии актуального исторического прошлого и то, каким образом они влияют на очерчивание групповых границ «изнутри» сообществ. Повествования о патриархе Никоне рассматриваются как мифологизированные исторические нарративы. Для них характерны нелинейность времени, включение значимых мотивов (искажение/предательство веры, гонения старообрядцев) и указаний на важные для самих старообрядцев этноконфессиональные признаки.

Ключевые слова

Старообрядцы, раскол, Никон, исторический нарратив, актуальное прошлое, Республика Молдова.

WHAT WAS NIKON GUILTY OF, OR THE ROLE OF MODERN NARRATIVES OF RASKOL IN THE MAINTAINING THE OLD BELIEVERS' IDENTITY

Natalia S. Dushakova –

PhD, Researcher, Russian State University for the
Humanities, Moscow.
dushakova@list.ru

Abstract

Based on oral narratives of the Raskol (schism) recorded among the Old Believers of the North-Western Black Sea Region in 2008–2017, the article analyses inner versions of the topical historical past and the way they influence the delineation of group boundaries «from within» the communities. Narratives about Patriarch Nikon are viewed as mythological historical narratives. They are characterized by the non-linearity of time, inclusion of significant motives (distortion / betrayal of faith, persecution of the Old Believers) and indications of ethno-confessional features Old Believers themselves find significant.

Keywords

Old Believers, Raskol (schism), Nikon, historical narrative, topical past, Republic of Moldova.

* Исследование выполнено из средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-10091).

Мифологизированные исторические нарративы о расколе и патриархе Никоне, зафиксированные среди современных старообрядцев, представляют интерес как живые свидетельства, которые формируют различные внутренние версии собственного исторического прошлого и влияют на поддержание идентичности путем очерчивания групповых границ сообществ «изнутри».

Рассказывая о своей истории во время свободной беседы или отвечая на вопросы исследователя, старообрядцы часто упоминают патриарха Никона, вне зависимости от того, о каком историческом периоде заходит речь. В данной статье в центре исследовательского интереса находятся устные нарративы о Никоне, зафиксированные во время экспедиций 2008–2017 гг. в поселениях Республики Молдова (с. Кунича, с. Покровка, с. Старая Добруджа, г. Оргеев, г. Единцы), включая Приднестровье (г. Тирасполь, г. Бендеры). Большинство информантов — старообрядцы белокриницкого согласия, в г. Единцы — старообрядцы-беспоповцы поморского согласия. На основе устных повествований рассмотрим, что собой представляют и какую роль в настоящее время играют внутренние версии актуального прошлого, транслируемые в старообрядческих сообществах.

Исторические предания старообрядцев Придунавья, в том числе посвященные расколу, рассматривались А. А. Пригариным¹, В. А. Липинской². Устным повествованиям старообрядцев Буковины посвятила свою работу А. Анфимова³. На основе материалов из другого региона — Урало-Поволжья — Е. С. Данилко показала, что повествования о расколе тесно связываются с событиями священной истории⁴. Среди характерных черт подобных устных нарративов автор называет нарушение последовательности событий, наличие участников, живших в разное время. Например, Никон и Петр I выступают сообщниками в расколе православной церкви⁵. Наряду с материалами рукописных источников, устные нарративы о Никоне, записанные в Кировской области, проанализировала О. О. Орлова. Она пришла к обоснованному выводу о том, что, «наделив инициатора церковной реформы середины XVII в. маркирующими признаками врага — бого-

¹ Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этно-конфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX вв. Одесса; Измаил; М.: Смиль, Археодоксия, 2010; Он же. «Народные предания» и «историография»: уровни исторического (со)знания липован // ШАГИ. 2016. № 2 (4). С. 114–149.

² Липинская В.А. Исторические предания липован // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 43–55.

³ Анфимова А. Бывальщина: Быт и народные повествования липован Буковины. Бухарест, 2007.

⁴ Данилко Е.С. Священная история и раскол в устной традиции (перевод с книжного на народный) // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. 5. Одесса, 2008. С. 61–70.

⁵ Данилко Е.С. Священная история и раскол в устной традиции... С. 67.

отступника, грешника, предтечи антихриста, старообрядцы уже четвертое столетие используют образ Никона при определении своей идентичности (мы — старovery, они — никониане) и для защиты своего представления о благочестии (ведь «иные» неблагочестивы уже потому, что следуют за грешником и слугой сатаны)⁶). Тем не менее, можно предположить, что для старообрядцев фигура патриарха Никона более многогранна: она осмысливается не только в рамках «образа врага», с ней связывается начало истории старообрядчества, начало нового миропорядка. Исходя из этого, в данной статье предполагается проанализировать не столько «образ Никона», сколько внутренние версии истории, в которых Никон зачастую играет главную роль.

Перед тем, как приступить к анализу зафиксированных устных свидетельств, следует обратить внимание на ряд особенностей функционирования культурно-исторической памяти. С. Ю. Неклюдов выделил трехступенчатую градацию во временной удаленности событий, которые хранятся в памяти: 1. «События “вчерашнего дня”, подлинность которых в принципе может быть прямо засвидетельствована рассказчиком»; 2. «“Историческое” прошлое, сообщение о котором передается “непосредственно-коммуникационным” способом (примерно через пять поколений: внуку от деда, слышавшего о нем от “живого свидетеля” — своего деда)»; 3. «Собственно мифологическое (или мифологизируемое) «давно прошедшее», время рождения настоящего миропорядка, живое свидетельство о котором исключено по определению»⁷. Со вторым этапом в концепции С.Ю. Неклюдова сопоставимо функционирование постпамяти (по М. Хирш) — памяти поколения, среди которого не было очевидцев события, но воспоминания о нем передавались свидетелями настолько живо, что создается впечатление, будто о нем «помнят», хоть и только из историй, фотографий очевидцев, т.е. тех людей, среди которых они выросли⁸.

Устные нарративы о расколе и патриархе Никоне следует отнести к третьей ступени — тому историческому периоду, о котором не может быть ни живых воспоминаний, ни воспоминаний, переданных потомкам от живых свидетелей. Эти нарративы зачастую мифологизированы, исторические «факты» в них вплетаются весьма условно.

Итак, что, по мнению старообрядцев очерченного региона, было при Никоне?

⁶ Орлова О.О. «Никон взял ключи от царства Христова: и сам не входит, и людей не пускает»: образ врага в старообрядческих рассказах о патриархе Никоне // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е.Б. Смилянкой. М., 2012. С. 230.

⁷ Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология / сост. М.В. Ахметова. М., 2005. С. 13.

⁸ Подробнее см.: Hirsch M. The generation of postmemory // *Poetics Today* 29:1, 2008. P. 103–128.

Это же всё Никон и раскол сделал. Это всё он сделал [ЕАН, 1989 г.р., с. Кунича]⁹.

...возьмем с самого начала, возьмем Никона. Почему всё это получилось? Запад толкнул-толкнул-толкнул. Всё вроде новое, всё вроде упрощенное. А что получилось? Получилось старообрядчество [НШ, 1979 г.р., с. Кунича, зап. Соломин И. И. Фонд дневников Межкафедральной археографической лаборатории МГУ].

Было гонение на нашу веру староверческую. Наверное, наши откуда-то приехали... Вот тогда бежали от Никона, который доказывал, что никакого старообрядчества быть не может. И вот тогда-то и говорят, что люди сжигали себя, но не хотели, чтобы они были в никонианской вере [АМА, 1925 г.р., г. Тирасполь].

Про Никона? Ну, в общем. Они [родители. — Н. Д.] объясняли, что было притеснение, в вере притесняли, искажение, они не хотели признавать очень многого. Искажений, упущений [ПМФ, 1957 г.р., с. Кунича].

Ну, видите, до Никона одна была вера у России, а когда уже Никон, тогда раскололось, разделился, и которые держались крепко веры и уходили в леса в Россию, туда, в Сибирь и гнали их, и сжигали на кострах, и мучали. Было такое гонение тады [ПФИ, 1931 г.р., с. Кунича].

Приведенные здесь тексты отражают типичные представления о деятельности Никона: он осуществил раскол церкви, искажил веру, инициировал гонения / притеснения / мучения тех, «которые держались крепко веры». В беспоповской общине был также зафиксирован мотив сжигания книг:

Раньше сжигали книги очень. При Никоне очень сжигали эти старообрядческие книги, очень сжигали [ЩИИ, 1944 г.р., г. Единцы].

Нередко в устные нарративы о патриархе Никоне включается мотив насильственного обрезания бороды:

Вот этот развал в религии произошёл именно тогда. И старообрядцев страшно преследовали. Они всё время носили бороды. Он насильно обрезал эти бороды. Сколько они натерпелись, эти старообрядцы! [НВФ, 1927 г.р., г. Тирасполь].

Наши — то же самое, на Руси так же бороды носили, до 17 века это было, до начала до 17 века это было, и патриарх Никон, который всё это самое. И поехали из Российской империи кто в Южную Амери-

⁹ Здесь и далее цитируются полевые материалы автора, если не указано иное. Часть полевых материалов, собранных в 2009–2016 гг., представлена в электронной базе данных по адресу: <http://eurasianphonology.info/static/groups/index.html>. По г. Тирасполь привлекались материалы из архива Центра «Сэфер», зап. Н.С. Душак-овой, Д.С. Рыговским в 2017 г.

ку, кто туда-сюда, разбросало всех кто на Кавказ там, в Прибалтику там вот, потому что гонения сильные были, вот они и становились группа такая. И жили хорошо, очень же прекрасно жили, никто никого не предавал, ничего, до сих пор они живут хорошо [ГГА, 1946 г.р., г. Оргеев, зап. В.А. Дымшиц в 2010 г.].

Поскольку целью статьи является анализ внутренних версий прошлого и их роли в поддержании групповых границ, в ней не будут сопоставляться представления старообрядцев, отраженные в устных нарративах, с официальными версиями истории. Однако в данном случае отмечу, что указ брить бороды был введен Петром I. В изучаемом регионе не во всех устных рассказах о запрете носить бороды фигурирует личность Никона, в этом контексте вспоминают и о Петре I¹⁰.

Как видно, в приведенные фрагменты повествований, наряду с историческими «фактами», вплетаются представления о значимых травматических событиях прошлого, отражаются важные для этноконфессиональной общности признаки. Создаются свои версии событий прошлого. В них фигура Никона выступает основным маркером — опорной точкой в знаниях об истории или своего рода меткой для всей системы представлений о прошлом¹¹. По словам И. М. Савельевой и А. В. Полетаева, «маркеры покрывают историю неравномерно, в соответствии с распределением интереса к прошлому и знаний о нем¹²». В этом контексте то, что главному действующему лицу церковного раскола приписывается и внедрение закона брить бороды, что до настоящего времени рассматривается старообрядцами как серьезное нарушение религиозных предписаний, видится весьма показательным.

В зафиксированных нарративах о Никоне и расколе мотив бегства от церковной реформы и самого патриарха выполняет важную функцию интеграции местной истории в общую историю старообрядчества:

[А как старообрядцы появились здесь, в этих краях?] Родители рассказывали, что бежали. Никоновская реформа когда была, бежали. Убегали, короче, старообрядцы от Никона и сюда в леса, здесь леса были, вот, и они леса, тем более, Днестр, перешли реку — и сюда, так родители рассказывали [ПМФ, 1957 г.р., с. Кунича].

¹⁰ Подробнее об указе Петра I и о реакции на него, а также о значении бороды с точки зрения обычного права, церковной традиции и мифологических представлений см.: Левкиевская Е.Е. «Борода предорогая...» // Родина. 1999. № 6. С. 84–87. О запрете брить бороды старообрядцам на материалах письменных источников и устных свидетельств из Северного Причерноморья см.: Пригарин О.А. Борода та її знакові функції в уявленнях старообрядців Подунав'я // Тіло в текстах культур: 36. ст./ голь. ред. Г. Скрипник; упоряд. О. Боряк, М. Маерчик. Київ, 2003. С. 63–68.

¹¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М., 2008. С. 164.

¹² Там же. С. 165.

[Расскажите, как появились старообрядцы в этих краях, как они тут оказались] Ну, как оказались... ну это история, так сказать, надо, это я не помню много лет, это во время, когда был Никон. Веру когда поколебал [...] Ну, когда... в то время, когда было расколово гонение в XVIII веке, вот тогда и перебрались наши предки [ПФИ, 1931 г.р., с. Кунича].

Обратим внимание на то, что подобной синхронизации местной истории с историей старообрядчества в целом не происходит в рамках нарративов, функционирующих на уровне постпамяти или «исторического прошлого» в концепции С. Ю. Неклюдова. Таковы повествования об основании одного из самых молодых старообрядческих поселений — с. Старая Добруджа на севере Республики Молдова (1920-е годы). Например:

Мы родились там, в Покровке. Потом стало тесновато там, и давай здесь — закупили землю, где наше село это. А раньше это были богатые, держали землю там все. И, значит, купили эту землю некоторые старики и начали строиться. В первую очередь, там несколько домов — два-три дома построили, потом церковь построили. А первые дома деревянные! Да, да. Они не знали этот саман, как в России строили... [СИТ., с. Старая Добруджа].

Последователей никоновских реформ старообрядцы до настоящего времени чаще всего называют «никонианами» (реже: по этнической принадлежности — русские, молдаване, румыны, хохлы, евреи и т.д.; старообрядцы; «православные, но не наши»; «простые православные»; внешние; кирилловцы). В устных повествованиях они нередко фигурируют как сторонники Никона, например: «Служители, вот, царя под влиянием никониан, вот, проводили вот такое преследование старообрядцам» [НВФ, 1927 г.р., г. Тирасполь]. В противовес «первичной», «изначальной», «истинной» вере старообрядцев, вера никониан представляется как «искаженная», «более поздняя»:

Наши крест именно от Христа, так идет. Мы не изменяли, патриарх Никон изменил, он внес новшества. А старообрядцы как были в своей вере, так они и остались. Они ничего не меняли. И вдруг — стали их называть раскольники. Какие раскольники? Они же веру не раскололи. Они как были в своей вере, так и остались. Я так понимаю [ХТА, 1950 г.р., с. Старая Добруджа].

Просто есть вот наша вера до раскола, а есть уже нововведения там пошли, вот после никонцев. Да, это уже ново... новообрядец. И они нас называли раскольниками, но, на самом деле, они раскололи веру [АДФ, 1980 г.р., с. Покровка].

Если переходят из другой веры в старообрядчество, это очень... ну, положительно, а с нашей веры уже нельзя переходить. Потому что у

нас первая и... самая первая вера. Старообрядцы, а потом уже пошли никониане [СЕЕ, 1938 г.р., г. Тирасполь].

Знаете, это 350 лет назад получилось, когда был раскол и прочее-прочее, и реформы никоновские проводились и законы, знаете, то старообрядцы ведь были. Старообрядцы — как бы так говорят, но мы же истинноверцы, будем считать. Вот так нужно называть, а нас такое... вооон, там, особенно в России — «старообрядцы», «старое что-то такое». Нет, не старое, всё это истинное, вот самое основное — истинное — истинноверцы. А то, что кто-то... [КФИ, 1959 г.р., с. Старая Добруджа].

Мы называемся «старообрядцы», я и Артемовна — люди старой веры. Между прочим, старообрядцами были и все остальные — никонианами которых теперь называем [НВФ, 1927 г.р., г. Тирасполь].

ПМФ: Вот наших родителей мы могли считать настоящими старообрядцами [...]. Во-первых, они очень крепко держали свою веру. Они даже... вот у нас тут украинцы живут на селе... МЕА: Никонианцы. ПМФ: Ну, никонианцы, украинцы, вот... хохлы называют... [Да, я слышала...]. Ну, вот, нельзя было, чтобы с одной кружки они пили воду... [С хохлами?] Да, с хохлами.

Значит, они считались поганые — хохлы, потому что они предали веру, значит, старую веру предали, они поганые [ПМФ, 1957 г.р., МЕА, 1951 г.р., с. Кунича].

Таким образом, никониане в повествованиях современных старообрядцев — это те, кто поддерживал деятельность патриарха по осуществлению церковного раскола и предал истинную веру. На этом основании проводится четкая граница: никониане считаются погаными, поэтому на взаимодействии с ними налагается целый ряд ограничений.

В зафиксированных устных нарративах о религиозном расколе середины XVII в. прослеживаются и параллели с современными событиями, в частности, с распадом СССР:

Никон — патриарх или митрополит московский он был тогда, он вроде как в нашей стране. Так вот он так же, как у нас развалили Союз в 90-м году, вот точно так же он развалил религию. Он ввёл греческую... греческие каноны. А православие осталось в мизерном количестве, они их начали преследовать. Они много, старообрядцы, перетерпели [НВФ, 1927 г.р., г. Тирасполь].

Вот он второй раскол пришел — развал Союза. Это не развал Союза. Я не то, что там за коммунистов, нет. Я не политически. Разломать веру, душу разломать, братство разломать — вот где я вижу, вот, что нас разломали [НШ, 1972 г.р., с. Кунича, зап. Соломин И. И. Фонд дневников Межкафедральной археографической лаборатории МГУ].

Временная удаленность знакового события, как было показано выше, влияет на способы передачи и функционирования текстов о нем. Исходя из этого, о расколе церкви и о распаде Советского Союза «вспоминают» по-разному. Аналогии с прошлыми эпохами наряду с элементами циклической модели времени — характерные черты именно мифологизированных исторических нарративов, к которым относятся повествования о патриархе Никоне и его реформах.

Таким образом, устные рассказы современных старообрядцев о расколе и деятельности патриарха Никона — это не трансляция исторических фактов, это история на языке традиции. Для внутренних версий истории характерна нелинейность времени, включение ряда значимых мотивов (искажение/предательство веры, гонения старообрядцев) и указаний на важные для самих старообрядцев этноконфессиональные признаки (нередко эти признаки вводятся путем «искажения исторических фактов», как, например, связь Никона с запретом носить бороды). Церковный раскол осмысливается как точка отсчета старообрядческой истории, как акт творения нового миропорядка. Гармоничное прошлое — это дониконовская эпоха, за которой следует искажение основ веры. В центре этого переломного события находится историческая личность (патриарх Никон), которой приписываются многочисленные действия, закрепляющие воспоминания о религиозном расколе и, соответственно, утрате гармонического миропорядка. Актуальное прошлое, разделяемое старообрядцами региона, то есть история в том виде, в каком о ней рассказывают в настоящее время, используется для очерчивания групповых границ «изнутри». Постоянное «переписывание» воспоминаний и переосмысление знаковых событий приводят к возникновению новых версий актуального прошлого.

Литература

1. *Анфимова А.* Бывальщина: Быт и народные повествования липован Буковины. Бухарест: CRLR, 2007.
2. *Данилко Е.С.* Священная история и раскол в устной традиции (перевод с книжного на народный) // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. 5. Одесса: Смил, 2008. С. 61–70.
3. *Левкиевская Е.Е.* «Борода предорогая...» // Родина. 1999. № 6. С. 84–87.
4. *Липинская В.А.* Исторические предания липован // Этнографическое обозрение. 1997. № 6. С. 43–55.
5. *Неклюдов С.Ю.* Структура и функция мифа // Современная российская мифология / сост. М.В. Ахметова. М.: РГГУ, 2005.
6. *Орлова О.О.* «Никон взял ключи от царства Христова: и сам не входит, и людей не пускает»: образ врага в старообрядческих рассказах о патриархе Никоне // О своей земле, своей вере, настоящем и пережитом в России XX–XXI вв. (к изучению биографического и религиозного нарратива) / под ред. Е.Б. Смилянкой. М.: Индрик, 2012.

7. Пригарин А.А. «Народные предания» и «историография»: уровни исторического (со)знания липован // ШАГИ. 2016. №2 (4). С. 114–149.
8. Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этно- конфессиональной общности в конце XVIII — первой половине XIX вв. Одесса; Измаил; М.: Смил; Археодоксія, 2010.
9. Пригарин О.А. Борода та її знакові функції в уявленнях старообрядців Подунав'я // Тіло в текстах культур: Зб. ст. / голв. ред. Г. Скрипник; упоряд. О. Боряк, М. Маерчик. Київ: [ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАН України], 2003. С. 63–68.
10. Савельева И.М., Поletaev A.B. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
11. Hirsch M. The generation of postmemory // *Poetics Today*. 2008. 29:1. P. 103–128.

References

1. Anfimova A., 2007. *Byval'shchyna: Byt i narodnye povestovaniia lipovan Bukoviny*. Bukharest: CRLR.
2. Danilko E.S., 2008. Sviashchennaia istoriia i raskol v ustnoi traditsii (perevod s knizhnogo na narodnyi), *Lipovane: istoriia i kul'tura russkikh-starobriadtsev*, вып. 5. Odessa: Smil. S. 61–70.
3. Hirsch M., 2008. The generation of postmemory, *Poetics Today*, 29 (1), p. 103–128.
4. Levkievskaia E.E., 1999. “Boroda predorogaia...”, *Rodina*, 6, s. 84–87.
5. Lipinskaia V.A., 1997. Istoricheskie predaniia lipovan, *Etnograficheskoe obozrenie*, 6, s. 43–55.
6. Nekliudov S.Iu., 2005. Struktura i funktsiia mifa. In: Akhmetov M.V., ed. *Sovremennaia rossiiskaia mifologiiia*, Moscow: RGGU.
7. Orlova O.O. (2012) “Nikon vzial kliuchi ot tsarstva Khristova: i sam ne vkhodit, i liudei ne puskaet”: obraz vruga v starobriadcheskikh rasskazakh o patriarkhe Nikone. In: Smilyanskaya, E.B., ed. *O svoei zemle, svoei vere, nastoiashchem i perezhitom v Rossii XX–XXI vv. (k izucheniiu biograficheskogo i religioznogo narrativa)*. Moscow: Indrik.
8. Prigarin A.A., 2016. “Narodnye predaniia” i “istoriografii”: уровни исторического (со)знания липован, *ShAGI*, 2 (4), s. 114–149.
9. Prigarin A.A., 2010. *Russkie starobriadttsy na Dunae: formirovanie etno- konfessional'noi obshchnosti v kontse XVIII — pervoi polovine XIX vv.* Odessa; Izmail; Moskva: Smil; Arkheodoksiia.
10. Prigarin A.A., 2003. Boroda ta її znakovi funktsii v uiavlenniakh starobriadtziv Podunav'ia. In: Skrypnyk H., Boriak, O., Maierchuk, M., eds. *Tilo v tekstakh kul'tur: Zb. st.* Kyiv: [IMFE im. M. T. Ryl'skoho NAN Ukraïny]. S. 63–68.
11. Savel'eva I.M., Poletaev, A.V., 2008. *Sotsial'nye predstavleniia o proshlom, ili Znaiut li amerikantsy istoriiu*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

**СИЛЕЗСКИЙ АРИСТОКРАТ
ГРАФ ГЕНРИХ ВИЛЬГЕЛЬМ ВИЛЬЧЕК*
И ЕГО МЕСТО В ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.**

Иржи Брнёвjak –

PhD, преподаватель Оставского университета,
Чехия.

jiribrnovjak@seznam.cz

Аннотация

Статья рассказывает о жизни австрийского дипломата чешского происхождения Генриха Вильгельма фон Вильчека, его потомках, историческом значении этого рода, судьбе их родовых владений в Силезии и Австрии, а также о контактах рода Вильчеков с Россией.

Ключевые слова

Генрих Вильгельм Вильчек (Индржих Вилем Влчек), род Вильчеков, монархия Габсбургов, Верхняя Силезия, Речь Посполитая, Пётр I, Карл XII, Август III.

**SILESIA N ARISTOCRAT
COUNT HEINRICH WILHELM VON WILCZEK
AND HIS ROLE IN CENTRAL EUROPEAN POLICY
IN THE FIRST HALF OF THE EIGHTEENTH CENTURY**

Jiří Brňovjak –

PhD, Educational Advisor, University of Ostrava,
Czech Republic.

jiribrnovjak@seznam.cz

Abstract

The article examines the lives of the Austrian diplomat of Czech origin Heinrich Wilhelm von Wilczek and his descendants, historical significance of the Wilczek family, and the fate of their possessions in Silesia and Austria, as well as the family's ties with Russia.

Keywords

Jindřich Vilém Vlček, Heinrich Wilhelm von Wilczek, Habsburg monarchy, Upper Silesia, Rzeczpospolita, Peter the Great, Charles XII, Augustus III.

* В российской историографии в XIX в. закрепился немецкий вариант написания имени графа — Генрих Вильгельм Вильчек, в XX в. стала также использоваться аутентичная чешская версия — Индржих Вилем Влчек. — *Прим. переводчика.*

В раннее Новое время Верхняя Силезия представляла собой периферийную область Чешского государства и всей западной части монархии Габсбургов. Местное дворянское сословие оставалось довольно замкнутым и сохраняло свою региональную специфику. Чехия и Моравия — сердцевина Чешского государства — в результате поражения сословного восстания в 1620 г.* были вынуждены принять новые, во многом абсолютистские законы; другими последствиями поражения стали относительно быстрая рекатолизация и онемечивание общественной и административной жизни.

В верхнесилезских княжествах же, наоборот, благодаря мирному окончанию сословного восстания в начале 1621 г., остался в силе действующий земский уклад, который сохранил активное употребление чешского языка на административном уровне. Одновременно с этим в регионе был обеспечен относительно высокий уровень веротерпимости. Местные дворяне не подверглись такому сильному религиозному (со стороны католиков) и национальному (со стороны немцев) давлению, им не было необходимости спасаться бегством за границу и владеть там существование в условиях крайней нищеты. Здесь также (в отличие от Чехии и Моравии) не было массовой конфискации имущества дворян, каким-либо образом участвовавших в сословном восстании. Благодаря этому не произошло радикальной перемены в составе верхнесилезского дворянства, в то время как в Чехии и Моравии смог закрепиться ряд иностранцев, сконцентрировавших в своих руках значительную долю земельного имущества. Указанные факты, однако, парадоксальным образом способствовали еще большей политической и общественной изоляции Верхней Силезии. Дворянам-некатоликам было отказано в возможности карьерного роста в административном, политическом и придворном аппарате. Это вынудило ряд местных дворян перейти в католичество, благодаря чему им было позволено занимать важнейшие должности в провинции, хотя на уровне центральных органов управления венский двор всегда отдавал предпочтение аристократам из Чехии и Моравии. Провинциальное положение Верхней Силезии, находившейся на западных окраинах монархии, так и не удалось изменить; напротив, в результате разделения Силезии после прусско-австрийской войны (1740–1742)** , оно принципиально усилилось. Согласно Берлинскому мирному договору 1742 г., у монархии Габсбургов осталась только часть Верхней Силезии, а вся остальная Силезия вошла в состав королевства Пруссия¹.

* Речь идет о битве при Белой Горе (1620) в ходе Тридцатилетней войны (1618–1648). — *Прим. переводчика.*

** Имеется в виду начальный этап войны за Австрийское наследство (1740–1748). — *Прим. переводчика.*

¹ Из весьма обширной литературы по истории Верхней Силезии и ее общества в раннее Новое время нами выбраны: *Jirásek Z. a kol. Slezsko v dějinách českého státu.*

Область Верхней Силезии в изучаемый нами период (до середины XVIII в.) дает единичные примеры того, как представители местного дворянства преодолевали периферийные рамки своей родной земли и, сделав успешную карьеру при дворе, обеспечивали социальное возвышение последующим поколениям. Уникальный, но потому и очень важный пример представляет личность императорского генерала и дипломата Генриха Вильгельма фон Вильчека (Индржиха Вилема Влчека, 1665–1739) из Доброземце и Глучина. Он происходил из старинного верхнесилезского дворянского рода; основу их финансового благополучия составляло поместье Климковице в южной части Опавского княжества, сейчас находящееся рядом с Оставой, местным областным центром². На будущую карьеру Генриха Вильгельма сильно повлияла смерть его отца Каспара, строгого лютеранина, наступившая в декабре 1665 г., вскоре после рождения мальчика (29 сентября). Воспитанием Генриха Вильгельма занялись мать и дядя Фридрих Георг Вильчек, который его усыновил. Впоследствии официальными опекунами были назначены родственники-католики, безусловно лояльные правящей династии. Обучение маленького Вильчека было вверено наставнику-иезуиту. Дальнейшее образование молодой дворянин получил, по-видимому, в католических гимназиях, вероятно, в Опаве и Оломоуце. Диплом университета Сиены в 1683 г. засвидетельствовал, что молодой дворянин Вильчек вступил во взрослую жизнь правоверным католиком³.

Католическое воспитание и образование Вильчека позволили ему поступить на императорскую службу за пределами родной провинции. Поддержка со стороны венского двора объясняется заинтересованностью в

T. 2. 1490–1763. Praha, 2012; *Bahlche J., Gawrecki D., Kaczmarek R.* Historia Górnego Śląska. Polityka, gospodarka i kultura europejskiego regionu. Gliwice, 2011; см. также *Brňovjáh J., Gojniczek W., Záhřický A. a kol.* Šlechťic v Horním Slezsku. Szlachcic na Górnym Śląsku // Vztah regionu a center na příkladu osudů a kariér šlechty Horního Slezska (15.–20. století). Relace mezi regionem i centrum w losach i kariarach szlachty na Górnym Śląsku (XV–XX wiek) / Uspořádal J. Brňovjáh, W. Gojniczek, A. Záhřický. Ostrava, Katowice, 2011.

² Если в последующих комментариях не указано иначе, основная информация о роде Вильчеков/Влчеков, Генрихе Вильгельме, его предках и потомках взята из: *Wurzbach C.* Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Wien, 1888. Bd. 56. S. 112–122; *Schrauf.* Wilczek, Heinrich Wilhelm Graf // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1897. Bd. 42. S. 479–481; *Pilnáček J.* Die älteste Genealogie der Grafen Wilczek. Wien, 1936; *Brňovjáh J.* Wilczek, Jindřich Vilém // Biografický slovník Slezska a Severní Moravy. Nová řada. Ostrava, 2006. T. 5 (17). S. 151–152; *Stibor J.* Vlčkové z Dobré Zemice // Biografický slovník Slezska a severní Moravy. Nová řada. Ostrava, 2006. T. 9 (21). S. 100–145; *Brňovjáh J.* Překračování hranic regionu a jeho vliv na společenské kariéry vybraných příslušníků šlechty Opavského a Těšínského knížectví v 17. století a 1. polovině 18. století // Via viatores quaerit. Mobilność społeczna w dziejach krajów Wyszehradzkiej / Red. A. Teterycz-Puzio, L. Kościelak, E. Łączyńska. Słupsk, 2016. S. 219–224.

³ *Zonta C.* Schlesische Studenten an italienischen Universitäten Eine prosopographische Studie zur frühneuzeitlichen Bildungsgeschichte. Stuttgart, 2004. S. 441; *Szelong K.* Podróże edukacyjne szlachty cieszyńskiej (do końca XVII w.). Motywy, kierunki, konsekwencje // Książka — biblioteka — szkoła w kulturze Śląska Cieszyńskiego. Materiały z konferencji naukowej. Cieszyn 4–5 listopada 1999 / Red. J. Spyra. Cieszyn, 2001. S. 74–75.

местной элите, которая могла бы стать опорой его политики в этом конфессионально и политически нестабильном регионе. Возможности амбициозным одиночкам открывала, по обыкновению той эпохи, служба в армии или государственном аппарате. Этому пути не избежал и молодой Вильчек, который в 1685 г. вступил добровольцем в императорскую армию, под командованием выдающегося полководца принца Евгения Савойского успешно вытеснявшую турок из Венгрии. Вильчек лично участвовал в нескольких крупных сражениях: например, в осаде Буды (1686) или в битвах при Мохаче (1687) и Зенте (1696). Как он сам сообщал затем в одном из писем императору Карлу VI, в это время он неоднократно бывал ранен. Остаться в армии после заключения мира с турками в 1699 г. Вильчека явно побудило многообещающее повышение по службе. Уже в звании полковника он в 1701 г. в Северной Италии участвовал в начальном этапе войны за Испанское наследство (1701–1714). Вскоре после этого он был отправлен в Верхнюю Силезию, где до 1709 г. обеспечивал патрулирование короткой силезско-венгерской границы на Яблунковском перевале. В 1704 г. Вильчек был произведен в генерал-фельдвахмистры, в 1709 г. повышен до фельд-маршал-лейтенанта.

Не только выдающаяся карьера в армии, но также назначение Вильчека императорским камергером после битвы при Мохаче в 1687 г. свидетельствуют о его хороших отношениях с венским двором. Новым проявлением доверия стало то, что в октябре 1709 г. император Иосиф I решил направить Вильчека в качестве чрезвычайного посла* ко двору Петра Великого. В России он оказался в ближайшем окружении царя, находился при нем в Москве и Санкт-Петербурге, сопровождал государя в частых поездках (в Ярославль, к р. Прут, в Киев и Смоленск) и военных кампаниях на Украине против турок и шведов. Одним из главных направлений деятельности Вильчека в России стало противодействие предводителю венгерского восстания трансильванскому князю Ференцу II Ракоци, который с 1710 г. находился в польской эмиграции и предпринимал попытки получить поддержку России. Миссия Вильчека в Санкт-Петербурге завершилась, по-видимому, в конце 1711 г.⁴ По возвращении на родину он, однако, недолго отдыхал, поскольку уже в феврале 1712 г. был назначен комендантом крепости Шпильберг в Брно, столице Моравии, а, значит, и главнокомандующим всей провинции. Этот пост его никак не ограничивал в достижении

* Официально дипломатические отношения между Веной и Санкт-Петербургом будут установлены в 1726 г. — *Прим. переводчика.*

⁴ Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder / Hrsg. von L. Bittner, L. Gross (далее — Repertorium Bittner-Gross). Oldenburg, Berlin, 1936. Teil I. (1648-1715). S. 161-162. Авторы относят первое дипломатическое донесение Вильчека из России к декабрю 1709 г., а окончание его миссии — к июлю 1711 г. Вопреки этому, Вурцбах и Шрауф говорят о пребывании Вильчека в России до самого начала 1712 г. См.: *Wurzbach C. Biographisches Lexikon. S. 116; Schrauf. Wilczek. S. 480.*

ряда политических и дипломатических целей вне моравских границ. В мае 1712 г. он участвовал в коронации Карла VI в Прессбурге (Братислава, Словакия) венгерской короной*; в начале ноября общался с русским царем Петром I во время его лечения в Карлсбаде (Карловы Вары, Чешская Республика), а также совершил несколько поездок в качестве чрезвычайного посла к княжеским дворам Священной Римской империи и королевским дворам Польши, Пруссии и Дании⁵.

Проявленная лояльность Вильчека и указанные его заслуги были отмечены императором Карлом VI, который 27 апреля 1713 г. возвел его в графы Священной Римской империи. Дворянский род Вильчеков из Доброземице и Глучина, благодаря трудам Генриха Вильгельма, был включен в число тех немногих верхнесилезских семейств, которые после поражения сословного восстания приобрели этот высокий титул. Он давал Вильчеку социальный статус, необходимый для выполнения важных политических и дипломатических поручений⁶. Новоиспеченный имперский граф Вильчек в том же году получил назначение императорским генеральным комиссаром для переговоров с венгерскими сословиями в Трнаве, где он должен был защищать интересы Габсбургов, сформулированные на тот момент, прежде всего, в так называемой Прагматической санкции, изданной в Вене 19 апреля. В конце 1714 г. он лично обеспечивал армейское сопровождение шведского короля Карла XII и остатков его войска⁷ при их передвижении от турецко-трансильванской границы до Баварии. Войско прошло через Венгрию, Моравию и Австрию, а затем Карл XII направился в Штральзунд⁸. Почти все три последующих года Вильчек был, как позднее он сам сообщил в письме императору Карлу VI, очень обеспокоен ухудшением здоровья и поэтому жил в уединении в имении под Опавой. Свое состояние он долгое время объяснял старыми боевыми ранениями, непонятной болезнью, полученной во время дипломатической миссии в Россию, и частыми приступами подагры. В 1717 г. он сменил скончавшегося годом ранее фельдмаршала барона Генриха Тобиаса Хаслингена на посту коменданта нижнесилезской крепости Глогув (ныне — Польша; нем. Гросс-Глогау) и шефа полка. В 1723 г. Вильчек был повышен до действительного тайного советника и возведен в фельдмаршалы, а 29 июля 1729 г. получил титул чешского графа. Вместе с тем он безуспешно боролся за должность комен-

* Император Священной Римской империи Карл VI правил Венгрией как король Карл III. — *Прим. переводчика.*

⁵ Repertorium Bittner-Gross. S. 143, 164.

⁶ См.: Österreichisches Staatsarchiv (Wien). Allgemeines Verwaltungsarchiv. Adelsarchiv. Reichsadelsakten. Wilczek 1713.

⁷ Войска Карла XII находились на территории Османской империи со времени катастрофического поражения под Полтавой в конце июня 1709 г.

⁸ *Bengtsson F. G. Karl XII. Stuttgart, 1957. S. 495–502; Findeisen J.-P. Karl XII. von Schweden. Ein König, der zum Mythos wurde. Berlin, 1992. S. 188–197.*

данта в Трансильвании: желание императора назначить его полномочным министром при эрцгерцогине Елизавете (наместнице Нидерландов) натолкнулось на противодействие принца Евгения. Тогда Вильчек отказался и от освобожденного поста коменданта в Нидерландах.

К следующей существенной дипломатической миссии Вильчек приступил в 1729 г., когда в ранге полномочного министра (посланника) отправился защищать интересы Габсбургов при польском королевском дворе и на заседаниях польско-литовского сейма в Гродно. В завершение польской миссии в 1733–1734 гг., в период борьбы за польскую корону, он уже в качестве полномочного посла отличился при избрании саксонского курфюрста Фридриха Августа II польским королем. Вильчек был вынужден противостоять наступательной дипломатии выдающегося французского политика маркиза Антуана-Феликса де Монти, целью которого было деньгами и дипломатическим давлением поддержать избрание профранцузского кандидата Станислава Лещинского. Победа саксонской стороны, на стороне которой выступала габсбургская дипломатия, и, в первую очередь, интервенция русской армии, принесли саксонскому курфюрсту окончательную победу. Так что Вильчек уже в январе 1734 г. в Кракове во время коронации Фридриха Августа II (как польского короля Августа III) передавал ему поздравления венского двора⁹. Любопытно, что в знак признания вклада Генриха Вильгельма в координацию австро-саксонско-русской политики в Польше его во время коронации наградили польским орденом Белого орла. Вскоре из-за плохого состояния здоровья Вильчек повторно попросил императора об освобождении от обязанностей дипломата. Одновременно он предложил, чтобы эту должность занял его старший сын Йозеф Мария Леопольд — с недавнего времени императорский придворный советник, приобретший значительный опыт во время двух предшествующих дипломатических поездок в Польшу, где он сопровождал отца. Весной следующего года Вильчек, как опытный военачальник и дипломат, обеспечивал по поручению Придворного военного совета проход 13-тысячной российской союзнической армии генерала графа Петра Петровича Ласси из Польши через Чешские земли в Рейнскую область, где происходили военные столк-

⁹ Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder / Hrsg. von F. Hausmann (далее — Repertorium Hausmann). Zürich, [1950]. Teil II. (1716–1763). S. 78. Из современной, весьма многочисленной и фактографически полной, польской литературы, посвященной габсбургско-польско-русским политическим и дипломатическим связям в 1733–1734 гг., см.: *Dygdala J.* Rywalizacja dwóch dyplomatów cesarskiego i francuskiego w Polsce roku 1733 — Heinrich Wilhelm von Wilczek i Antoine-Felix de Monti // *Polska wobec wielkich konfliktów w Europie nowożytnej. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XVI–XVIII wieku* / Red. R. Skowron. Kraków, 2009. S. 495–512.

О переброске российских отрядов в Рейнскую область см.: *Gerba R.* Polnischer Thronfolge-Krieg, Feldzug 1735, II/X. Feldzüge des Prinzen Eugen von Savoyen. Wien, 1891. S. 7–16 (Geschichte der Kämpfe Österreichs. XIX) и *Köster M.* Russische Truppen für Prinz Eugen. Politik mit militärischen Mitteln im frühen 18. Jahrhundert. Wien, 1986. S. 151–160.

новения между принцем Евгением Савойским и французскими подразделениями*. Вильчек лично сопровождал генерала Ласси, который вел одну из двух главных колонн. Однако российские войска не успели принять участие в этом неудачном для Габсбургов конфликте. В 1737 г. Вильчека вызвали в Вену, где он был назначен императорским представителем при подготовке мирного конгресса между Россией, Австрией и Турцией в украинском городе Немиров. Правда, в самом конгрессе Вильчек уже не принимал участия, так как его проведение перенесли на 14 октября того же года.

Успешная карьера на императорской службе дала графу Вильчеку возможности для значительного расширения земельных владений. От отца Каспара он унаследовал родовое поместье Климковице, которое обеспечило ему место среди ведущих дворянских родов Опавского княжества. Другие имения в Верхней Силезии, на Опавской земле и в соседнем Тешинском княжестве, он получил по наследству от родственников-католиков. В первые два десятилетия XVIII в. он целенаправленно вкладывал денежные средства в создание цельного земельного владения на Опавской земле, возле климковицкого поместья, недалеко от западной части Тешинского княжества, у его границы с Моравией (здесь через соединение нескольких имений он создал обширное поместье Польская Острада). Остальные имения — прежде всего, городское владение Пётрковице (нем. Грос-Петервиц) в Нижней Силезии недалеко от Вроцлава — он купил. Благодаря супруге Марии Шарлотте, дочери графа Иоганна Гилберта фон Сент-Илера (императорского фельдмаршала и командира личной охраны австрийской эрцгерцогини), он получил в приданое поместье Кройценштайн недалеко от Вены, над которым возвышались величественные руины готической крепости. Из-за военных и дипломатических обязанностей в Силезии и Польше Вильчек с женой в конце жизни пребывал, в первую очередь, в Пётрковицком замке или же в доме на Альбрехтгассе в Бреслау (Вроцлав, Польша), в тесном соседстве с дворцом графов Хацфельдов. Граф Вильчек закончил свою небывалую (с точки зрения региональных верхнесилезских масштабов) и достойную удивления жизнь в Бреслау 19 марта 1739 г. и был похоронен, согласно завещанию, в родовой усыпальнице в часовне приходской церкви св. Екатерины при замке в Климковицах. Место его последнего пристанища было украшено вычурным барочным надгробием с традиционными воинскими атрибутами. Такого рода надгробие было для Верхней Силезии той эпохи исключительным и являло собой ярчайший пример проникновения в этот провинциальный регион барочной культуры, с которой Вильчек познакомился во время своего многолетнего пребывания в культурно развитом Бреслау¹⁰.

* Речь идет о войне за Польское наследство (1733–1735). — *Прим. переводчика.*

¹⁰ *Schenkova M., Olšovský J. Barokní malířství a sochařství v západní části českého Slezska. Opava, 2001. S. 145; Müller, K., Polách R., Zezulčík J. Kamenné svědectví minulosti. Heraldické památky Novojičínska. Praha; Nový Jičín, 2008. S. 68–69.*

Значительным денежным и общественным капиталом, который удалось приобрести Генриху Вильгельму, умело воспользовались для успешного создания собственных карьер два его сына: уже упоминавшийся Йозеф Мария Леопольд (1700–1777) и Йозеф Мария Бальтазар (1708–1787). В то время как Генрих Вильгельм, скорее всего, не собирался покидать Силезию*, карьеры его сыновей, с помощью его капитала и земельного наследства, уже полностью развивались за пределами их верхнесилезской родины, провинциальной как в политическом, так и общественном отношении. Приобретения в Нижней Австрии расширили наследственное имущество, а сами сыновья Вильчека служили при императорском дворе, где занимали многие реальные административные должности, а также имели почётные придворные звания. Старший, Йозеф Мария Леопольд (наследник отцовского климковицкого и польско-остравского поместья и материнского нижнеавстрийского Кройценштайна, а с 1733 г. — имперский придворный советник), купил в Нижней Австрии Браунсберг у Нидерхоллабрунна и одновременно с этим отдал верхнесилезские Климковицы в наём предпринимателю недворянского происхождения¹¹. Его младший брат, Йозеф Мария Бальтазар, в молодости служил в императорской армии, в рядах которой воевал в 1733 г. в Италии и в 1738 г. в Венгрии. Затем он служил при дворе Франца I Стефана — лотарингского герцога и эрцгерцога тосканского, мужа эрцгерцогини и будущей чешской и венгерской королевы Марии Терезии. Благодаря хорошим связям с главой венской Административно-финансовой дирекции (*Directorium in publicis et cameralibus*) графом Фридрихом Вильгельмом Хаугвицем, в 1750-х годах Йозеф Мария Бальтазар некоторое время служил ландес-президентом (главой администрации) Каринтии; затем он вернулся в армию, где дослужился до высоких чинов. Также он служил в ряде венских придворных комиссий. Как австрийский дворянин и одновременно владелец имений в Нижней Силезии (которые в результате так называемой первой Силезской войны между Австрией и Пруссией в 1740–1742 гг. стали частью прусских земель), он подвергся давлению со стороны прусских властей, которые даже на некоторое время конфисковали его силезские владения. В итоге Вильчеку пришлось их продать.

Причастность к основанию остравской тяжелой промышленности (добыче и выработке черного угля, найденного в силезско-остравском владении Вильчеков в 1763 г.) и последовавшая из этого значительная прибыль помогали потомкам Йозефа Марии Леопольда с начала XIX в. поддерживать уровень жизни, сопоставимый с богатейшими австрийскими аристо-

* Он хотел переселиться в столицу Силезии, где сконцентрировались важнейшие административные и военные учреждения провинции и где обитал ряд знатных силезских аристократических семей. В то же время, строительство семейной гробницы в Климковицах указывает на стремление сохранить связь с родовым поместьем.

¹¹ *Gschließer O. Der Reichshofrat. Bedeutung und Verfassung, Schicksal und Besetzung einer obersten Reichsbehörde von 1559 bis 1806. Wien, 1942. S. 406–407.*

кратами. Их брачная политика полностью замыкалась на этот социальный круг. Представители так называемой старшей линии рода использовали австрийско-силезские владения как источник финансовой прибыли. Замковые резиденции в Силезии служили лишь для редких посещений или летнего отдыха хозяев, главным же образом там находилось административное управление их владениями и предприятиями¹². В 1825 г. Вильчеки купили в Вене дворец в стиле барокко (улица Херенгассе, дом 5), находившийся совсем близко от императорской резиденции. В 1870-х годах они за большие деньги перестроили в романтическом духе крепостные руины в Кройценштайне¹³. Потомки Йозефа Марии Бальтазара из младшей линии рода тоже полностью интегрировались в нижеавстрийскую и венскую среду. Брачная стратегия привела их и в Верхнюю Венгрию (территория современной Словакии). Бурный социальный рост рода Вильчеков, начатый Генрихом Вильгельмом и затем обеспеченный придворной и государственной карьерой его потомков, благоприятной брачной стратегией и финансированием от доходов верхнесилезских промышленных предприятий, в сущности, привел к их уходу из региона и переселению ближе к центру монархии или прямо в столицу империи. Из местного верхнесилезского дворянского рода Влчеков из Доброземце и Глучина в течение одного столетия возник аристократический род Вильчеков фон Гуттенланд-унд-Гултчин*.

В заключение, в связи с публикацией этой краткой статьи в российском сборнике, укажем также, что граф Генрих Вильгельм Вильчек, благодаря службе в государственных органах, получил абсолютно уникальную возможность познакомиться с атмосферой царской России, самим Петром Великим и рядом других выдающихся личностей из придворного окружения царя. Уникальность полученного таким образом опыта подтверждают два факта. Во-первых, из 16 императорских посланников, уполномоченных министров и резидентов, посланных в Россию с середины XVII в. до середины XVIII в., лишь пять происходило из Чешских земель (двое — из Чехии и трое — из Силезии)¹⁴. Во-вторых, со времени начала в Средние века

¹² Zářický A. Rothschildové a ti druzí. Ostrava, 2005. S. 37–44; Hupko D. Sobášne stratégie šľachty v druhej polovici 18. storočia. Prípád staršej vetvy rodu Wilczekovcov // Kušniráková I. a kol. „Pre blaho nášho ľudu, všetkých našich kráľovstiev a provincií“. Reformná politika Márie Terézie a jej pokus o modernizáciu Uhorska. Bratislava, 2016. S. 68–84.

¹³ Czeike F. Historisches Lexikon Wien: in 5 Bänden. Wien, 2004. Bd. 5. S. 653; Nierhaus A. Kreuzenstein. Die mittelalterliche Burg als Konstruktion der Moderne. Wien, Köln, Weimar, 2014.

* Генрих Вильгельм использовал немецкие варианты написания своей фамилии: Wilczek, Weltzek или Welczek.

¹⁴ Repertorium Bittner–Gross. S. 161–162; Repertorium Hausmann. S. 78–79. Не исключено, что при отборе кандидатов императорским двором, помимо иных качеств, сыграло свою роль знание славянского языка (Вильчек безусловно владел чешским языком). Для сравнения: Leitsch W. Die ersten 300 Jahre in den Beziehungen Russlands zu Österreich // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs 2003. Jg. 50. S. 65–66.

чешско-российских связей на политическом (государственном и дипломатическом), торговом и культурном уровнях до конца раннего Нового времени редко имели место личные контакты. Ряд связей, особенно торгового и культурного характера, осуществлялся не напрямую, а опосредованно.

Первое более тесное знакомство жителей Чешских земель с жителями Российской империи произошло во время прохождения второй колонны российской союзнической армии через Чешские земли в 1735 г. Новые, более длительные контакты стали возможны в ходе масштабных перебросок российских войск в годы войн с революционной и наполеоновской Францией в 1797, 1800–1801 и 1815 гг.¹⁵. Следующая возможность для одного из представителей рода Вильчеков/Влчеков лично окунуться в атмосферу Российской империи выпала более чем через полтора столетия графу Гансу (Иоганну Непомуку Марии, 1837–1922), который в 1863 г. предпринял этнографическое путешествие в Крым и на Кавказ, а в 1864 г. посетил Севастополь. Также граф позднее прославился как спонсор знаменитой австрийской полярной экспедиции Карла Вейпрехта и Юлиуса Пайера на корабле «Тегетгофф» в 1872–1874 гг., которая официально открыла и изучила архипелаг Земля Франца Иосифа. В память о графе Гансе, лично участвовавшем в подготовке путешествия, один из островов был назван Землей Вильчека. В начале XX в. он вместе с Землей Франца Иосифа вошел в границы Российской империи. Такого рода контакты Вильчека с царской Россией можно сравнивать с возможностями и опытом его предка Генриха Вильгельма лишь весьма условно, поскольку они происходили в совершенно другую эпоху и, по большей части, в космополитичной среде высшей австрийской аристократии, обладавшей обширными европейскими связями, в том числе, и с российским дворянством¹⁶.

Перевод с чешского И.П. Ридзля

Литература

1. Akademická encyklopedie českých dějin / vědecký redaktor Jaroslav Pánek. Praha: Historický ústav, 2012. III — Č/2.
2. *Bahlcke J., Gawrecki D., Kaczmarek R.* Historia Górnego Śląska. Polityka, gospodarka i kultura europejskiego regionu. Gliwice: Dom Współpracy Polsko-Niemieckiej, 2011.
3. *Bengtsson F.G.* Karl XII. Stuttgart: Koehler, 1957.
4. *Brňovják J.* Překračování hranic regionu a jeho vliv na společenské kariéry vybraných příslušníků šlechty Opavského a Těšínského knížectví v 17. století a 1. polovině 18. století // *Via viatores quaerit. Mobilność społeczna w dziejach kra-*

¹⁵ Об истории чешско-российских связей см.: *Akademická encyklopedie českých dějin, Praha, 2012. III — Č/2. S. 29–48* (включая обширную библиографию).

¹⁶ *Hans Wilczek erzählt seinen Enkeln Erinnerungen aus seinem Leben / Hrsg. von E. Kinsky-Wilczek. Graz, 1933.*

- jów Grupy Wyszehradzkiej / Red. A. Teterycz-Puzio, L. Kościelak, E. Łączyńska. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Słupsku, 2016.
5. *Brňovják J.* Wilczek, Jindřich Vilém // Biografický slovník Slezska a Severní Moravy. Nová řada. T. 5 (17). Ostrava: Ostravská univerzita, 2006.
 6. *Brňovják J., Gojniczek W., Zářický A. a kol.* Šlechtic v Horním Slezsku. Szlachcic na Górnym Śląsku // Vztah regionu a center na příkladu osudů a kariér šlechty Horního Slezska (15.–20. století). Relacje między regionem i centrum w losach i karierach szlachty na Górnym Śląsku (XV–XX wiek) / uspořádali J. Brňovják, W. Gojniczek, A. Zářický. Ostrava; Katowice: Dom Współpracy Polsko-Niemieckiej, 2011.
 7. *Czeike F.* Historisches Lexikon Wien. In 6 Bänden. Wien: Kremayr & Scheriau, 2004. Bd. 5.
 8. *Dygdala J.* Rywalizacja dwóch dyplomatów cesarskiego i francuskiego w Polsce roku 1733 — Heinrich Wilhelm von Wilczek i Antoine-Felix de Monti // Polska wobec wielkich konfliktów w Europie nowożytnej. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XVI–XVIII wieku / red. R. Skowron. Kraków: Societas Vistulana, 2009.
 9. *Gerba R.* Polnischer Thronfolge-Krieg, Feldzug 1735, II/X. Feldzüge des Prinzen Eugen von Savoyen. Wien: Verl. des k.k. Generalstabes, 1891.
 10. *Gschließer O.* Der Reichshofrat. Bedeutung und Verfassung, Schicksal und Besetzung einer obersten Reichsbehörde von 1559 bis 1806. Wien: Holzhausen, 1942.
 11. *Findeisen J.-P.* Karl XII. von Schweden. Ein König, der zum Mythos wurde. Berlin: Duncker und Humblot, 1992.
 12. Hans Wilczek erzählt seinen Enkeln Erinnerungen aus seinem Leben / hrsg. von E. Kinsky-Wilczek. Graz: Leykam, 1933.
 13. *Hupko D.* Sobášne stratégie šľachty v druhej polovici 18. storočia. Prípady staršej vetvy rodu Wilczekovcov // *Kušniráková I. a kol.* „Pre blaho nášho ľudu, všetkých našich kráľovstiev a provincií“. Reformná politika Márie Terézie a jej pokus o modernizáciu Uhorska. Bratislava: Historický ústav SAV vo vydavateľstve Veda, 2016.
 14. *Jirásek Z. a kol.* Slezsko v dějinách českého státu. T. 2. 1490–1763. Praha: NLN, Nakladatelství Lidové noviny, 2012.
 15. *Köster M.* Russische Truppen für Prinz Eugen. Politik mit militärischen Mitteln im frühen 18. Jahrhundert. Wien; Österr. Bundesverl., 1986.
 16. *Leitsch W.* Die ersten 300 Jahre in den Beziehungen Russlands zu Österreich // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 2003. Jg. 50.
 17. *Müller K., Polách R., Zezulčík J.* Kamenné svědectví minulosti. Heraldické památky Novojičínska. Praha; Nový Jičín: Libri; Muzeum Novojičínska, 2008.
 18. *Nierhaus A.* Kreuzenstein: die mittelalterliche Burg als Konstruktion der Moderne. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2014.
 19. *Pilnáček J.* Die älteste Genealogie der Grafen Wilczek. Wien: Verl. der Grafen Wilczek, 1936.
 20. Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder / hrsg. von L. Bittner, L. Gross. Teil I. (1648–1715). Oldenburg: Stalling; Fretz & Wasmuth, 1936.
 21. Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder / hrsg. von F. Hausmann. Teil II. (1716–1763). Zürich: Fretz & Wasmuth, 1950.

22. Schenková M., Olšovský J. Barokní malířství a sochařství v západní části českého Slezska. Opava: Slezské zemské muzeum, 2001.
23. Schrauf. Wilczek, Heinrich Wilhelm Graf // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 42. Leipzig: Duncker & Humblot, 1897.
24. Stibor J. Vlčkové z Dobré Zemice // Biografický slovník Slezska a severní Moravy. Nová řada. T. 9 (21). Ostrava: Ostravská univerzita, 2006.
25. Szelong K. Podróże edukacyjne szlachty cieszyńskiej (do końca XVII w.). Motywy, kierunki, konsekwencje // Książka — biblioteka — szkoła w kulturze Śląska Cieszyńskiego. Materiały z konferencji naukowej. Cieszyn 4–5 listopada 1999 / red. J. Spyra. Cieszyn: Książnica Cieszyńska; Zarząd Główny Macierzy Ziemi Cieszyńskiej, 2001.
26. Wurzbach C. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich. Bd. 56. Wien: Verl. d. typograf.-literarisch-artist. Anstalt, 1888.
27. Zářický A. Rothschildové a ti druzí. Ostrava: Ostravská univerzita, 2005.
28. Zonta C. Schlesische Studenten an italienischen Universitäten: eine prosopographische Studie zur frühneuzeitlichen Bildungsgeschichte. Köln: Böhlau, 2004.

References

1. Bahlcke, J., Gawrecki, D., Kaczmarek, R., 2011. *Historia Górnego Śląska. Polityka, gospodarka i kultura europejskiego regionu*. Gliwice: Dom Współpacy Polsko-Niemieckiej.
2. Bengtsson, F.G., 1957. *Karl XII*. Stuttgart: Koehler.
3. Bittner, L., Gross, L. hrsg., 1936. *Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder. Teil I. (1648–1715)*. Oldenburg: Stalling; Fretz & Wasmuth.
4. Brňovják, J., 2016. Překračování hranic regionu a jeho vliv na společenské kariéry vybraných příslušníků šlechty Opavského a Těšínského knížectví v 17. století a 1. polovině 18. století. In: Teterycz-Puzio A., Kościelak L., Łączyńska E., red. *Via viatores quaerit. Mobilność społeczna w dziejach krajów Grupy Wyszehradzkiej*. Słupsk: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pomorskiej w Słupsku.
5. Brňovják, J., 2006. Wilczek, Jindřich Vilém. In: *Biografický slovník Slezska a Severní Moravy. Nová řada*, 5 (17). Ostrava: Ostravská univerzita.
6. Brňovják, J., Gojniczek, W., Zářický, A. a kol., 2011. Šlechtic v Horním Slezsku. Szlachcic na Górnym Śląsku. In: *Vztah regionu a center na příkladu osudů a kariér šlechty Horního Slezska (15.–20. století). Relacje między regionem i centrum w losach i karierach szlachty na Górnym Śląsku (XV–XX wiek)*. Ostrava; Katowice: Dom Współpacy Polsko-Niemieckiej.
7. Czeike, F., 2004. *Historisches Lexikon Wien*. In 6 Bänden. Wien: Kremayr & Scheriau, 2004. Bd. 5.
8. Dygdala, J., 2009. Rywalizacja dwóch dyplomatów cesarskiego i francuskiego w Polsce roku 1733 — Heinrich Wilhelm von Wilczek i Antoine-Felix de Monti. In: Skowron, R. *Polska wobec wielkich konfliktów w Europie nowożytnej. Z dziejów dyplomacji i stosunków międzynarodowych w XVI–XVIII wieku*. Kraków: Societas Vistulana.
9. Gerba, R., 1891. *Polnischer Thronfolge-Krieg, Feldzug 1735, II/X. Feldzüge des Prinzen Eugen von Savoyen*. Wien: Verl. des k.k. Generalstabes.

10. Gschließer, O., 1992. *Der Reichshofrat. Bedeutung und Verfassung. Schicksal und Besetzung einer obersten Reichsbehörde von 1559 bis 1806*. Wien: Holzhausen, 1942.
11. Findeisen, J-P. *Karl XII. von Schweden. Ein König, der zum Mythos wurde*. Berlin: Duncker und Humblot.
12. Hausmann, F. hrsg., 1950. *Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder Teil II. (1716–1763)*. Zürich: Fretz & Wasmuth.
13. Hupko D., 2016. Sobášne stratégie šľachty v druhej polovici 18. storočia. Prípady staršej vetvy rodu Wilczekovcov. In: Kušniráková I. a kol. „*Pre blaho nášho ľudu, všetkých našich kráľovstiev a provincií*“. *Reformná politika Márie Terézie a jej pokus o modernizáciu Uhorska*. Bratislava: Historický ústav SAV vo vydavateľstve Veda.
14. Jirásek Z. a kol., 2012. *Slezsko v dějinách českého státu. T. 2. 1490–1763*. Praha: NLN, Nakladatelství Lidové noviny.
15. Kinsky-Wilczek, E. hrsg., 1933. *Hans Wilczek erzählt seinen Enkeln Erinnerungen aus seinem Leben*. Graz: Leykam.
16. Köster M., 1986. *Russische Truppen für Prinz Eugen. Politik mit militärischen Mitteln im frühen 18. Jahrhundert*. Wien; Österr. Bundesverl.
17. Leitsch W. Die ersten 300 Jahre in den Beziehungen Russlands zu Österreich. *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs*, 2003, 50.
18. Müller, K., Polách, R., Zezulčík, J., 2008. *Kamenné svědectví minulosti. Heraldické památky Novojičínska*. Praha; Nový Jičín: Libri; Muzeum Novojičínska.
19. Nierhaus, A., 2014. *Kreuzenstein: die mittelalterliche Burg als Konstruktion der Moderne*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau.
20. Pánek, J. věd. red., 2012. *Akademická encyklopedie českých dějin*. Praha: Historický ústav. III — Č/2.
21. Pilnáček, J., 1936. *Die älteste Genealogie der Grafen Wilczek*. Wien: Verl. der Grafen Wilczek.
22. Schenková, M., Olšovský, J., 2001. *Barokní malířství a sochařství v západní části českého Slezska*. Opava: Slezské zemské muzeum.
23. Schrauf, 1897. Wilczek, Heinrich Wilhelm Graf. In: *Allgemeine Deutsche Biographie*, 42. Leipzig: Duncker & Humblot.
24. Stibor, J., 2006. Vlčkové z Dobré Zemice. In: *Biografický slovník Slezska a severní Moravy. Nová řada*, 9 (21). Ostrava: Ostravská univerzita.
25. Szelong, K., 2001. Podróże edukacyjnej szlachty cieszyńskiej (do końca XVII w.). Motywy, kierunki, konsekwencje. In: Spyra, J. red. *Książka — biblioteka — szkoła w kulturze Śląska Cieszyńskiego. Materiały z konferencji naukowej*. Cieszyn 4–5 listopada 1999. Cieszyn: Książnica Cieszyńska; Zarząd Główny Macierzy Ziemi Cieszyńskiej.
26. Wurzbach, C., 1888. *Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich*, 56. Wien: Verl. d. typograf.-literarisch-artist. Anstalt, 1888.
27. Zářický, A., 2005. *Rothschildové a ti druzí*. Ostrava: Ostravská univerzita.
28. Zonta, C., 2004. *Schlesische Studenten an italienischen Universitäten: eine prosopographische Studie zur frühneuzeitlichen Bildungsgeschichte*. Köln: Böhlau.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЧЕШСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГУСИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Тимур Владимирович Гимадеев –
аспирант Казанского (Приволжского)
федерального университета, Казань.
daigodumu@yandex.ru

Аннотация

В данной статье представлена чешская католическая историография гуситского движения конца XIX — начала XX вв. В результате анализа трудов таких авторов, как А. Ленц, Ф.К. Крыштуфек, Я. Седлак и др. сделан вывод о том, что в целом католическая историография этой эпохи рассматривала гуситство как еретическое движение и считала приговор Констанцского собора Яну Гусу вполне справедливым. В то же время католические историки расходились в некоторых деталях истории гуситского движения (особенно на ранних этапах его существования).

Ключевые слова

Историография, чешская историография, Ян Гус, гуситское движение.

MAIN TRENDS IN THE CZECH CATHOLIC HISTORIOGRAPHY OF HUSSITISM (THE LATE NINETEENTH – EARLY TWENTIETH CENTURY)

Timur V. Gimadeev –
postgraduate student, Kazan Federal University.
daigodumu@yandex.ru

Abstract

The article deals with the Czech Catholic historiography of the Hussitism of the late nineteenth – early twentieth century. The article presents an analysis of the studies by Czech Catholic authors (mostly priests), such as Antonín Lenz, František Xaver Kryštůfek, Jan Sedlák and several others (related to the Catholic fortnightly «Vlast»). The author concludes that Catholic authors mostly considered Hussitism as essentially heretical and the verdict of the Council of Constance as fair. Despite that, they described Jan Hus as a great yet controversial person and could not agree on several aspects of the early Hussite history.

Keywords

Historiography, Czech Reformation, Jan Hus, Hussitism.

Католическая традиция в чешском историописании гуситского движения имеет глубокие корни. В послебелогорский период* она и вовсе занимала монопольное положение. В период чешского национального Возрождения, однако, она была пересмотрена. Больше всего для этого сделал выдающийся чешский историк, «отец нации» Франтишек Палацкий, рассматривавший гуситскую эпоху как «вершину чешской истории» и надолго определивший пути развития чешской историографии.

Уже в 1850–1860-е годы чешские католические и консервативные авторы попытались пересмотреть романтическую концепцию Палацкого. В их числе были как миряне, такие как Йозеф Александр Гелферт и Герменгильд Иречек¹, работавшие чиновниками в венском министерстве культов и образования, так и католические священники, такие как Карел Винаржицкий и Климент Боровый².

Предпосылки для более широкого развития католической историографии гуситского движения, однако, сложились позднее. В 1869 г., в преддверии празднования 500-летия со дня рождения Яна Гуса, Йозеф Калоусек, тогда более известный в качестве историка права, предложил пересмотреть приговор Констанцкого собора Яну Гусу. Преподаватель будейовицкой семинарии Антонин Ленц, сначала в ряде статей в «Журнале католического духовенства»³, а потом и в вышедшей в 1875 г. работе «Учение Яна Гуса», попытался, напротив, доказать справедливость этого приговора⁴. Калоусек и Ленц на долгие годы стали главными антагонистами в споре о пересмотре дела Яна Гуса⁵.

Принятие I Ватиканским собором в 1871 г. догмата о непогрешимости Папы Римского привело к отделению от церкви так называемого «старокатолического движения», несогласного с этим положением. В 1890-е годы оно появляется и в Чехии, и, наконец, на состоявшемся в 1897 г. IV Старо-

* Послебелогорский период — период чешской истории, последовавший за поражением протестантского восстания чешских сословий в битве на Белой горе 8 ноября 1620 г. и продлившийся до середины XVIII в. Характеризовался, с одной стороны, насильственной контрреформацией, германизацией страны, упадком чешского языка и культуры, с другой — расцветом искусства барокко. Завершился в середине XVIII в. с переходом габсбургских монархов к политике просвещенного абсолютизма.

¹ Kraus A. Husitství v literatuře, zejména německé. Část II. Husitství v literatuře 19. století. Praha, 1924. S. 190–196.

² Ibid. S. 284–285.

³ Lenz A. Učení Husovo o předzřízení a hříchu smrtelném // Časopis katolického duchovenstva. 1870. Roč. 11. Sv. 5. S. 321–351; *Idem*. Poměr učení mistra Jana Husi k naukám reformatořů věku šestnáctého // Časopis katolického duchovenstva. 1870. Roč. 11. Sv. 8. S. 572–600; *Idem*. Učení mistra Jana Viklefa a mistra Jana Husi // Časopis katolického duchovenstva. 1871. Roč. 12. Sv. 3. S. 161–184.

⁴ *Idem*. M. Jan Hus. Životopisný nástin // Husitství ve světle pravdy. 1907. Roč. 4. Č. 2–4. S. 13–14.

⁵ Mečkovský R. Katolická církev a moderní bádání o Janu Husovi // Sacra. 2005. Roč. 3. Č. 1. S. 26.

католическом конгрессе в Вене Франтишек Ишка, лидер чешских старокатоликов и бывший католический священник, добивается официального признания старокатоликами несправедливости казни Яна Гуса⁶.

Кроме того, в конце XIX в. лидирующие позиции в чешской историографии заняла позитивистская школа учеников Ярослава Голла. Ее представители начали пересмотр романтической концепции гуситской истории Ф. Палацкогго. В свою очередь Томаш Гарриг Масарик, будущий президент Чехословакии, в ряде работ (важнейшей из которых стал «Чешский вопрос») выступил, напротив, в защиту концепции Ф. Палацкогго. С этого начался многолетний «Спор о смысле чешской истории», в котором часть представителей школы во главе с Йозефом Пекаржем оппонировала Масарику, а часть во главе с Вацлавом Новотным его скорее поддержала⁷.

В этой общественной атмосфере католическое товарищество «Родина», основанное в 1884 г. Томашом Шкрдле, приступило с 1903 г. к изданию «журнала брошюр» «Гуситство в свете правды», выходявшего четыре раза в год⁸. Издания серии публиковались без перерывов до 1918 г. (тогда серия была приостановлена до 1922 г.). За эти годы была издана 31 работа объёмом от 16 до 158 страниц⁹. Круг авторов серии объединял самых разных людей — от профессора церковной истории Пражского университета и папского прелата Франтишка Касавера Крыштуфека до публиковавшего работы под псевдонимом «Зденек Бретшнайдр» провинциального чиновника Яна Гендриха¹⁰. Примечательно, что «Журнал католического духовенства» в это же самое время ограничивался в основном рецензиями на работы, посвящённые истории гуситства¹¹.

На фоне этих авторов выделялся Ян Эвангелиста Седлак, профессор брненской семинарии, автор биографии Яна Гуса, с которой он был допущен к участию в проводимом в 1915 г. конкурсе научных работ к 500-летию со дня казни Яна Гуса. Хотя работа Седлака и проиграла конкурс совместному труду Вацлава Новотного (уже участвовавшего в дискуссии с католическими авторами) и Властимила Кибала, ориентировавшихся на концепцию Ф. Палацкогго, Я.Э. Седлак и по сей день считается одним из наиболее выдающихся католических историков гуситства¹².

⁶ *Krejčí K. T. Hus v tradici české starokatolické církve // Studia Theologica. 2015. Roč. 17. Č. 4. S. 286–287.*

⁷ *Čornej P. Historici, historiografie a dějepis. Praha, 2016. S. 153–162.*

⁸ *Jiroušek T. J. Tomáš Škrdle. Jeho život, práce a působení ve družstvu Vlast a v katolickém životě v l. 1880–1913. Praha, 1917. S. 18–19, 36–37, 57.*

⁹ Полный список: *Husitství ve svetle pravdy* [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/doc378301845_464638746 (дата обращения: 29.04.2018).

¹⁰ *Osobnost: Zdeněk Bretšnajdr // Příjmení.cz [Сайт]. URL: http://www.prijmeni.cz/osobnost/3500/zdenek_bretšnajdr* (дата обращения: 30.03.2018).

¹¹ См.: *Slanina M. Jan Hus v Časopisu katolického duchovenstva v letech 1828–1949. Olomouc, 2016.*

¹² *Nođl M. Spor o Husa a české katolické dějepisectví přelomu 19. a 20. století // Dějiny — Teorie — Kritika. 2013. Roč. 10. Č. 2. S. 215.*

Перейдем непосредственно к содержанию работ католических авторов.

Примечательно, что они «вплетали» в гуситскую историю и сюжет о святом Яне Непомуцком. Это объясняется распространением во второй половине XIX в. теории о том, что Ян Непомуцкий не является реальной исторической фигурой, а его образы в живописи и скульптуре XVII–XVIII вв. на самом деле изображают Яна Гуса¹³. Католические авторы с этим были не согласны и рассматривали Яна Непомуцкого как реальную историческую фигуру. Работы ему посвятили Климент Боровый, Антонин Ленц и ряд авторов серии издательства «Родина»¹⁴.

Схожим образом с историей гуситского движения в трудах католических историков и публицистов связывалась и история общины чешских братьев. Этот сюжет также заслуживает отдельного рассмотрения, отметим лишь, что крупными трудами на эту тему отметился, прежде всего, Антонин Ленц¹⁵. Он считал Петра Хельчицкого, заставшего гуситскую эпоху и стоявшего у истоков движения чешских братьев, более искушённым и вместе с тем далёким от учения церкви еретиком, чем Ян Гус¹⁶. Остальные авторы ограничились краткими упоминаниями и считали общину чешских братьев обычной постгуситской ересью, значение которой переоценено протестантскими авторами¹⁷.

Еще одним характерным фактом является практическое отсутствие специальных работ о гуситских войнах — им посвящено всего две публицистические брошюры серии издательства «Родина», авторами которых были Карел Ржегак и Августин Нойманн. В работе первого говорится, что Ян Жижка и его последователи оставили после себя лишь «сожженные замки, оскверненные церкви и опустошенные и уничтоженные монастыри»; в работе же А. Нойманна на вопрос: «Что привнесли гуситские войны в социальную жизнь?» — дается однозначный ответ: «Лишь зло»¹⁸. Негативная трактовка событий и итогов гуситских войн была характерна для всей католической историографии.

Куда больше католических авторов интересовали вопросы церковной истории и богословия, что неудивительно в свете того, что большинство из них было священниками.

¹³ См.: *Paces S., Wingfield N.M.* The Sacred and the Profane: Religion and Nationalism in the Bohemian Lands, 1880–1920 // *Constructing Nationalities in East Central Europe* / Judson P.M., Rozenblit M. L. (eds). New York; Oxford, 2005. P. 107–125.

¹⁴ *Kraus A.* Husitství v literatuře, zejména německé. Část II. S. 284.

¹⁵ См.: *Lenz A.* Vzájemný poměr učení Petra Chelčického, starší Jednoty Českých Bratří a Táborů k náuce Valdenských, Jana Husí a Jana Viklífa. Praha, 1895.

¹⁶ *Idem.* M. Jan Hus. Životopisný nástin. S. 103.

¹⁷ *Hlošina V. O.* Rozvoj bludařství v Čechách // *Husitství ve světle pravdy*. 1912. Roč. 9. Č. 1–2. S. 84–88; *Kryštůfek F.X.* Všeobecný církevní dějepis. Díl 2. Část II. Praha, 1889. S. 729–731.

¹⁸ *Řehák K. L.* Co nám prospěl Hus a co Žižka. Díl 2 // *Husitství ve světle pravdy*. 1910. Roč. 7. Č. 1–2. S. 23; *Neumann A.* Jací byli husité // *Husitství ve světle pravdy*. 1918. Roč. 15. Č. 3–4. S. 18.

Общим для подавляющего большинства авторов данного направления было отрицание упадка нравов в чешской церкви предгуситского периода. Если Ф.К. Крыштуфек допускал, что концентрация богатств в руках предгуситской церкви могла негативно влиять на нравы духовенства, то Я.Э. Седлак утверждал, что, за исключением отдельных случаев, «следов сколь-либо заметного упадка нравов в Чехии той эпохи нет»¹⁹. Антонин Ленц и вовсе заявляет, что молодой Ян Гус видел вокруг себя в основном «примерную жизнь набожных священников», в том числе и Яна Непомуцкого²⁰, хотя и признает, что католическая церковь в целом нуждалась в «исправлении» из-за Великого западного раскола²¹.

Некоторые разногласия в среде католических авторов вызывала степень влияния учения Джона Уиклифа, английского предреформатора, на взгляды Яна Гуса. Ф. Палацкий и представители классической чешской историографии XIX в. считали, что идеи Уиклифа оказывали значительное, но ограниченное влияние на Яна Гуса. Однако протестантский немецкий историк Иоганн Лозерт, сопоставив сочинения Яна Гуса и Джона Уиклифа, пришел к выводу, что Гус практически дословно копировал Уиклифа²². Решительно не согласился с ним А. Ленц, в своей рецензии в «Журнале католического духовенства» утверждавший, что влияние Уиклифа на Гуса было ограниченным²³. С этим в целом соглашался Ф.К. Крыштуфек²⁴, а также авторы изданий из серии «Гуситство в свете правды»²⁵. Я.Э. Седлак, напротив, горячо поддержал концепцию Лозерта, объявив практически всё творчество Яна Гуса рецептивным, вторичным, приписывая это обстоятельство его личности в целом²⁶.

Примерно по этой же линии католические авторы расходятся относительно учения Гуса. Здесь наиболее показателен вопрос о евхаристии. Я.Э. Седлак утверждал, что Гус полностью принял учение Уиклифа о рема-

¹⁹ *Kryštof F. X. Všeobecný církevní dějepis. Díl 2. Část II. S. 668–669; Sedlák J. M. Jan Hus. Praha, 1915. S. 2.*

²⁰ *Lenz A. M. Jan Hus. Životopisný nástin. S. 14–15.*

²¹ Великий западный раскол — схизма в католической церкви 1378–1417 гг., когда параллельно правили два (с 1409 г. — три) Папы Римских: в Риме (поддерживался правителями Англии, стран Северной и Центральной Европы) и в Авиньоне (поддерживался королями французскими и правителями Южной Италии, Шотландии, Кастилии и Лиона). Чехия, как и вся Священная Римская империя, во время этого раскола колебалась. Преодолеть схизму удалось решениями Констанцкого собора.

²² *Галамичев А. Н. Гуситское движение в освещении либеральной немецкой медиавистики второй половины XIX века. Саратов, 1988. С. 75–77.*

²³ *Lenz A. Spis «Hus und Wiclif». // Časopis katolického duchovenstva. 1885. Roč. 26. Sv. 3. S. 189–192.*

²⁴ *Kryštof F. X. Všeobecný církevní dějepis. Díl 2. Část II. S. 676.*

²⁵ *Bretšnajdr Z. Hus a jeho doba. // Husitství ve světle pravdy. 1906. Roč. 3. Č. 2–4. S. 99; Šulc F. Učení mistra Jana Husa. // Husitství ve světle pravdy. 1905. Roč. 2. Č. 2–4. S. 57–58.*

²⁶ *Sedlák J. M. Jan Hus. S. III–IV, 358–359.*

ненции — о сохранении хлебом и вином своей сущности во время евхаристии, а отрекся от него лишь на самом Констанцском соборе²⁷. А. Ленц же полагал, что в учении о евхаристии Ян Гус в целом оставался в русле католического учения о пресуществлении — о прямом превращении хлеба и вина в тело и кровь Христовы, допуская, что какое-то время Гус мог соглашаться и с учением о реманенции²⁸. Ф.К. Крыштуфек, в свою очередь, считал, что Гус, отрицая на соборе позицию Уиклифа, мог и лукавить, а показания свидетелей о том, что Гус придерживался реманенции, перевешивают слова самого Гуса²⁹.

Расходятся католические историки и в позиции о влиянии идей вальденсов на гуситов. Ф.К. Крыштуфек полностью отрицал какое-либо влияние вальденсов на гуситство, утверждая, что оно выросло на местной почве³⁰. Я.Э. Седлак же полагал, что вальденская философия оказала значительное влияние на гуситское движение через посредничество «дрезденской школы»³¹. Авторы публикаций издательства «Родина» также считали, что вальденское учение сыграло свою роль в генезисе гуситства³².

Классическую, еще Палацким высказанную точку зрения о Конраде Вальдгаузере, Яне Миличе из Кромержижа, Матее из Янова и Томаше Штитном, как «предшественниках Гуса»³³, разделяет и большинство католических авторов, в целом позитивно характеризую деятельность Вальдгаузера и Штитного и критикуя Яна Милича и Матея из Янова³⁴.

Фигуру самого Яна Гуса католические авторы оценивают неоднозначно. Эта тенденция лучше всего отражена в работе Антонина Свободы, подписавшегося как «С.–Пошумавский», под названием «Ян Гус: патриот, священник, его юбилей», написанная в преддверии намечавшихся на 1915 год памятных мероприятий. Его брошюра разделена на две части, в которых Гус рассматривается и как патриот, и как еретик. В заключение автор пишет: «Мы признаем множество его заслуг перед чешским народом [...] но с болью смотрим на его действия, как еретика»³⁵. В целом, подавляю-

²⁷ *Ibid.* S. 170–174, 359.

²⁸ Lenz A. Učení mistra Jana Husi. S. 137–139; *Idem.* Jan Hus. Životopisný nástin. S. 80.

²⁹ Kryštůfek F. X. Všeobecný církevní dějepis. Díl 2. Část II. S. 701.

³⁰ *Ibid.* S. 667–668.

³¹ Sedlák J. M. Jan Hus. S. 374, 294.

³² Bretšnajdr Z. Pryč od Říma a Husova národní církve // Husitství ve světle pravdy. 1904. Roč. 1. Č. 3–4. S. 30–32; Hložina V. O. Rozvoj bludařství v Čechách. S. 24.

³³ Palachý F. Předchůdcové husitství v Čechách // Františka Palackého spisy drobné. Díl 2. Články z oboru dějin. Praha, 1901. S. 203–247.

³⁴ См.: Lenz A. Učení mistra Jana Husi. С. 217–225; Kryštůfek F. X. Všeobecný církevní dějepis. Díl 2. Část II. S. 671–676; Sedlák J. M. Jan Hus. S. 66–76; Bretšnajdr Z. Hus a jeho doba // Husitství ve světle pravdy. 1906. Roč. 3. Č. 1. S. 38–41.

³⁵ Pošumavský-S. Mistr Jan Hus (vlastenec, kněz, jeho oslava) // Husitství ve světle pravdy. 1914. Roč. 11. Č. 1–2. S. 53.

щее большинство католических авторов разделяло этот взгляд на двойственность натуры Гуса. Ф.К. Крыштуфек, А. Ленц, В. Лефлер и А. Рейзек описывают его как талантливого оратора и литератора, реформатора чешской словесности, эрудита, чешского патриота и человека чистых нравов. В то же время они считают, что Гус был несведущ в вопросах теологии, что и привело его к ереси³⁶. «Огненную вспыльчивость», «ложное самолюбие», «неподдельную жестокость», «софистическое легкомыслие» и общую слабохарактерность Гуса живописует Алоис Главинка, делая оговорку о его «благородных рвениях»³⁷. В схожем ключе о Гусе пишет и Я.Э. Седлак, подчеркивая его несамостоятельность как мыслителя и общую зависимость от мнения окружающих³⁸. Такой двоякий образ Гуса может являться своеобразным наследием историописания контрреформации: Богуслав Бальбин и его последователи признавали талантливость Яна Гуса, при этом критикуя его взгляды и изыскивая причины их генезиса в слабостях его личности³⁹.

Несмотря на некоторые разногласия, уже продемонстрированные нами, в оценке учения Яна Гуса и в целом религиозно-философской базы гуситства, католические авторы единодушны: это учение было, по их мнению, еретическим. Еретическим они полагали: учение Гуса о церкви как общине предопределенных к спасению; его отрицание папской власти; его суждения о том, что Папа Римский, как и прочие люди, не может знать предопределение человека, следовательно, не может и даровать ему прощение; отказ в признании власти, погрязшей в смертном грехе; взгляды на евхаристию (на том или ином этапе); наконец, и утверждавшийся Гусом примат Библии над Священным преданием⁴⁰.

Конечные результаты деятельности Яна Гуса всеми католическими авторами оценивались негативно. Если Я.Э. Седлак называл в качестве таких «жестокое религиозные битвы и тяжкие раны в культурной жизни народа», а Ф.К. Крыштуфек — «печальное состояние страны» к концу гуситских войн, то А. Главинка, например, пишет о наступившем «двухсотлетнем состоянии непрекращающихся волнений и раздора», которое смогла побороть лишь послебелогорская контрреформация⁴¹. В схожем ключе, опираясь на контрреформационную историографию, писал и иезуит Антонин Рейзек⁴².

³⁶ *Kryštof F. X. Všeobecný církevní dějepis. Díl 2. Část II. S. 677–678; Lenz A. M. Jan Hus. Životopisný nástin. S. 101–103; Lefler V. Jan Hus a jeho doba // Husitství ve světle pravdy. 1904. Roč. 1. Č. 2. S. 13–19; Rejzek A. M. Jan z Husince. Praha, 1912. S. 90–92.*

³⁷ *Hlavinka A. Bludy a lži v dějinách. Brno, 1888. S. 191.*

³⁸ *Sedlák J. M. Jan Hus. S. 359–363.*

³⁹ *Polc J. V. Jan Hus v představách šesti staletí a ve skutečnosti. Olomouc; Vranov nad Dyjí, 2015. S. 31.*

⁴⁰ См. *Lenz A. Učení mistra Jana Husi, S. I–XV; Kryštof F. X. Všeobecný církevní dějepis. Díl 2. Část II. S. 715–718.; Sedlák J. M. Jan Hus. S. 369–378.*

⁴¹ *Hlavinka A. Bludy a lži v dějinách. S. 213–215.*

⁴² *Kraus A. Husitství v literatuře, zejména německé. Část II. S. 285.*

Приговор Констанцкого собора Яну Гусу почти все католические авторы считали справедливым. Единоы они были и в трактовке охранной грамоты, выданной Гусу императором Сигизмундом. Ф.К. Крыштүфек посвятил ей специальную работу, в которой изложил католическую трактовку этого документа в целом. Аргументы сводились к тому, что охранная грамота гарантировала лишь безопасный проезд Гуса до Констанца и охраняла Гуса лишь против неправого насилия⁴³. Я.Э. Седлак подчеркивал, что предназначением грамоты было недопущение повторения ситуации 1410 г., когда Гус, сославшись на небезопасность пути из Чехии в Италию, не приехал ко двору Папы Иоанна XXIII в Болонье на разбирательство⁴⁴.

В справедливости действий собора сходились авторы самых разных взглядов. А. Ленц, например, считал «соборное движение» еретическим, обвиняя в ереси Пьера д'Алли и Жана Жерсона⁴⁵. Я. Э. Седлак же причислял их к ряду лучших теологов своего времени, упоминая, что они критиковали ситуацию в церкви «даже острее, чем сам Гус»⁴⁶. Но в оценке действий собора они были едины, подчеркивая, что обвинительные статьи против Гуса пересматривались три раза⁴⁷, ему неоднократно предлагалось отречься от своих взглядов, но Гус упорствовал, невзирая на то, что отрекались даже «великие мужи и святые люди»⁴⁸. Отвергалось и влияние лже-свидетельств на приговор собора — в ходе пересмотров статей обвинения значительная их часть была снята, что доказывает, по мнению католических авторов, справедливость и объективность судей⁴⁹. Особый упор авторы-католики делали на то, что законы о сожжении еретиков были светскими и смертный приговор Гусу приводился в исполнение именно светской властью⁵⁰. Ревизию процесса Гуса решительно отвергали почти все рассмотренные нами авторы. Лишь один из них, Вацлав Лефлер, в завершение работы написал: «Правдой или неправдой [был Гус осужден. — Т. Г.], решать не нам, решение об этом когда-нибудь примет сам апостольский престол»⁵¹.

Рецензент из «Журнала католического духовенства» (в целом критически оценивавший издания серии «Гуситство в свете правды») усмотрел в этом сомнение в справедливости приговора Констанцкого собора и заверил читателя, что в пересмотре дело Гуса не нуждается⁵². Однако сам апос-

⁴³ *Kryštůfek F.X. Hus a jeho ochranný list // Husitství ve světle pravdy. Roč. 10 (1913). Č. 1-4. S. 67-75.*

⁴⁴ *Sedlák J. M. Jan Hus. S. 332.*

⁴⁵ *Lenz A. Učení mistra Jana Husi. S. 13.*

⁴⁶ *Sedlák J. M. Jan Hus. S. 315.*

⁴⁷ *Ibid. S. 378.*

⁴⁸ *Ibid. S. 315-316.*

⁴⁹ *Lenz A. Učení mistra Jana Husi. S. 353-354.*

⁵⁰ *Sedlák J. M. Jan Hus. S. 351.*

⁵¹ *Lefler V. Jan Hus a jeho doba. S. 66-67.*

⁵² *Kašpar J. Husitství ve světle pravdy // Časopis katolického duchovenstva. Roč. 46 (1905). Sv. 5. S. 477.*

тольский престол решил иначе. В декабре 1999 г. первый Папа-славянин Иоанн Павел II, на заседании созданной еще в начале 1990-х годов экуменической комиссии по пересмотру дела Гуса, выразил сожаление относительно его насильственной смерти⁵³. На официальный пересмотр решения Констанцкого собора, однако, Ватикан ещё не решился.

В рамках настоящей статьи были рассмотрены совершенно различные по своему характеру работы: от небольших по объёму, сугубо публицистических брошюр до обширных научных исследований. Можно констатировать, что почти все католические авторы, несмотря на разногласия в частных вопросах (степень зависимости учения Гуса от учения Уиклифа, роль вальденсов в генезисе гуситства, оценка соборного движения), сходились в одном — приговор Констанцкого собора Гусу был верным и пересмотру не подлежит.

Необходимо также отметить неравную научную ценность этих работ. Сочинение Яна Эвангелиста Седлака, безусловно, выделяется из общего ряда — это обширный научный труд, основанный на анализе первичных источников и хорошо раскрывающий теологические аспекты истории гуситского движения. Черты научных работ отчасти сохраняют и тексты А. Ленца и Ф.К. Крыштуфека, остальные же являются в лучшем случае популярными очерками, а в основном католическое чешское историописание гуситского движения в этот период носило публицистический характер. Поэтому большинство этих трудов представляет больший интерес в контексте изучения истории католического движения в Чехии рубежа XIX–XX вв., нежели в контексте изучения историографии гуситского движения.

Литература

1. *Галямичев А.Н.* Гуситское движение в освещении либеральной немецкой медиевистики второй половины XIX века. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1988.
2. *Bretšnajdr Z.* Hus a jeho doba // *Husitství ve světle pravdy.* 1906. Roč. 3. Č. 2–4.
3. *Bretšnajdr Z.* Pruč od Říma a Husova národní církve // *Husitství ve světle pravdy.* 1904. Roč. 1. Č. 3–4.
4. *Čornej P.* Historici, historiografie a dějepis. Praha: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 2016.
5. *Hlavinka A.* Bludy a lži v dějinách. Brno: A. Hlavinka, 1888.
6. *Hložina V.O.* Rozvoj bludařství v Čechách // *Husitství ve světle pravdy.* 1912. Roč. 9. Č. 1–2.
7. *Jiroušek T.J.* Tomáš Škrdle. Jeho život, práce a působení ve družstvu Vlast a v katolickém životě v l. 1880–1913. Praha: Družstvo Vlast, 1917.
8. *Kašpar J.* Husitství ve světle pravdy // *Časopis katolického duchovenstva.* 1905. Roč. 46. Sv. 5.

⁵³ *Mistr Jan Hus // Kardinal.cz [Сайт]. URL: <http://www.kardinal.cz/index.php?cmd=article&articleID=830> (дата обращения: 30.03.2018).*

9. Kraus A. Husitství v literatuře, zejména německé. Část II. Husitství v literatuře 19. století. Praha: Česká Akademie Věd a Umění, 1924.
10. Krejčí K.T. Hus v tradici české starokatolické církve // *Studia Theologica*. 2015. Roč. 17. Č. 4. S. 285–299.
11. Kryšňufek F.X. Všeobecný církevní dějepis. Díl 2. Část II. Praha: Cyrillo-Methodějská knihtiskárna (J. Zeman a spol.), 1889.
12. Lefler V. Jan Hus a jeho doba // Husitství ve světle pravdy. 1904. Roč. 1. Č. 2.
13. Lenz A. M. Jan Hus. Životopisný nástin // Husitství ve světle pravdy. 1907. Roč. 4. Č. 2–4.
14. Lenz A. Poměr učení mistra Jana Husi k naukám reformátorů věku šestnáctého // *Časopis katolického duchovenstva*. 1870. Roč. 11. Sv. 8. S. 572–600.
15. Lenz A. Spis “Hus und Wiclif” // *Časopis katolického duchovenstva*. 1885. Roč. 26. Sv. 3. S. 189–192.
16. Lenz A. Učení Husovo o předzřížení a hříchu smrtelném // *Časopis katolického duchovenstva*. 1870. Roč. 11. Sv. 5. S. 321–351.
17. Lenz A. Učení mistra Jana Viklefa a mistra Jana Husi // *Časopis katolického duchovenstva*. 1871. Roč. 12. Sv. 3. S. 161–184.
18. Lenz A. Vzájemný poměr učení Petra Chelčického, starší Jednoty Českých Bratří a Táborů k náuce Valdenských, Jana Husi a Jana Viklifa. Praha: Nákladem družstva Vlast', 1895.
19. Mečkovský R. Katolická církev a moderní bádání o Janu Husovi // *Sacra*. 2005. Roč. 3. Č. 1. S. 25–44.
20. Neumann A. Jací byli husité // Husitství ve světle pravdy. 1918. Roč. 15. Č. 3–4.
21. Nodl M. Spor o Husa a české katolické dějepisectví přelomu 19. a 20. století // *Dějiny — Teorie — Kritika*. 2013. Roč. 10. Č. 2. S. 209–220.
22. Paces S., Wingfield N. The Sacred and the Profane: Religion and Nationalism in the Bohemian Lands, 1880–1920 // *Constructing Nationalities in East Central Europe* / Judson P.M., Rozenblit M.L. (eds). New York; Oxford: Berghahn, 2005. P. 107–125.
23. Palacký F. Předchůdcové husitství v Čechách // Františka Palackého spisy drobné. Díl 2. Články z oboru dějin. Praha: Bursík & Kohout, 1901. S. 203–247.
24. Polc J.V. Jan Hus v představách šesti staletí a ve skutečnosti. Olomouc; Vranov nad Dyjí: A.M.I.M.S., 2015.
25. Pošumavský S. Mistr Jan Hus (vlastenec, kněz, jeho oslava) // Husitství ve světle pravdy. 1914. Roč. 11. Č. 1–2.
26. Řehák K.L. Co nám prospěl Hus a co Žižka. Díl 2 // Husitství ve světle pravdy. 1910. Roč. 7. Č. 1–2.
27. Rejzek A.M. Jan z Husince. Praha: Gustav Francel, 1912.
28. Sedlák J.M. Jan Hus. Praha: Dědictví sv. Prokopa, 1915.
29. Slanina M. Jan Hus v Časopisu katolického duchovenstva v letech 1828–1949. Diplomová práce (Mgr.). Olomouc, 2016.
30. Šulc F. Učení mistra Jana Husa // Husitství ve světle pravdy. 1905. Roč. 2. Č. 2–4.

References

1. Bretšnajdr, Z., 1906. Hus a jeho doba. *Husitství ve světle pravdy*, roč. 3, č. 2–4.
2. Bretšnajdr, Z., 1904. Pryč od Říma a Husova národní církve. *Husitství ve světle pravdy*, roč. 1, č. 3–4.
3. Čornej, P., 2016. *Historici, historiografie a dějepis*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum.
4. Galiamichev, A.N., 1988. *Gusitskoe dvizhenie v osveshchenii liberal'noi nemetskoj medievistiki vtoroi poloviny XIX veka*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta.
5. Hlavinka, A., 1888. *Bludy a lži v dějinách*. Brno: A. Hlavinka.
6. Hložina, V.O., 1912. Rozvoj bludařství v Čechách. *Husitství ve světle pravdy*, roč. 9, č. 1–2.
7. Jiroušek, T.J., 1917. *Tomáš Škrdle. Jeho život, práce a působení ve družstvu Vlast a v katolickém životě, v. 1. 1880–1913*. Praha: Družstvo Vlast.
8. Kašpar, J., 1905. Husitství ve světle pravdy. *Časopis katolického duchovenstva*, roč. 46, sv. 5.
9. Kraus, A., 1924. *Husitství v literatuře, zejména německé. Část II. Husitství v literatuře 19. století*. Praha: Česká Akademie Věd a Umění.
10. Krejčí, K.T., 2015. Hus v tradici české starokatolické církve. *Studia Theologica*, roč. 17, č. 4, s. 285–299.
11. Kryštůfek, F.X., 1889. *Všeoobecný církevní dějepis*. Díl 2. Část II. Praha: Cyrillo-Methodějská knihtiskárna (J. Zeman a spol.).
12. Lefler, V., 1904. Jan Hus a jeho doba. *Husitství ve světle pravdy*, roč. 1, č. 2.
13. Lenz, A., 1907. M. Jan Hus. Životopisný nástin. *Husitství ve světle pravdy*, roč. 4, č. 2–4.
14. Lenz, A., 1870. Poměr učení mistra Jana Husi k naukám reformátorů věku šestnáctého. *Časopis katolického duchovenstva*, roč. 11, sv. 8, s. 572–600.
15. Lenz, A., 1885. Spis “Hus und Wiclif”. *Časopis katolického duchovenstva*, roč. 26, sv. 3, s. 189–192.
16. Lenz, A., 1870. Učení Husovo o předzřízení a hříchu smrtelném. *Časopis katolického duchovenstva*, roč. 11, sv. 5, s. 321–351.
17. Lenz, A., 1871. Učení mistra Jana Viklefa a mistra Jana Husi. *Časopis katolického duchovenstva*, roč. 12, sv. 3, s. 161–184.
18. Lenz, A., 1895. *Vzájemný poměr učení Petra Chelčického, starší Jednoty Českých Bratří a Táborů k náuce Valdenských, Jana Husi a Jana Viklifa*. Praha: Nákladem družstva Vlast.
19. Mečkovský, R., 2005. Katolická církev a moderní bádání o Janu Husovi. *Sacra*, roč. 3, č. 1, s. 25–44.
20. Neumann, A., 1918. Jací byli husité. *Husitství ve světle pravdy*, roč. 15, č. 3–4.
21. Nodl, M., 2013. Spor o Husa a české katolické dějepisectví přelomu 19. a 20. Století. *Dějiny — Teorie — Kritika*, roč. 10, č. 2, s. 209–220.
22. Paces S., Wingfield N.M. The Sacred and the Prophane: Religion and Nationalism in the Bohemian Lands, 1880–1920. In: Judson P.M., Rozenblit M.L. eds, 2005. *Constructing Nationalities in East Central Europe*. New York; Oxford: Berghahn. P. 107–125.

23. Palacký, F., 1901. Předchůdcové husitství v Čechách. In: *Františka Palackého spisy drobné. Díl 2. Články z oboru dějin*. Praha: Bursík & Kohout. S. 203–247.
24. Polc, J.V., 2015. *Jan Hus v představách šesti staletí a ve skutečnosti*. Olomouc; Vranov nad Dyjí: A.M.I.M.S.
25. Pošumavský, S., 1914. Mistr Jan Hus (vlastenec, kněz, jeho oslava). *Husitství ve světle pravdy*, roč. 11, č. 1–2.
26. Řehák, K.L., 1910. Co nám prospěl Hus a co Žižka. Díl 2. *Husitství ve světle pravdy*, roč. 7, č. 1–2.
27. Rejzek, A.M., 1912. *Jan z Husince*. Praha: Gustav Franci.
28. Sedlák, J.M., 1915. *Jan Hus*. Praha: Dědictví sv. Prokopa.
29. Slanina, M., 2016. *Jan Hus v Časopisu katolického duchovenstva v letech 1828–1949*. Diplomová práce (Mgr.). Olomouc.
30. Šulc, F., 1905. Učení mistra Jana Husa. *Husitství ve světle pravdy*, roč. 2, č. 2–4.

УЧАСТИЕ АДАМА МИЦКЕВИЧА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ СЕРЕДИНЫ XIX В.

Светлана Михайловна Фалькович –
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва.
falkowicz-s@mail.ru

Аннотация

Великий польский поэт Адам Мицкевич, патриот, революционер и демократ, активно участвовал в политической деятельности польской эмиграции 30–50-х годов XIX в. Призывая соединить борьбу поляков за национальную независимость с освободительным движением европейских народов, Мицкевич стал яркой фигурой «Весны народов» 1848–1849 гг.: он был создателем международного революционного издания «Трибуна народов»; сформированный им польский легион сражался за свободу народов Италии, Германии, Венгрии и других европейских стран. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. Мицкевич стремился использовать международную обстановку для поддержки борьбы польского народа против царизма. С этой целью он вел переговоры в Париже, а затем в Константинополе, где и скончался в 1855 г.

Ключевые слова

Адам Мицкевич, польская политическая эмиграция, польский легион Адама Мицкевича (1848–1849 гг.), газета «Трибуна народов», Крымская война 1853–1856 гг. и планы Мицкевича.

ADAM MICKIEWICZ AND THE POLISH POLITICAL EMIGRATION IN THE MID-NINETEENTH CENTURY

Svetlana M. Falkovich –
Doctor of Sciences,
Leading Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
falkowicz-s@mail.ru

Abstract

Adam Mickiewicz, a revolutionary and a democrat, was actively involved in the political activities of the Polish emigration in the 1830s–1850s. Calling to consolidate the struggle of the Poles for national independence and the liberation movement of European nations, Mickiewicz became a prominent figure of the «Peoples' Spring» of 1848–1849: He founded the international revolutionary newspaper «La Tribune des Peuples». The Mickiewicz Legion (also known as the Polish Legion) fought for freedom of the peoples in Italy, Germany, Hungary and other European countries. During the Crimean War (1853–1856), Mickiewicz sought to use the international situation to support the struggle of the Polish people against tsarism. In order to do it, he negotiated with different groups in Paris and then in Constantinople, where he died in 1855.

Keywords

Adam Mickiewicz, Polish political emigration, Polish Legion in 1848–1849, newspaper «La Tribune des Peuples», Crimean War (1853–1855) and Mickiewicz's plans.

Период между двумя восстаниями, происходившими в Королевстве Польском в 1830–1831 и 1863–1864 гг., характеризовался активным участием многотысячной польской эмиграции в политической жизни Польши и Европы. Внутри эмигрантского сообщества существовали различные идейные течения, сторонники которых по-разному определяли задачи и способы борьбы за возрождение независимого Польского государства. Главный спор по выработке основных позиций эмиграции происходил между его демократическим и консервативным крылом. В этом споре, развернувшемся в середине XIX в., деятельное участие принял и великий польский поэт Адам Мицкевич.

А. Мицкевич прибыл во Францию летом 1832 г. и сразу занял видное место в среде демократов. Он вступил в ряд эмигрантских организаций — в Славянское общество, Общество литовских и русских (то есть украинских. — С. Ф.) земель, Общество научной помощи, а также в Польский национальный комитет. Одновременно он работал в парижском эмигрантском издании «*Pielgrzym Polski*» («Польский пилигрим»), занимался редактированием и сам писал статьи. Ранней осенью 1832 г. в Париже появились «Книги польского народа и пилигримства», и их автор стал весьма популярным среди польских эмигрантов¹. Как и статьи в газете «Польский пилигрим», «Книги» Мицкевича отражали общий настрой поляков в начале их жизни в изгнании, так как были проникнуты верой в близость всеобщей революции. Уже в 1832 г. поэт предсказывал падение «правителей Франции», «говорящих о свободе и служащих деспотизму»; порядок, существовавший в Европе, он называл «временным и преходящим», так как верил в «святой союз народов» и отмечал, что «теперь политическая сцена и перспективы народов расширились неимоверно». В этой обстановке Мицкевич ставил задачу объединения народов в борьбе за свободу. Он писал о «первейшем, наиглавнейшем и наивысшем стремлении народов» и определял его как «стремление к согласию, к соединению, к отождествлению интересов, без чего невозможно будет понять всеобщей свободы»². Поэт рассчитывал, что в новой обстановке Польша сможет осуществить свои великие цели, опираясь на союз народов. Выдвигая на первый план борьбу поляков против царизма, Мицкевич намечал и пути борьбы русского народа, который он включал в общий «союз народов». Он верил в «возрождение России», и это нашло отражение как в его статьях, так и в поэтическом творчестве. Не случайно автор статьи в газете «Польский пилигрим», говоря о поэме Мицкевича «Дзяды»,

¹ *Śliwiński A.* Mickiewicz jako polityk. Kraków, 1908. S. 39–40; *Łużaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. Warszawa, 1951. S. 30; *Nowak A.* Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji. 1831–1849. Warszawa, 1994. S. 98–99.

² *Mickiewicz A.* Dzieła. T. 6. Warszawa, 1955. S. 55–56, 173; *Postępowa publicystyka emigracyjna. 1831–1846.* Wybór źródeł. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1961. S. 112–114.

выражал убеждение в том, что «непредвзятый и ощущающий свое достоинство русский прочтет это произведение со слезами на глазах»³.

В предстоящей борьбе Польши за свободу Мицкевич отводил важное место польской эмиграции. Свой взгляд на ее роль он определил уже в начале 1830-х годов, заявив на страницах редактируемого им издания: «Эмиграция — это огромное посольство, поставленное перед лицом народов Европы». Понимая эту международную ответственность, Мицкевич в то же время настаивал на самостоятельности позиции польской эмиграции, в частности, выступая против вовлечения французской общественности в ее внутренние дела, в противоречия, возникавшие между польскими эмигрантскими партиями и течениями. Вместе с тем он требовал сохранения независимого положения польской эмиграции и в 1840-е годы протестовал против введения французским правительством особого режима для находившихся во Франции поляков⁴.

Поскольку для укрепления авторитета польской эмиграции в европейских странах нужно было положить конец разладу в ее среде, уже в 1832 г. стала разрабатываться мысль о создании за границей польской центральной власти, в том числе возникали планы созыва бывших послов (депутатов) и сенаторов сейма Королевства Польского, либо проведения выборов в новый сейм всеобщим голосованием. Первый план, получивший поддержку ряда демократических эмигрантов, одобрял и Мицкевич. При этом он выступал за предоставление будущему сейму более широких полномочий, так как думал о придании ему характера законодательного собрания народов Европы. По мысли Мицкевича, такой сейм должен был противостоять европейским правительствам как врагам, поскольку ни один из европейских парламентов не выражал воли своего народа. Поэт требовал, чтобы новоизбранный сейм заявил, что будет представлять волю народов, и провозгласил «принципы, которые должны служить основой их свободы»⁵.

О твердой демократической позиции Мицкевича свидетельствовали и обстоятельства, связанные с реакцией в эмигрантской среде на речь Т. Кремповецкого, произнесенную в Париже 29 ноября 1832 г. во время торжества, посвященного годовщине восстания в Королевстве Польском. Оратор обвинил шляхту в гибели восстания, разоблачив политику его шляхетского руководства, и выдвинул лозунг сочетания политической борьбы за национальное освобождение с аграрной революцией. Когда часть видных деятелей демократической эмиграции обратилась к французской общест-

³ Piełgrzym Polski. 13.I 1833; Nowak A. Między carem a rewolucją... S. 99–104.

⁴ Piełgrzym Polski. 20.III, 12.VI 1833; Postępowa publicystyka... S. 111; Łukaszewicz W. Tadeusz Krępowiecki: żołnierz-rewolucjonista. 1798–1847. Warszawa, 1954. S. 75; Śliwiński A. Mickiewicz... S. 126; Mickiewicz W. Żywot Adama Mickiewicza. T.IV. Poznań, 1895. S. 124–125, 162–163.

⁵ Śliwiński A. Mickiewicz... S. 45–48; Mickiewicz W. Żywot Adama Mickiewicza. T. IV. S. 207; Młynarski Z. Źródła polskiej demokracji. Kraków, 1950. S. 76.

венности с письмом, где подчеркивалось, что восстание 1830–1831 гг. являлось национальным и имело поддержку всех классов общества, Мицкевич был в числе подписавших это послание. Однако позже, когда поэт стал членом специальной комиссии, решавшей вопрос о публикации речи Кремповецкого, выяснилось, что он не слышал выступления оратора и не знаком с текстом речи. Заявив об этом, Мицкевич потребовал анализа полного текста и отказался от принятия поспешного решения до окончательного выяснения вопроса⁶.

В это время в Европе ощущалась атмосфера нарастания революционных настроений и ожидания революционного взрыва. Веяния времени остро чувствовал Мицкевич, заявлявший: «Где только в Европе имеют место угнетение свободы и борьба за нее, там идет борьба за Родину, и все должны сражаться в этой борьбе»⁷. Прежде всего, он имел в виду польские земли и в этой связи думал о союзниках поляков в будущих революционных событиях. Не случайно было его содействие И. Лелевелю в подготовке воззвания «К братьям русским», призывавшего к совместной борьбе⁸. Внимание его к этому вопросу усилилось и в тот период, когда он оказался связанным с кафедрой славянских языков и литературы, образованной в 1840 г. при парижском Коллеж де Франс. Мицкевич активно участвовал в создании кафедры и в декабре 1840 г. стал ее первым профессором. Он читал лекции до мая 1844 г. на французском языке, и они привлекали внимание не только польских, но и иностранных слушателей, что было вполне закономерно: само создание кафедры являлось, в частности, результатом роста интереса европейской общественности к славянским народам, на которых смотрели с надеждой как на препятствие российской угрозе. Что же касается польских эмигрантов, то большая их часть, в том числе и представители демократического крыла, считали, что кафедра «должна стать угрозой для России и отрадой для Польши». Однако Мицкевич в своих лекциях стремился беспристрастно проанализировать историю взаимоотношений двух славянских народов, выявить истоки их «розни» и сформулировать основы их будущего «единства», которое он считал необходимым для победы в борьбе против угнетателей. При этом он указывал на богатое прошлое истории России, подчеркивал высокое развитие культуры русского народа⁹.

Несомненно, такой взгляд Мицкевича на русский народ и его культурное развитие был во многом продиктован недавним общением поэта с Рос-

⁶ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki. S. 65–66; *Idem.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 30–31; Discours de Thadée Krempowiecki prononcé à Paris le 29 Novembre 1832, anniversaire de la révolution Polonaise. Paris, 1833.

⁷ *Mickiewicz A.* Dzieła. T. 6. S. 52; *Zdrada J.* Wielka emigracja po powstaniu listopadowym. Warszawa, 1987. S. 21.

⁸ *Postępową publicystyką...* S. 20, 50–55; *Nowak A.* Między carem a rewolucją... S. 102–103; *Борисенюк Ю.А.* Михаил Бакунин и «русская интрига». 1840-е годы. М., 2001. С. 150–151.

⁹ *Mickiewicz A.* Dzieła. T. VIII. Warszawa, 1958. S. 16; *Nowak A.* Między carem a rewolucją... S. 286–291.

сией и близостью с выдающимися представителями русской культуры. Но был и иной фактор, повлиявший на общую тональность лекций Мицкевича. Он думал о создании религиозного братства «с христианской и польской целью»: для Польши, утверждал он, нет иного спасения. В 1834 г. он подписал акт создания ордена Общества польского воскресения, а позже увлекся идеями Анджея Товяньского, основателя оформившегося к началу 1840-х годов Кола слуг Божьего дела. Мицкевич примкнул к «товяньчикам», его воодушевляла мысль о предназначении славян, и в том числе поляков, избранных свыше «для принятия нового духа», «для создания совершенно новой общности». Поэт утверждал, что смысл и специфика исторического процесса еще не разгаданы, что неудачи и трудности славянства, включая поляков, не обязательно означают слабость и ошибочность их политики, а, возможно, ведут к началу новой славянской эры в истории человечества. Он отмечал связь упадка Польши с тем, что именно Польше был свойственен «инстинкт христианской политики», определявший ее «авангардную христианскую миссию» и обеспечивавший ее моральное превосходство, противопоставленное физическому превосходству соседей. Тем не менее, он не давал окончательной оценки событий, имевших место как в Польше, так и в России, с этих позиций, а рассчитывал на общее будущее народов¹⁰.

Подобная постановка вопроса не устраивала большинство польского эмигрантского сообщества, в том числе его демократическое крыло. В адрес автора лекций была направлена волна критики; осуждению подверглась и связанная с их трактовкой панславистская окраска позиции Мицкевича, развивавшей мессианистские идеи Товяньского. Поскольку на лекциях было немало русских, ряд из них также обратили внимание на мессианизм поэта, другие узнали о мессианском «душке» лекций позже и были разочарованы. Так, А.И. Герцен сожалел, что «эта белая горячка» «вскружила голову [...] самому Мицкевичу», а М.А. Бакунин, отмечая, что поэт «погряз в товянизме», признавался его сыну Владыславу Мицкевичу в том, что парижские лекции «вызывали у него тошноту». Однако критики не учитывали важное отличие позиции поэта от позиции Товяньского: последний на почве мессианства отказывался от всякой борьбы и призывал к пассивности, тогда как Мицкевич выступал как патриот, веривший в торжество справедливой борьбы славянства. Это отличие позиций было существенным, и не случайно уже в 1846 г. поэт разошелся с Товяньским¹¹.

¹⁰ *Łudwikowski R.* Główne nurty polskiej myśli politycznej. 1815-1890. Warszawa, 1982. S. 140-148. См. также: *Фалькович С.М.* Религиозные течения в польской эмиграции на фоне подъема национально-освободительного движения в Польше в 50-60-е гг. XIX в. // *Studia Polonica.* К 70-летию В. А. Хорева / Отв. редактор В.К. Волков. М., 2002. С. 53-59.

¹¹ *Nowak A.* Między carem a rewolucją... S. 291-304; *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. X. М., 1956. С. 41; *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем. Т. 3. М., 1935. С. 305; *Борисёнок Ю.А.* Михаил Бакунин... С. 107, 175; *Малютин Г.А.* Русский вопрос в общественно-политической мысли в 1830-е — начале 1860-х гг. СПб., 2013. С. 143-144.

То, что патриотизм Мицкевича не подвергался сомнению, подтвердило всё дальнейшее развитие событий: когда в 1848 г. во Франции началась революция, польские эмигранты, принявшие ее с энтузиазмом, вновь вернулись к мысли о необходимости объединения и выдвинули план создания эмигрантской конфедерации во главе с тремя авторитетными политиками, одним из которых был назван Мицкевич. Поэт отказался от предложения, так как серьезно и ответственно анализировал состояние эмиграции в этот момент: он заявил, что конфедерация, не имеющая какой бы то ни было руководящей идеи и «органичного принципа», стала бы всего лишь «слепком разнородных элементов» и развалилась при первом сотрясении. В отличие от аристократической партии консервативной эмиграции, надеявшейся на поддержку европейских правительств в деле восстановления национальной независимости Польши, Мицкевич утверждал: «Между Польшей и правительствами нет и не может быть союза [...]. Нашими единственными союзниками являются враги этого старого порядка в Европе»¹².

Речь шла, в частности, о поддержке развернувшейся в это время борьбы итальянского народа за национальную независимость, и в такой обстановке Мицкевич сблизился с итальянскими революционерами, прежде всего с Дж. Мадзини. Последний был восторженным почитателем Мицкевича как поэта и патриота, ставил его выше Г. Гейне и Дж. Байрона. Он сам переводил стихи Мицкевича на итальянский язык и посылал их своей матери как пример патриотической поэзии, чтобы итальянские матери учили на них своих детей любви к родине. Собираясь издавать библиотеку запрещенных революционных книг, он думал о переводе мицкевичевских «Книг польского народа и пилигримства», так как видел в них соединение патриотической любви с истинно христианским духом и на этой основе звал народы к борьбе за свободу под лозунгом «Бог и человечество». Мадзини подготовил к публикации в издании «The Polish monthly magazine» («Польский ежемесячник») статью о творчестве Мицкевича и английские переводы ряда его стихов. Он называл поэта национальным «пророком», чей «голос является голосом миллионов людей», кричащих о том, что «их существование как народа не закончено, что Польша должна еще выполнить великую миссию, что она осознает свое предназначение, желает его исполнить и исполнит». Итальянский революционер считал важным подчеркнуть также связь творчества Мицкевича с возрождением в Польше социальной идеи, «которая является [...] душой каждого его поэтического творения»: «люди», — утверждал он, — [...] есть ее верный истолкователь»¹³.

¹² *Słowiński A. Mickiewicz...* S. 74–75, 124, 162–163; *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30-х — 60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017. С. 130.

¹³ *Łukaszewicz W. Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę Ludów.* Warszawa, 1951. S. 311–313, 321–322.

В 1848 г. Мицкевич и Мадзини объединили усилия в деле организации помощи революционной борьбе итальянского народа. Мицкевич обратился к главе Сардинского королевства Карлу Альберту, представив ему проект создания польского легиона. При этом он ссылаясь на поддержку со стороны Мадзини и высоко о нем отзывался. Во время переговоров, в которых итальянский революционер также участвовал, Мицкевич требовал избрания командира будущего легиона путем всеобщего голосования. 29 марта 1848 г. договор о создании польского военного формирования был подписан, и в него вступили обратившиеся к Мицкевичу добровольцы. Это был ответ на обращение временного миланского правительства к «благородным полякам, братьям по борьбе и надеждам», ответ на призыв о помощи «в целях поражения общего врага» — австрийцев. Поэтому в договоре было подчеркнуто, что обязанностью польских эмигрантов является борьба вместе с итальянцами. Формирование легиона осуществлялось на демократических началах, и это нашло отражение в договоре: должны были соблюдаться принципы выборности офицеров солдатами и коллективного решения наиболее важных вопросов; спорные дела, в том числе затрагивавшие вопросы чести, подлежали компетенции «братских судов». Легион получил благословение Папы Римского, которого Мицкевич призвал поддержать борьбу народов за национальное освобождение. «Легионеры» выступали под красно-белым знаменем с крестами и с изображением польского орла. Надпись на знамени «Первый польский отряд» сочеталась с лозунгом «Славянство», поскольку целью легиона объявлялось оказание «политической и родственной помощи» «брату Чеху и побратимским чешским народу, брату Русу и руским [то есть украинцам на польских территориях и малороссам в Российской империи. — С. Ф.] народам». Понятие «Славянство» охватывало также и русский народ, так как Мицкевич был уверен, что «близок день, когда московская армия, бросив винтовки, начнет обниматься с польским людом»¹⁴.

Содержание лозунгов, под которыми происходило формирование польского легиона, было связано с основополагающей политической платформой Мицкевича, получившей название «Собрание принципов». В ее основе лежали принципы христианской веры: слово Божие провозглашалось законом народов, а церковь — его стражем. «Собрание принципов» объявляло Родину «полем жизни Божьего слова на земле», а конкретизацией этого тезиса была задача освободительной борьбы польского народа: «Польша встает в свободном и независимом облике и подает руку Славянщине». Утверждались основные черты этого нового независимого облика как в социальном, так и в политическом плане. Собственность должна была стать

¹⁴ *Mazzini J. Scritti. Milano, 1864. P. 52-53; Lewak A. Ideologia polskiego romantyzmu politycznego a Mazzini. Warszawa, 1934. S. 11; Kieniewicz S. Historia Polski. 1795-1918. Warszawa, 1969. S. 197; Legion Mickiewicza. Wybór źródeł. Wrocław, 1958. S. 79, 131; Śliwiński A. Mickiewicz... S. 124, 127-130; Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 130-131.*

неприкосновенной и охраняться национальной властью, каждой семье полагалась «своя обрабатываемая земля под опекой гмины, каждой гмине — общинная земля под опекой нации». Гражданам будущей Польши гарантировались равенство, свобода слова и вероисповедания, свободный выбор власти; равенство и гражданские права должны были получить женщины, а также евреи и представители славян. Автор «Собрания принципов» считал разработанные им христианские и демократические основы взаимоотношений представителей различных народов очень важными для борьбы за общую цель их освобождения. На это он указал в беседе с русскими эмигрантами, обратившимися к нему перед выступлением польского легиона из Парижа и заявившими о готовности русских солдат поддержать борьбу поляков. Мицкевич подчеркнул, что важнейшей задачей русского народа является избавление от духовного рабства, которое использует царизм. Пример духовного возрождения народов, «вычеркнутых тиранией из книги жизни», он видел в союзе итальянцев и отправлявшихся в Ломбардию поляков. Последних Мицкевич призывал «самоотверженно отстаивать итальянскую независимость» и тем самым стать «действительно полезными [...] будущим интересам Польши». «Служа Италии, — разъяснял он, — поляки содействуют приближению освобождения Польши; способствуя распаду Австрийской империи, они помогают освободить пять миллионов поляков — ее подданных. Они предоставляют также возможность примыкающим к Италии славянским провинциям [...] проявить на деле свои устремления». В связи с этим Мицкевич призывал к созданию славянского корпуса; такой призыв прозвучал, в частности, на митинге во Флоренции, и первыми на него откликнулись славянские моряки, присоединившиеся к польскому легиону, когда тот вступил в Ливорно¹⁵.

Весна 1848 г. стала временем триумфального прохода легиона по земле Италии. В течение 15 месяцев около 500 «легионеров» прошли через Болонью, Модену, Парму, Лоди и ряд других городов, где их приветствовали восторженные толпы; стихийно возникали манифестации и митинги. Так было и в Милане, куда легион прибыл 1 мая 1848 г. Здесь Мицкевич обратился к ломбардскому руководству, стараясь убедить его в необходимости призвать далматинских славян к восстанию против австрийской власти, создать особый славянский легион и побудить к выступлению против Вены славянские полки армии Габсбургов. Поскольку последние дислоцировались в Далмации, он предлагал французскому правительству ввести туда свои войска и послать на Адриатику флот. Когда же поражение ломбардской армии привело к заключению королем Карлом Альбертом перемирия

¹⁵ Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30-70-е годы XIX в.) / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1991. С. 82; Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 130-132; Śliwiński A. Mickiewicz... S. 130-136, 138, 141-143; Nowak A. Między carem a rewolucją... S. 321-322, 325, 352.

с Австрией, польский легион перешел в Пьемонт, а затем в Тоскану. И хотя тосканские власти оказали полякам денежную поддержку, но ее не хватало для того, чтобы укрепить военные силы «легионеров», увеличив их число. Поэтому в июне 1848 г. Мицкевич выехал в Париж, где добился формирования четырех новых отрядов под командой М. Ходзько и Ю. Гауке. Предполагалось после перемирия в Ломбардии возобновить там военные действия против австрийцев, и Мицкевич рассчитывал на дальнейшее пополнение польских вооруженных сил, подчеркивая: «Старые эмигранты и вообще желающие нести военную службу до сих пор имеют поле деятельности только в Италии»¹⁶.

Свое пребывание в Париже Мицкевич использовал также для решения еще одной задачи, которую считал важнейшей: необходимо было привлечь внимание общественного мнения Европы к польскому вопросу и к борьбе поляков как на польских землях, так и на других территориях. С этой целью поэт возглавил депутацию к Луи Наполеону Бонапарту, избранному президентом Французской республики, но основной расчет Мицкевича был не на него, занявшего уклончивую позицию, а на демократические круги европейской общественности, прежде всего во Франции. Этот расчет вполне оправдался, так как при помощи и поддержке французских революционеров и представителей революционной демократии других народов был организован выпуск газеты «*La Tribune des Peuples*» («Трибуна народов»). Издание осуществлялось в Париже под редакцией Мицкевича, который выступал на страницах газеты и как публицист — автор ряда статей. Секретарем редакции стал Э. Хоецкий, а среди сотрудников находились представители революционных и демократических течений разных народов — как французы и поляки, так и два десятка иностранцев — эмигранты из Германии, Италии, Испании и других европейских стран, в том числе итальянец Н. Томмазо, чех К. Мензингер, югослав Пугич, русские И. Г. Головин и Н. И. Сазонов. Последние активно сотрудничали в газете, писали о революционных традициях русского народа, напоминали о декабристах, о творчестве глашатаев свободной русской мысли — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, В. Г. Белинского, Н. А. Полевого. Всё это служило подтверждением для главного вывода: «Еще одно усилие, и русский народ сбросит ярмо фальшивой старой системы, чтобы явиться перед Европой молодым, сильным и свободным». На это надеялись и польские революционеры, которые, как, например, Л. Савашкевич, сообщали в редакцию о раскрытии заговора «петрашевцев» и о других фактах существования в России тайных революционных организаций. В газете появлялись и оценки позиции некоторых деятелей русского революционного движения по отношению к Польше и к русско-польскому революционному союзу.

¹⁶ *Słowiński A. Mickiewicz...* S. 135, 138, 162; Национальное движение в Центральной Европе... С. 82.

Так, например, Бакунин был назван «симпатизирующим Польше» «лидером республиканского течения под названием полонорусской партии»¹⁷.

Издатели «Трибуны народов» рассчитывали на революционное движение народов, направленное как против русского самодержавия, так и против других угнетателей польского народа, и лозунг «восстановления свободной и независимой Польши» сочетали с призывом к революционной «солидарности народов». Выдвинутый газетой лозунг создания на пространстве между Адриатикой, Балтикой и Черным морем «федерации свободных обществ, живущих по принципам подлинной демократии», звал народы к единению под знаменем свободы, равенства и братства для борьбы против Габсбургской монархии. В этой связи на первый план выходил всё тот же союзник поляков — итальянский народ. Газета Мицкевича активно поддерживала итальянских радикалов, выступая в их защиту. В статье «Мадзини и мадзинисты», опубликованной на страницах «Трибуны народов», разъяснялось значение деятельности итальянского революционного лидера. Газета приветствовала возобновление издания в Риме печатного органа Мадзини «L'Italia del Popolo» («Народная Италия»). В свою очередь итальянский революционер оказывал полякам постоянную поддержку, помогал польскому легиону в Милане. Когда в 1849 г. возникла Римская республика, Мадзини как ее триумвир предложил поставить ей на службу польский легион, и соглашение с поляками о создании такого легиона было подписано. В нем говорилось, что Польша — сестра Италии, а члены сформированного польского легиона представляют будущую независимую Польшу. Легион имел право на польскую национальную атрибутику, а его члены получали жалование от Римской республики. Они освобождались от службы в Италии в случае возникновения вооруженной борьбы в Польше¹⁸.

Все обязательства, записанные в соглашении с Мадзини, 200 польских «легионеров» выполнили с честью. В течение нескольких недель до конца июня 1849 г. они вместе с итальянскими отрядами под руководством Дж. Гарибальди держали оборону в Риме, защищаясь от атак французского корпуса, и заслужили похвалу из уст Мадзини. В свою очередь, в письме к вождю итальянской революции Мицкевич также выразил гордость и удовлетворение в связи с героической борьбой польского легиона, назвав его «республиканской и социальной армией». Он выступил с резким осуждением попыток Франции уничтожить революционную Римскую республику путем военной интервенции, и за публикацию этого протеста в «Трибуне народов» издание газеты в июне 1849 г. было приостановлено. Вскоре в

¹⁷ *Kieniewicz S.* Historia Polski. S. 201–202; *Śliwiński A.* Mickiewicz... S. 165; *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция... С. 132; *Борисёнок Ю.А.* Михаил Бакунин... С. 162.

¹⁸ *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция... С. 132–133; *Śliwiński A.* Mickiewicz... S. 165; *Kieniewicz S.* Legion Mickiewicza. 1848–1849. Warszawa, 1955. S. 159, 162–163; *Legion Mickiewicza. Wybór źródeł.* S. 59; *Lewak A.* Ideologia polskiego romantyzmu... S. 11. См. также: *La Tribune des Peuples.* 15, 27. III; 6.IV; 4, 17.V; 7, 10.VI. 1849.

Париже прошли массовые антиправительственные манифестации, и издатели «Трибуны народов» поддержали выступления парижских трудящихся. Это было не случайно, так как внимание Мицкевича привлекала активная позиция французского рабочего класса, он подчеркивал связь международно-политического и социального аспектов революции и утверждал, что пролетариат может добиться улучшения своего положения, «лишь встав с оружием в руках на защиту страдающих и обездоленных всего мира». В связи с поддержкой парижских манифестаций «Трибуна народов» была окончательно закрыта французским правительством, но принципиальная позиция издателей газеты стала известна европейской демократической общественности, так как французская либеральная пресса опубликовала текст протеста польских членов редакции, направленного властям еще ранее, после приостановки издания газеты. «Польская часть “Трибуны народов”, — писали они, — подверглась политическому преследованию. Правительство вынуждает ее прекратить свое сотрудничество в газете, и она уступает превосходящей силе и отстраняется»¹⁹.

Однако призывы, прозвучавшие со страниц созданного Мицкевичем печатного органа, всё так же вдохновляли народы на борьбу, их носителями по-прежнему были польские эмигранты, продолжавшие сражаться во всех итальянских провинциях — Пьемонте, Ломбардии, Тоскане, Венеции, Генуе, а затем на Сицилии. Они переходили из страны в страну: в частности, 160 солдат из польского легиона Мицкевича отправились в Венгрию для борьбы против австрийских войск. Поляки приняли участие и в революционном движении, разгоревшемся на территории германских государств: они были среди борцов, сражавшихся в Дрезденской революции 1849 г., а 300 «легионеров» стали активной силой Баденского восстания. Их борьба в Бадене имела целью, в частности, защитить заседавшее во Франкфурте Национальное собрание, поддержать процесс революционно-демократического преобразования Германии. Правда, в этом отношении польские эмигранты имели сомнения: «Трибуна народов», в целом симпатизировавшая немецким либералам, критиковала их за непоследовательность и предостерегала поляков от вмешательства в их внутреннюю борьбу. Мицкевич, связывавший надежды на революцию в Германии с делом польской независимости, указывал на необходимость объединения германских государств на демократическо-республиканской основе революционным путем и создания таким образом «народной империи». Решения Франкфуртского Национального собрания развеяли надежды поляков, тем более, что к 1849 г. революции в Бадене и Дрездене потерпели неудачу. Тогда же король Пьемонта отказался от продолжения военных действий, и польский легион

¹⁹ *Kieniewicz S. Historia Polski. S. 197–198, 202; Śliwiński A. Mickiewicz... S. 209, 223–226; Korespondencja Adama Mickiewicza. T. II. Lwów, 1880. S. 193; Мицкевич А. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1954. С. 160–161; Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 132–133; Национальное движение в Центральной Европе... С. 151–154.*

был распущен. Но память о героизме и самоотверженности поляков, боровшихся за свободу европейских народов, осталась навечно, и эта память неразрывно связана с именем Адама Мицкевича²⁰.

Поражение революции 1848–1849 гг. в европейских странах не изменило революционных и патриотических стремлений поэта: и в последующие годы он искал возможность для продолжения борьбы как в Польше, так и в горячих точках Европы, стремился использовать осложнения международной обстановки. В 50-е годы XIX в., когда сложилась ситуация противостояния России с Францией и другими государствами и разразилась Крымская война, Мицкевич рассчитывал использовать трудное положение царизма для нового выступления поляков на освободительную борьбу. Поэт разработал представленный Наполеону III план так называемой Рижской операции, предусматривавший осаду Пскова; это было необходимо, чтобы не пропустить царские войска в Литву для подавления польско-литовских повстанцев. Предполагалось также создание польского легиона для участия в войне под национальными знаменами. С этой целью французское правительство направило Мицкевича в Константинополь, и там он общался с М. Чайковским, который под именем Садык-паши руководил отрядом «султанских казаков», сформированным из поляков и представителей других славянских народов²¹.

Активная политическая деятельность Мицкевича прервалась внезапно: ее оборвала смерть. Поэт умер от холеры в Константинополе в 1855 г., а затем тело его было перевезено в Париж. Последнее упокоение великий польский поэт-патриот, революционер и демократ нашел на родной земле в Краковском пантеоне.

Литература

1. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. Т. 3. М.: Изд-во Всесоюз. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935.
2. Борисёнок Ю.А. Михаил Бакунин и «русская интрига». 1840-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. X. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
4. Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2001.
5. Малютин Г.А. Русский вопрос в общественно-политической мысли в 1830-е — начале 1860-х гг. СПб.: Нестор-История, 2013.

²⁰ Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001. С. 262–264; Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 133–135; Национальное движение в Центральной Европе... С. 88; *Kieniewicz S. Legion Mickiewicza. S. 162; Idem. Historia Polski. S. 200.*

²¹ *Kieniewicz S. Historia Polski. S. 205–206.*

6. Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.). / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Наука, 1991.
7. *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30-х — 60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
8. *Фалькович С.М.* Религиозные течения в польской эмиграции на фоне подъема национально-освободительного движения в Польше в 50–60-е гг. XIX в. // *Studia Polonica. К 70-летию В.А. Хорева* / Отв. редактор В.К. Волков. М.: Индрик, 2002.
9. Discours de Thadée Krempowicki prononcé à Paris le 29 Novembre 1832, anniversaire de la révolution Polonoise. Paris, 1833.
10. *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795–1918. Warszawa: PWN, 1969.
11. Legion Mickiewicza. Wybór źródeł / oprac. Henryk Batowski, Alina Szklarska-Lohmannowa; wstęp i red. całości H. Batowski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1958.
12. *Lewak A.* Ideologia polskiego romantyzmu politycznego a Mazzini. Warszawa: [s.n.], 1934.
13. *Ludwikowski R.* Główne nurty polskiej myśli politycznej. 1815–1890. Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe, 1982.
14. *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1951.
15. *Łukaszewicz W.* Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę Ludów. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1951.
16. *Mazzini J. Scritti.* Milano: Daelli, 1864.
17. *Mickiewicz A.* Dzieła. T. 6. Warszawa: Czytelnik, 1955.
18. *Mickiewicz W.* Żywot Adama Mickiewicza. T. IV. Poznań: [s.n.], 1895.
19. *Młynarski Z.* U źródeł polskiej demokracji. Kraków: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1950.
20. *Nowak A.* Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji. 1831–1849. Warszawa: Instytut Historii PAN, 1994.
21. Postępowa publicystyka emigracyjna. 1831–1846. Wybór źródeł. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo PAN, 1961.
22. *Śliwiński A.* Mickiewicz jako polityk. Kraków: G. Gebethner, 1908.
23. *Zdrada J.* Wielka emigracja po powstaniu listopadowym. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987.

References

1. Bakunin M.A., 1935. *Sobranie sochinenii i pisem*. T. 3. Moscow: Izd-vo Vsesoiuz. O-va politkatorzhan i ssyl' nopoulosentsev, 1935.
2. Batowski, H., Szklarska-Lohmannowa, A. eds, 1958. *Legion Mickiewicza. Wybór źródeł*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1958.

3. Borisenok Yu.A., 2001. *Mikhail Bakunin i "russkaia intriga". 1840-e gody*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia. 2001.
4. *Discours de Thadée Krempowiecki prononcé à Paris le 29 Novembre 1832, anniversaire de la révolution Polonoise*. Paris, 1833.
5. Herzen A.I. *Sobranie sochinenii v 30-ti tomakh*. T. X. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1956.
6. Falkovich, S.M. ed., 2011. *Evropeiskie revoliutsii 1848 goda. "Printsip natsional'nosti" v politike i ideologii*. Moscow: Indrik, 2001.
7. Falkovich, S.M. ed., 1991. *Natsional'noe dvizhenie v Tsentral'noi Evrope: sotrudnichestvo i kontakty (30–70-e gody XIX v.)*. Moscow: Nauka.
8. Falkovich, S.M., 2017. *Pol'skaia politicheskaia emigratsiia v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Evropy 30-kh — 60-kh godov XIX veka*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017.
9. Falkovich, S.M., 2002. Religioznye techeniia v pol'skoi emigratsii na fone pod"ema natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia v Pol'she v 50–60-e gg. XIX v. In: Volkov, V.K. ed. *Studia Polonica. K 70-letiiu V. A. Khoreva*. Moscow: Indrik.
10. Kieniewicz, S., 1969. *Historia Polski. 1795–1918*. Warszawa: PWN.
11. Lewak, A., 1934. *Ideologia polskiego romantyzmu politycznego a Mazzini*. Warszawa: [s.n.].
12. Ludwikowski, R., 1982. *Główne nurty polskiej myśli politycznej. 1815–1890*. Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe.
13. Łukaszewicz, W., 1951. *Stanisław Gabriel Worcell*. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej.
14. Łukaszewicz, W., 1951. *Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę Ludów*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
15. Łukaszewicz, W., Lewandowski, W. eds, 1961. *Postępowa publicystyka emigracyjna. 1831–1846. Wybór źródeł*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo PAN.
16. Maljutin G.A., 2013. *Russkii vopros v obshchestvenno-politicheskoi mysli v 1830-e — nachale 1860-kh gg.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
17. Mazzini, J., 1864. *Scritti*. Milano: Daelli.
18. Mickiewicz, A., 1955. *Dziela*. T. 6. Warszawa: Czytelnik.
19. Mickiewicz, W., 1895. *Żywot Adama Mickiewicza*. T. IV. Poznań: [s.n.].
20. Młynarski, Z., 1950. *U źródeł polskiej demokracji*. Kraków: Państwowy Instytut Wydawniczy.
21. Nowak, A., 1994. *Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji. 1831–1849*. Warszawa: Instytut Historii PAN.
22. Śliwiński, A., 1908. *Mickiewicz jako polityk*. Kraków: G. Gebethner.
23. Zdrada, J., 1987. *Wielka emigracja po powstaniu listopadowym*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza.

БОСНИЙСКИЙ ВИЛАЙЕТ В ОБЪЕКТИВЕ ФОТОГРАФА П.П. ПЯТНИЦКОГО*

Ксения Валерьевна Мельчакова –

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института
славяноведения РАН, Москва.
kmelchakova@mail.ru

Аннотация

Статья освещает историю создания первого альбома фотографий Боснии и Герцеговины, который был составлен русским фотографом-путешественником П.П. Пятницким в 1867 г. Материал дополнен списком снимков «Фотографического сборника церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого» с оригинальными подписями автора альбома.

Ключевые слова

Босния, Герцеговина, Петр Павлович Пятницкий, фотоальбом, Славянский комитет, А.Ф. Гильфердинг.

THE BOSNIA VILAYET THROUGH THE LENS OF PHOTOGRAPHER PETR PYATNITSKY

Ksenia V. Melchakova –

PhD, Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
kmelchakova@mail.ru

Abstract

The article focuses on the history of creation of the first album of photographs of Bosnia and Herzegovina, which was compiled by the Russian photographer and traveler Petr Pyatnitsky in 1867. The material was supplemented by a list of photographs of «Photographic collection of church antiquities and types of Slavs of European Turkey. Herzegovina and Bosnia in 1867» with original captions by Pyatnitsky.

Keywords

Bosnia, Herzegovina, Petr Pyatnitsky, album of photographs, The Slavic Committee, Aleksandr Hilferding.

* Статья написана в рамках работы над проектом РФФИ № 18-09-00346 А «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям».

В XIX веке Боснийский вилайет Османской империи был одним из самых малоизученных уголков Европы. В России эти славяно-турецкие области впервые начал изучать ученый славист, первый российский консул в Сараеве А.Ф. Гильфердинг (1831–1872)¹. Возможно, именно его работы привлекли внимание саратовского фотографа Петра Павловича Пятницкого (1832–1882), который в 1867 г. отправился в этот уголок Балкан с фотографическим аппаратом и затем составил целый альбом, посвященный Боснии и Герцеговине.

П.П. Пятницкий родился в дворянской семье в Саратове. Его имя знакомо краеведам родного города благодаря серии фотографий, посвященных столетию Саратовской губернии. Менее известна другая его работа — «Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого». В альбоме представлены фотографии герцеговинских монастырей, церковной утвари, снимки жителей разных областей края в национальных костюмах.

История путешествия русского фотографа по землям турецких славян пока еще не реконструирована. Известно лишь, что поездку он совершил в 1867 г.² Возможно планировалось представить снимки на Славянском съезде, который проходил в Петербурге и Москве в мае 1867 г., но данных, подтверждающих это, не обнаружено. Вероятнее всего, в Боснии и Герцеговине Пятницкий находился во время или уже после съезда, летом 1867 г.

Современная исследовательница Н.В. Самохвалова пишет: «О молодом фотографе Пятницком заговорили вскоре после его поездки с ученым-славяноведом А.Ф. Гильфердингом по Балканам, в ходе которой был собран богатый археологический и этнографический материал»³. Последнее утверждение представляется ошибочным. Навряд ли фотографа в поездке сопровождал Гильфердинг. Об этом путешествии русского слависта ничего не известно. В 1860-е годы он служил в департаменте экономики, а осенью 1866 г. находился за границей, но не на Балканах, а во Франции, вместе со своими родными. Его маленький сын Фёдор был болен, и молодая семья ездила по Европе в поисках подходящего климата для ребенка⁴, но безуспешно — в 1867 г. мальчик умер от менингита⁵. Кроме того, среди корреспондентов Гильфердинга нет имени Пятницкого.

¹ Гильфердинг А.Ф. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1859; *Он же*. Босния в начале 1858 года // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Т. XXIII. Отд. II. С. 69–126.

² Известия Императорского Русского географического общества. 1868. Т. IV. СПб., 1869. С. 26.

³ Самохвалова Н. Жил-был фотограф один // Газета недели в Саратове № 1. 15.01.2013.

⁴ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). Ф. 234. Оп. 4. Ед. хр. 54.

⁵ Власова З.И. Новое о А.Ф. Гильфердинге (к 160-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1991. № 1. С. 63.

В это время в Боснии служили российские дипломаты: А.Н. Кудрявцев, Е.Р. Шулепников, Н.А. Илларионов и Каподистрия. К сожалению, никаких консульских донесений о поездке Пятницкого выявить не удалось. Известно также, что в мае и начале июня 1867 г. с разведывательной миссией в крае находился член Московского славянского благотворительного комитета, будущий герой сербо-турецкой войны 1876 г. Николай Николаевич Раевский (1839–1876)⁶, но нет данных о его знакомстве с Пятницким.

В ноябре 1867 г. П.П. Пятницкий представил свою работу на заседании отделения этнографии императорского Русского географического общества (ИРГО). Историк-славист В.И. Ламанский подготовил к показу снимков сопроводительную статью о народной одежде сербов и хорватов, но за неимением времени она не была прочитана⁷.

На заседании Совета ИРГО от 4 марта 1868 г. было зачитано письмо директора Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухова, в котором сообщалось о том, что Пятницкий составил альбом из 80 фотографических снимков и представил его императрице Марии Александровне, которая приняла это издание под свое особое покровительство. Стремоухов предлагал Обществу приобрести экземпляр альбома для своей библиотеки: «Цена альбому из восьмидесяти фотографий, в большой лист, назначена сто руб. В случае заказа г. Пятницкому Азиатский департамент изъявляет готовность принять на себя посредничество»⁸. На заседании было решено приобрести экземпляр сборника. Альбом был награжден медалью ИРГО «За полезные труды»⁹.

Неясно, когда П.П. Пятницкий вступил в ряды Славянского комитета. Его имя присутствует в списках членов отделения в Петербурге, начиная с его основания в 1869 г.¹⁰ На одном из заседаний, 6 апреля 1869 г., было доложено о желании П.П. Пятницкого жертвовать в основной капитал комитета 20 % с продажной цены каждого экземпляра издаваемого им «Сборника рисунков славянских достопримечательностей в Боснии и Герцеговине» и решено оказывать содействие в распространении этого альбома¹¹.

В № 18 «Современной летописи» за 1869 г. был опубликован отрывок из отчета заседания Московского славянского благотворительного комитета от 11 мая текущего года. В нем сообщалось, что было читано письмо

⁶ Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. К 125-летию Сербо-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. М., 2002. С. 65–67.

⁷ Известия Императорского Русского географического общества. 1867. Т. III. СПб., 1868. С. 190.

⁸ Известия Императорского Русского географического общества. 1868. Т. IV. СПб., 1869. С. 26–27.

⁹ Самохвалова Н. Указ. соч.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 400. Оп. 1. Д. 1. Л. 68, 192 об.

¹¹ Там же. Л. 6.

П.П. Пятницкого, который два года путешествовал по Европейской Турции и составил обширное собрание фотографических снимков типов славян и древностей. Говорилось также, что Пятницкий намеревается издать сборник из 50 снимков и поднести его в подарок императрице Марии Александровне. Упоминалось и о желании автора перечислять в Славянский комитет 20 % от средств, вырученных за продажу сборника¹².

Видимо, Пятницкий намеревался осуществить усеченное переиздание своего альбома или же опубликовать снимки, которые не вошли в первый его вариант. В финансовых отчетах Петербургского отделения Славянского комитета указано, что на 12 мая 1869 г. от частных благотворителей поступило 70 руб. на издание альбома¹³; в 1870 г. — еще 20 руб.¹⁴. Неизвестно, были ли переданы эти средства Пятницкому, так как, согласно отчетам, до 1874 г. эта сумма все еще хранилась в казне комитета¹⁵. Скорее всего новое издание сборника осуществить не удалось.

В фондах Государственной публичной исторической библиотеки России (Москва) и в Славянском фонде библиотеки РАН (Санкт-Петербург) хранятся альбомы Пятницкого в том варианте, который был представлен на заседании ИРГО¹⁶. На первой странице сборника — дарственная надпись: «Ея императорскому величеству государыне императрице Марии Александровне. Усерднейшее подношение верноподданного Петра Пятницкого. 1 января 1868 года». Каждый снимок сопровождается короткой разъяснительной подписью автора альбома.

Анализ фотографического материала позволяет воссоздать маршрут саратовского фотографа-энтузиаста.

1. Территории, на которых проживало банянокое племя. Это земли между городами Никшич и Билеча на юго-востоке Герцеговины¹⁷.
2. Герцеговинский монастырь Кассиерово, который располагался на берегу реки Требишница. Уникальность снимков заключается в том, что монастыря там больше нет — в 1966 г. он был перенесен в черногорский город Петровичи. Земли, где он располагался ранее, были затоплены водохранилищем Гранчево.
3. Монастырь Дужи, расположенный в Восточной Герцеговине, в окрестностях города Требинье, и Шумское село.
4. Герцеговинский монастырь Добричево недалеко от города Билеча¹⁸.

¹² Современная летопись. 1869. № 19. С. 14–15.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 об.

¹⁴ Там же. Л. 59 об.

¹⁵ Там же. Л. 126, 181 об.

¹⁶ Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого.

¹⁷ Сейчас эти земли частично находятся в составе Черногории.

¹⁸ Ныне — село Орах в Боснии и Герцеговине.

5. Герцеговинский монастырь Пива¹⁹.
6. Монастырь Житомыслич, расположенный в центральной части Герцеговины, в селе Житомысличи, недалеко от Мостара.
7. Сараево.
8. Боснийская Крайна.

Стоит только догадываться, как трудно было осуществить это путешествие. Техника походной фотографии того времени — дело далеко не простое. Портативных аппаратов и пленки еще не изобрели (они появились только в конце 1870-х годов). Камера Пятницкого была достаточно громоздкой, кроме того ему приходилось возить с собой тяжелый треножник, специальные покрывала для портретных съемок на улице, целую походную лабораторию с реактивами, чтобы готовить стеклянные пластины для снимков. Все эти материалы были весьма дорогостоящими. Пластины большого размера отличались хрупкостью, довести и сохранить их было невероятно сложно, каждую необходимо было упаковывать в отдельные ящики. Историки фотографии отмечают, что груз походного фотографа того времени исчислялся несколькими пудами — т.е. это были десятки килограммов²⁰. Ландшафты можно было снимать только общим планом — это считалось «высшим пилотажем» фотографического искусства. Было невероятно сложно получить четкое изображение. Малейшее дуновение ветерка могло испортить все многочасовые труды фотографа. То, что Пятницкий проделал невероятно трудный и небезопасный путь по боснийскому бездорожью, по «диким» местам османской глубинки, сделал и сумел доставить в Россию 80 фотографических снимков, — настоящее чудо.

Известный отечественный искусствовед, историк и теоретик фотоискусства С.А. Морозов высоко оценил творчество П.П. Пятницкого: «Фотограф показал себя вдумчивым этнографом. Каждый снимок — точный документ и в то же время сильный образ»²¹. Кроме того, Пятницкий считается первым, кто запечатлел на камеру балканскую кубовидную архитектуру с черепичной прямой кровлей и церкви без куполов. Технически им безукоризненно были переданы орнаменты и резьба внутренних украшений зданий. Виды архитектурных памятников на его фотографиях хорошо связаны с горным лесным ландшафтом, который не сливается в одно пятно, что можно часто видеть на снимках того времени²².

Ценность собранных Пятницким материалов очень велика. Благодаря русскому фотографу есть возможность увидеть облик герцеговинских монастырей, которые были главными центрами повстанческой деятельности в регионе.

¹⁹ Ныне в Черногории, недалеко от города Плузине.

²⁰ Морозов С. Русские путешественники-фотографы. М., 1953. С. 20.

²¹ Там же. С. 13.

²² Там же. С. 14.

Впечатляет серия фотографий представителей воинственного банянского племени. Баняне — жители Восточной Герцеговины²³. На протяжении всей истории они оказывали активное сопротивление туркам, принимали участие в восстаниях 1852–1862 и 1875–1878 гг. Одним из центров сбора старост банян служил монастырь Кассиерово, снимок которого присутствует в альбоме Пятницкого.

Монастырь Пива был главным местом для племени пивлян. Русский фотограф запечатлел облик воеводы, возглавившего один из отрядов в борьбе против турок в 1875 г., священника монастыря Пивы Жарко Лешевича.

Попал в объектив Пятницкого еще один вождь герцеговинского восстания 1875 г., архимандрит монастыря Дужи Мелентий Перович (1835–1887).

Среди снимков, сделанных Пятницким в Сараеве, есть фотография «священника Саввы, учителя сараевской школы». Этот человек — будущий дабробосанский митрополит Савва Косанович (1839–1903). Снимок молодого Косановича больше нигде не встречается.

Наряду с христианами, в альбоме имеют место и мусульманские образы: дервиш, османли (османский чиновник), бимбаши, юзбаши²⁴, турецкая девушка, араб-босняк, турок-босняк, турки-селяки в Герцеговине. Присутствует и снимок католического священника в национальном боснийском костюме. Интересна серия фотографий жителей Боснийской Краины.

«Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого», несомненно, является важным и исключительно интересным источником, позволяющим представить, как выглядели сельские жители, горожане, торговцы, священнослужители Боснии и Герцеговины в далекие 1860-е годы. Отсутствие цвета на фотографиях компенсируется детальными описаниями элементов костюма, сделанными автором альбома.

Пятницкий сохранил для нас образы лидеров крупнейшего восстания против турецкого владычества. Примечательно, что в русской прессе 1875–1878 гг., которая уделяла большое внимание событиям на Балканах, нет этих снимков, а встречаются лишь рисунки с изображением боснийских и герцеговинских вождей. Видимо, деятели Славянского комитета забыли о труде фотографа.

После поездки в Боснийский вилайет П.П. Пятницкий благополучно вернулся в родной Саратов. Впоследствии он зарекомендовал себя как активный земский и общественный деятель — был депутатом Саратовского дворянского собрания, членом губернского статистического комитета и Саратовского речного яхт-клуба²⁵. К сожалению, 25 февраля 1882 г. талантливый фотограф скоропостижно скончался в возрасте 49 лет.

²³ С 1878 г. эти земли находятся в составе Черногории.

²⁴ Турецкие офицерские звания. Бимбаши («Бим-баша» у Пятницкого) — командующий 1000 солдат. Юзбаши («Юс-баша» у Пятницкого) — командующий 100 солдат.

²⁵ *Самохвалова Н.* Указ. соч.

Мы прилагаем список фотографических снимков, представленных в сборнике П.П. Пятницкого, с оригинальными подписями из альбома²⁶.

ФОТО	ОПИСАНИЕ
1	Герцеговина. Монастырь Кассиерово. Общий вид монастыря, построенного народом Банянского племени во времена Неманичей XII столетия
2	Монастырь Кассиерово. Церковь, весьма оригинальной архитектуры, от древности приходящая уже в ветхость и стенная живопись совершенно уничтожилась. Колокольня пристроена в 1864 году
3	Монастырь Кассиерово. Церковные вещи: кадило (кадильница), блюдо для освящения хлебов (пятихлебница), деревянный крест, отделанный серебром в Сараеве, Панагия серебряная складная с изображением 12-ти праздников, работа Банянского мастера XVII ст.
4	Монастырь Кассиерово. Церковные вещи: Евангелие, обложенное серебром в позднейшее время; потир, крест, мощехранительница с мощами архидиакона Стефана и животворящим древом. Священнический пояс кожаный с серебряными украшениями
5	Группа монахов с игуменом монастыря Кассиерово
6	Герцеговина. Учитель и ученик Банянской школы Кассиеровского монастыря
7	Герцеговина. Селяки Банянского племени
8	Герцеговина. Женщина и девушка Банянского племени
9	Герцеговина. Сельский дом Банянского племени, села Реповича
10	Герцеговина. Селяки Банянского племени. Одежда Баняян отличается от общей герцеговинской только серебряною кованною отделкою на передней части куртки и шапкою (черногорской), малинового цвета с черным шелковым околышем и черногорским гербом. Баняне, как племя, не признающее турецкой власти, не носят фесок
11	Герцеговина. Группа Селяков Банянского племени
12	Герцеговина. Селяки Банянского племени
13	Герцеговина. Монастырь Дужи. Общий вид монастыря, построенного после разрушения монастыря Твердош, находящегося в Требинском округе в Шумах, между горами Илиною и Влащицею
14	Монастырь Дужи. Церковь построена во время Успения Пр. Богородицы в 1861 году. Церковь очень бедна; образа новейшей живописи
15	Монастырь Дужи. Церковные вещи. Потир, блюдо для освящения хлебов (пятихлебница), дарохранительница и мощехранительница с мощами и животворящим древом. Вещи перенесены из монастыря Твердош. Работы Сараевской XVI столетия

²⁶ Пунктуация и орфография автора альбома сохранены.

16	Мелентий Перович, игумен Дужского монастыря
17	Герцеговина. Селяк-староста (кнез), шумского села, в праздничной сельской одежде
18	Герцеговина. Селячки шумского племени, Требинского округа, в праздничной одежде
19	Герцеговина. Вид села, близ монастыря Житомыслич
20	Герцеговина. Монастырь Житомыслич. Общий вид монастыря, построенного во 2-й половине XVI столетия Милославом Милорадовичем, известным в летописях под именем «Храбрени»
21	Монастырь Житомыслич. Образ Иоанна Крестителя с изображениями всей его жизни
22	Монастырь Житомыслич. Стенная фреска, изображающая основателя монастыря Милослава Милорадовича, держащего в правой руке Церковь, в левой посох. Над головою надпись: «Милисов, Спахия»
23	Монастырь Житомыслич. Образ: Распятие Спасителя с положением во гроб. От ветхости образ во многих местах треснул
24	Монастырь Житомыслич. Аналой (налоня) семигранный деревянный с перламутровой и слоновью кости инкрустацией. На верхнем медном обруче из надписи видно, что работан в Сараеве в ЗЭСД (так в тексте. — К. М.) году
25	Монастырь Житомыслич. Ковчег (дарохранительница) серебряный в виде церкви с кипарисными в окнах изображениями Ликов Святых
26	Монастырь Житомыслич. Церковь, сооружена во второй половине XVI столетия во имя Благовещения Пр. Богородицы, с пристроенною в позднейшее время деревянною колокольнею
27	Монастырь Житомыслич. Монашеские кельи. Доска (клепало), привешенная на цепях, заменяла колокола, когда не дозволялось их иметь христианам при церквях
28	Монастырь Житомыслич. Церковные вещи: Лампады серебряные филограновой работы с изображением Св. ликов; мощехранительница серебряная чеканной работы; блюдо для освящения хлебов (пятихлебница) с тремя чашами. Работано в Сараеве XVI столетия
29	Монастырь Житомыслич. Кресты, кипарисного дерева, обложенные позолоченным серебром с камнями. Работано в Сараеве в XVI столетии
30	Монастырь Житомыслич. Церковные вещи: Кадило (кадильница) серебряное, крышка которого изображает пять церковных глав с крестами. Из надписи видно, что «кадило раба Божия Джуря Храбрени». 2 Лампады филограновой работы
31	Монастырь Житомыслич. Верхняя и нижняя сторона оклада Евангелия, печатанного в Москве при царе Алексее Михайловиче в 1661 году. Обложено по бархату серебром с позолотою и камнями в Сараеве монахом Висарионом

32	Монастырь Житомыслич. Церковное блюдо XV столетия, с изображением Адама и Евы, с надписью во круг
33	Монастырь Житомыслич. Стойка (столица), употребляемая в церквях для молящихся, с подъемною скамьею, для сидения
34	Монастырь Житомыслич. Иконостас голубого цвета с резьбою позолоченною и частью окрашенною красной краской. Царские врата резные, малого размера. Местные образа старинной живописи и от ветхости с едва заметными изображениями
35	Герцеговина. Сельский священник — монах (калуджер) монастыря Житомыслич, отправляющийся с требою
36	Герцеговина. Монастырь Пивы. Общий вид монастыря, построенного при источнике Пивы в 1563 г. пивским патриархом Петром
37	Монастырь Пивы. Церковь оригинальной архитектуры, очень большая, все стены исписаны фрескою, весьма хорошо сохранившейся. По одной стороне входных дверей портрет основателя патриарха Петра, с другой стороны брата его, Пивского паши (мусульманина)
38	Монастырь Пивы. Церковные вещи: два Евангелия, кресты и образки, работы пивских монахов в XV ст.
39	Монастырь Пивы. Церковные вещи: Евангелие серебряное вызолоченное, работы пивского мастера села Драмешина XV ст.; ковчег (дарохранительница) работы бывшего монаха Феодосия, XV ст.; кадило на цепях, употреблявшееся в большие праздники, и кадило с плоскою ручкою, работы пивского монаха
40	Монастырь Пивы. Фреска. Образ св. Георгия
41	Монастырь Пивы. Фреска. Образ св. Симона Мироточивого
42	Монастырь Пивы. Часть стеной живописи в алтарной нише: св. Николай, св. Афанасий, Григорий Армянский
43	Монастырь Пивы. Церковные входные двери, местной работы, инкрустированные из различного дерева, кости и перламутра. Над дверями фреска — образ Спасителя
44	Монастырь Пивы. Образ Божьей Матери. Стенная живопись в куполе над алтарем, заменяющая запрестольный образ
45	Монастырь Пивы. Священник и воевода Жарко
46	Группа монахов и игумен Пивского монастыря
47	Герцеговина. Селяк и Селячка. Пивского племени
48	Герцеговина. Сотник — Юс Баша-Пивлянин
49	Герцеговина. Сельский священник и селяки Пивского племени
50	Герцеговина. Монастырь Добричево. Общий вид монастыря, находящегося на реке Требишнице, построенного во времена Неманичей XII ст., что видно и по церковной живописи. Церковь сооружена во имя Введения во храм Пр. Богородицы

51	Монастырь Добричево. Образ Богородицы, писанный в Сараеве XVII столетия
52	Монастырь Добричево. Церковные вещи: запрестольный образ перламутровый резной; верхняя часть обломана во время нападения турок; кадило XVII ст. Сараевской работы; Омофор архиерейский малинового бархата с серебряными украшениями, священнические пояса с золотой отделкой, серебряная мощехранительница с мощами: рука архидиакона Стефана в бархатной перчатке (рукавице) с золотым нарукавником.
53	Герцеговина. Селячки. Общий костюм замужних женщин и девушек не имеет особенного различия, исключая фесок, которые девушки носят гораздо выше, и большею отделкою кафтанов пестрою шерстью и жетонами. На руках девушки колец не носят
54	Герцеговина. Селяки и селячка. Общая мужеская одежда состоит из куртки темного цвета с малиновою отделкою, подкуртник красный с золотом; шаровары темно-синие. Кожаный кушак (подпашан) для оружия, красный. На ногах пестрые чулки (чарапы) и плетеные из кожи башмаки (опанки). На голове фес малиновый с черной кистью (китою), зимою обвивается красною шалью. Женская одежда: белый суконный кафтан с отделкою на груди из пестрой шерсти. Шерстяной пестрый фартук; на шее несколько ниток с серебряными жетонами, а на голове феска с монетами, покрытая белым полотном
55	Турки-селяки в Герцеговине
56	Герцеговина. Стреляющий из-за камня, изображает общепринятый способ стрельбы во время войны, когда, скрываясь за камнями, кладут феску у ног и тем обманывают стреляющих в них
57	Герцеговина. Домашняя посуда. Деревянная резная тумба вышиною в 12 вершк[ов], на которую кладется большой поднос (тевсия), находящийся на заднем плане картины — заменяет стол. Посуда вся металлическая, луженая с чернью, салфетка общая — всегда пестрая, называется затрапезная, ложки (кашика) деревянные с оловянною насечкою. Фарфоровый сосуд — заздравный кубок (чаша с поклонцом), маленькие чашки с серебряными подставками филограновой работы (финжаны), в которых пьют кофе, кувшин с тазом (имбрик) для умывания рук
58	Герцеговина. Оружие. Собрание сербского оружия, употребляемого во всех племенах, с весьма красивою отделкою из серебра и перламутра
59	Босния. Девуца-горожанка (12-ти лет)
60	Босния. Девуца-горожанка (18-ти лет)
61	Босния. Горожанин-старик, в общем гражданском боснийском костюме
62	Босния. Горожанин-босняк, в купеческом костюме
63	Босния. Священник Савва, учитель сараевской школы

64	Босния. Образ на мраморе весьма древний; сохраняющийся в семье старинного сербского рода в Сараеве. Живопись итальянская, изображающая Поклонение Волхвов
65	Босния. Народный певец-бандурист, известен в Боснии как народный композитор-певец
66	Босния. Молодая женщина-горожанка, в праздничном парадном костюме
67	Босния. Старуха с прялкой
68	Босния. Католический священник, в национальном боснийском костюме
69	Молодая девушка боснийской Крайны
70	Замужняя женщина боснийской Крайны
71	Горожанин боснийской Крайны
72	Селяк-босняк
73	Селяк-босняк
74	Замужняя женщина-селячка в Боснии
75	Бим-баша — турецкий офицер
76	Турок-османлия в Боснии
77	Араб-босняк
78	Турецкая девушка
79	Турок-босняк
80	Дервиш — турецкий монах

Литература

1. *Власова З.И.* Новое о А.Ф. Гильфердинге (к 160-летию со дня рождения) // Советская этнография. 1991. № 1.
2. *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Т. XXIII. Отд. II.
3. *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. М., 1859.
4. Известия Императорского Русского географического общества. 1868. Т. IV. СПб., 1869.
5. *Морозов С.* Русские путешественники-фотографы. М.: Государственное издательство географической литературы, 1953.
6. *Самохвалова Н.* Жил-был фотограф один // Газета недели в Саратове № 1. 15.01.2013.
7. Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1867.

8. *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. К 125-летию Сербо-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. М.: Индрик, 2002.

References

1. Hilferding A.F., 1858. Bosnia v nachale 1858 goda. *Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, Saint Petersburg, 1858, XXIII, II.
2. Hilferding A.F., 1859. Bosnia, Gertsegovina i Staraiia Serbiia. Moscow, 1859.
3. *Izvestiia Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1868, IV. Saint Petersburg, 1869.
4. Morozov S., 1953. *Russkie puteshestvenniki-fotografy*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury.
5. Samokhvalova N., 2013. Zhil-byl fotograf odin. *Gazeta nedeli v Saratove № 1*, 15.01.2013.
6. Pyatnitsky P., 1867. Fotograficheskii sbornik tserkovnykh drevnostei i tipov slavian Evropeiskoi Turtsii. Gertsegovina i Bosnia 1867 goda. Saint Petersburg: Tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za".
7. Shemyakin A.L., 2002. *Smert' grafa Vronskogo. K 125-letiiu Serbo-turetskoi voiny 1876 g. i uchastiia v nei russkikh dobrovol'tsev*. Moscow: Indrik.
8. Vlasova Z.I., 1991. Novoe o A.F. Gil'ferdinge (k 160-letiiu so dnia rozhdeniia). *Sovetskaia etnografiia*, 1.

**К ВОПРОСУ О ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВАХ В ЦЕТИНЕ
И ПРОВОЗГЛАШЕНИИ ЧЕРНОГОРИИ КОРОЛЕВСТВОМ
В АВГУСТЕ 1910 Г.
(ПО ДОНЕСЕНИЯМ РОССИЙСКОГО ДИПЛОМАТА
С.В. АРСЕНЬЕВА)**

**Наталья Григорьевна
Струнина-Бородина –**

младший научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва.
strun-topolino@yandex.ru

Аннотация

В 1910 г. на Балканах появилось новое Королевство — Черногория. Это знаменательное событие праздновалось весьма пышно, оно было приурочено к 50-летию правления в стране Николы Петровича-Негоша. По этому случаю черногорский правитель был удостоен назначения его фельдмаршалом российской армии. В то же время новоиспеченный король вел тайную от Петербурга политику по поддержке албанского восстания с целью присоединения соседних албанских территорий к Черногории. Россия в лице русских дипломатов в Цетине старалась этому препятствовать и «корректировать» внешнеполитический курс правящей черногорской элиты.

Ключевые слова

Черногория, Российская империя, русско-черногорские отношения в конце XIX — начале XX вв., король Никола I Петрович-Негош, российский дипломат С.В. Арсеньев.

**ON THE JUBILEE CELEBRATIONS IN CETINJE
AND PROCLAMATION OF THE KINGDOM OF MONTENEGRO
IN 1910
(BASED ON THE REPORTS OF THE RUSSIAN DIPLOMAT
SERGEY ARSENYEV)**

Natalia G. Strunina-Borodina –

Junior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
strun-topolino@yandex.ru

Abstract

In 1910, a new kingdom appeared in the Balkans — Montenegro. This significant event was celebrated luxuriantly; it was timed to coincide with the fiftieth anniversary of the reign of Nikola Petrovich-Negosh. Russia, a long-time patron of this Balkan country, awarded the Montenegrin ruler with the highest rank of a Field-Marshal of the Russian Army. However, the newly-made king wanted to gratify his country with new territories. In secret from Saint Petersburg, he was supporting the Albanian revolt in order to add neighboring Albanian territories to Montenegro. Russian diplomats in Cetinje tried to prevent this and exercise influence on King's foreign policy.

Keywords

Montenegro, Russian Empire, Russian- Montenegrin relations in the late nineteenth — early twentieth century, King Nikola I Petrovich-Negosh, Grand Duke Nikolas Nikolaevich-Junior, Russian subsidies to Montenegro, Russian diplomat Sergey Arsenyev.

1910-й год в истории Черногории — знаменательная дата: эта небольшая балканская страна стала Королевством. Событие было приурочено к 50-летию юбилею правления Николы Петровича-Негоша (1841–1921) и праздновалось с большим размахом и очень пышно.

Черногорский князь (с 1910 г. — король) Никола — деятель, который, бесспорно, заслуживает глубокого исследования¹. Вступив на черногорский престол в 1860 г. 19-летним юношей, он возглавлял страну без малого 60 лет. Именно при нем Черногория получила международное признание своей независимости и из «кучки камней» превратилась в маленькое европейское королевство — естественно, не без помощи России. За время правления Николы Петровича-Негоша на российском престоле сменилось три императора, с каждым из которых черногорский монарх был в хороших, дружеских отношениях и регулярно получал «с высочайшего повеления» значительную материальную помощь. При Александре II княжеству, помимо прочего, также была оказана поддержка в открытии так необходимых стране учебных заведений, для чего была выделена специальная субсидия и направлен преподавательский состав². Александр III, наряду с регулярными финансовыми дотациями, поставил черногорскую династию Петровичей-Негошей на один уровень с именитыми династиями Европы, устроив бракосочетания дочерей Николы со своими двоюродными братьями (напомним, что после браков Петровичей с Романовыми и династия Савойских заключила династический брак с Петровичами-Негошами). Таким образом, была признана равнородность* черногорской династии. Во время своего правления Николай II почти в 10 раз увеличил субсидию Черногории, сумма которой лишь на военные расходы перед Первой мировой войной была близка к миллиону рублей³.

¹ Личность черногорского правителя исследовали в своих трудах отечественные специалисты — акад. Ю.А. Писарев, Н.И. Хитрова, В.Б. Хлебникова. См., напр.: *Писарев Ю.А. Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош // Новая и новейшая история. 1991. № 6; Хитрова Н.И. Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1, 2. М., 1993; Хлебникова В.Б. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016.*

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 146 (Славянский стол). Оп. 495. Д. 9074. Л. 13–13 об. (Фактические данные о Мариинском женском институте в г. Цетинье); Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 669 (Великая княгиня Милица Николаевна). Оп. 1. Д. 98 [Учебный план (программа) школы для девочек в Цетинье (Черногория) на сербском языке, типографический экземпляр. 1880]. Л. 1–6.

* Термин «равнородность» мы заимствуем у Л.В. Кузьмичевой. См.: *Кузьмичева Л.В. Балканские принцессы в семье европейских монархов (к вопросу о признании равнородности черногорской и сербской династий) // Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX — середина XX вв.). СПб., 2007. С. 342–373.*

³ АВП РИ. Ф. 146. Оп. 495. Д. 9152 — Черногория. Пособие от русского правительства. Л. 169–173 — Об установлении денежной субсидии Черногории. Извлечение из рукописи П.А. Ровинского. 1908 г.

Контроль за расходом русской субсидии, а также «корректировка» внешнеполитического курса черногорского правителя были возложены на русских посланников в Черногории. В 1910–1912 гг. им был С.В. Арсеньев.

На время службы в Черногории Арсеньева пришлось важные события: из Княжества она превратилась в Королевство; черногорский монарх Никола пытался развязать военные действия с турками с целью присоединения к своей стране некоторых албанских территорий, которые в тот период являлись частью Османской империи; российское правительство настояло на заключении военной конвенции с Черногорией для контроля ее действий и расходования русских субсидий; начало Первой Балканской войны.

Документы, характеризующие события этого непростого и очень интересного периода истории Черногории и русско-черногорских отношений, свидетелем и участником которых являлся Арсеньев, сохранились в его личном фонде в Архиве внешней политики Российской империи⁴. Ряд из них, относящиеся ко времени провозглашения Черногории Королевством и связанных с этим торжеств в черногорской столице Цетине, проливают свет на обратную сторону празднеств, в том числе политическую подоплеку их подготовки. Именно поэтому они очень важны для исследования российско-черногорских контактов накануне Балканских войн 1912–1913 гг. и Первой мировой войны.

* * *

Сергей Васильевич Арсеньев, представитель старинного дворянского рода Арсеньевых⁵, родился 1 апреля 1854 г. в семье Василия Сергеевича Арсеньева (1829–1915) и Наталии Юрьевны Долгорукой (1830–1902). После окончания 1-й московской гимназии (1872 г.), Лицея цесаревича Николая (1874 г.) и университетского курса в Лицее (1877 г.) он получил степень кандидата прав и поступил на службу в лейб-гвардию Преображенского полка (до 1878 г.). В 1880 г. окончил Санкт-Петербургский археологический институт с серебряной медалью. В 1882 г. стал членом-учредителем Императорского Православного Палестинского общества, а в 1892 г. был избран его почетным членом. Дипломатическая карьера Сергея Васильевича развивалась стремительно: в 1880 г. он стал первым секретарем генерального консульства Российской империи в Восточной Румелии; через

Также см.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960; *Jovanović R.* Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // *Le Montenegro dans les relations internationales.* Titograd, 1984. P. 15–55; *Хитрова Н.* Предисловие // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Т. I. Подгорица; М., 2003. С. 15–25; *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1. М., 1993. С. 111–125; *Бобовић-Распоповић С.* Руски утицај на културно-просветну политику династије Петровић-Његош // *Династија Петровић-Његош.* Т. II. Подгорица, 2002. С. 407–412.

⁴ АВП РИ. Ф. 340 (Личные фонды). Оп. 854 (Личный архив С.В. Арсеньева).

⁵ *Арсеньев В.С.* Род дворян Арсеньевых 1389–1901 гг. М., 1901.

год, в 1881 г., — поверенным в делах в Румелии; в 1882 г. — первым секретарем дипломатического агентства в Болгарии, в 1882–1883 гг. — там же поверенным в делах; в 1883–1886 гг. Арсеньев занимал пост второго секретаря посольства в Берлине; в 1886–1891 гг. — первого секретаря миссии в Швеции, в 1888–1891 гг. — там же поверенного в делах; в 1891–1897 гг. — генерального консула в Иерусалиме; в 1897–1900 гг. Сергей Васильевич был генеральным консулом в Стокгольме; в 1900–1910 гг. — министром-резидентом при дворе великого герцога Ольденбургского и Сенате вольных ганзеатических городов Гамбурга и Любека; и, наконец, в 1910 г. он был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром в Черногории (до 1912 г.). В 1912–1914 гг. ту же должность Арсеньев занимал при дворе короля Норвегии⁶.

Сергей Васильевич состоял на дипломатической службе вплоть до Февральской революции 1917 г., а с ноября 1919 г. работал в Румянцевском музее помощником заведующего отделом славяноведения. Он скончался в 1922 г. в Москве в возрасте 68 лет.

* * *

На торжества, связанные с провозглашением Черногории Королевством, в Цетине в августе 1910 г. прибыли многие именитые гости, главы государств или их представители. От России это были великие князья Николай Николаевич (1856–1929) и Петр Николаевич (1864–1931) Романовы.

Внуки императора Николая I (1796–1855), племянники Александра II (1818–1881), кузены Александра III (1845–1894) и двоюродные дяди Николая II (1868–1918), они родились в семье участника Крымской войны и впоследствии главнокомандующего российскими войсками в последней русско-турецкой войне 1877–1878 гг., великого князя Николая Николаевича-старшего (1831–1891) и великой княгини Александры Петровны (1838–1900).

Великий князь Николай Николаевич-младший, энергичный и решительный, сделал удачную военную карьеру, апогеем которой явился пост верховного главнокомандующего российской армии в годы Первой мировой войны. Уже при жизни о нем писали труды его современники⁷. Его младший брат Петр Николаевич не был столь яркой личностью. Он не добился особых успехов на военной стезе, как по причине слабого здоровья, так и потому, что его больше интересовала архитектура⁸. Петр Николаевич занимался инженерным делом, а в годы Первой мировой войны исполнял должность генерал-инспектора инженерных войск. Жены родных братьев Николая и Петра Николаевичей были также родными сестрами — Милица

⁶ Арсеньев В.С. Род дворян Арсеньевых 1389–1901 гг. С. 91–93.

⁷ Сухомлинов В.А. Великий князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1925; Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.

⁸ Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь, 2004.

(1866–1951) и Анастасия (Стана) Николаевна (1868–1935), дочери черногорского правителя Николы Петровича-Негоша. Их будущее изначально планировалось связать с Россией, поэтому в раннем возрасте они были отправлены из Черногории в Петербург для получения образования в Смольном институте благородных девиц⁹.

Разумеется, семьи великих князей были дорогими и желанными гостями на августовских торжествах 1910 г. в Цетине.

Петр и Милица Романовы прибыли в столицу Черногории заранее и, можно сказать, неофициально, так как на Петре Николаевиче, в отличие от его старшего брата, не лежало миссии представлять российского императора.

Торжества по случаю 50-летия правления Николы Петровича и провозглашения Черногории Королевством были назначены на 15 августа (по старому стилю). К этому дню в Цетине приехали и другие именитые гости: итальянский король Виктор-Эммануил III и его супруга Елена, дочь Николы Петровича; его внук, сербский престолонаследник Александр Карагеоргиевич; болгарский король Фердинанд. Греческий королевич Константин прибыл в Антивари во главе эскадры из четырех кораблей чуть позднее, 18 (31) августа¹⁰.

В связи со знаменательным событием император Николай II удостоил новоиспеченного короля Николу огромной чести, назначив его фельдмаршалом российской армии. Однако поздравительная телеграмма и соответствующий приказ задержались в пути и не успели к началу торжеств. Но так как об этом назначении было уже известно великому князю Петру Николаевичу, он настоял, чтобы российский посланник в Цетине Арсеньев оповестил о нем Николу Петровича, что и было им исполнено 16 (29) августа на фамильном завтраке в королевском дворце, куда вместе с великокняжескими семьями был приглашен и Сергей Васильевич. Как впоследствии он докладывал в Петербург, король был заметно взволнован — прослезился, обнял российского представителя и сказал, что «никакое известие не могло бы его так глубоко обрадовать и что преданность его и черногорского народа его императорскому величеству безгранична»¹¹. Поздравительная телеграмма была получена 17 (30) августа, в третий день праздничных торжеств, и зачитана королем вслух перед народом во время военного парада. «Восторг войск и народа при этой вести не поддается описанию»¹², — сообщал Арсеньев в своем донесении в МИД. В тот же день отмечалась «золотая свадьба» короля Николы и его супруги Милены.

⁹ Струнина Н.Г. Никола Петрович-Негош и его дочери — русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России. М., 2011. С 174–238; она же. Милица Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы: от черногорских княжон до великих княгинь при дворе Николая II // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2013. С. 36–42.

¹⁰ АВР РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 43.

¹¹ Там же. Л. 51.

¹² Там же. Л. 50.

Для вручения фельдмаршальского жезла от имени Николая II и как его официальный представитель в Черногорию отправился великий князь Николай Николаевич с семейством.

Прибыв в порт Антивари 19 августа (1 сентября) во главе русской эскадры с супругой и ее детьми от первого брака* (князем Сергеем Георгиевичем и Еленой Георгиевной Ромáновскими)¹³, Николай Николаевич был встречен черногорским народом с невероятным энтузиазмом, а его «путь от Антивари до Цетинья был как бы триумфальным шествием», при этом не умолкали крики: «Живио русский царь, живио Россия»¹⁴. 21 августа (3 сентября), в присутствии всего дипломатического корпуса, русской эскадры и черногорских войск, Николай Николаевич исполнил свою миссию — торжественно вручил черногорскому королю фельдмаршальский жезл¹⁵.

На следующий день в честь великого князя Николая Николаевича был устроен званый обед, на котором, помимо великокняжеских семейств, присутствовал принц Франц-Иосиф Баттенбергский с супругой, члены русской императорской миссии в Цетине, начальник русской эскадры контр-адмирал Мальцев с командирами судов¹⁶.

Цетинские торжества, приезд великого князя Николая Николаевича в качестве представителя российского императора, реакция черногорского народа и вручение королю Николе фельдмаршальского жезла — всё это настолько поразило официальных представителей других европейских государств, что они стали, по словам Арсеньева, интерпретировать действия России в Черногории в новом ключе. Так, Австро-Венгрия считала теперь Черногорию «передовым послом России на Балканах»¹⁷.

* Первый брак Анастасии Николаевны был заключен в 1889 г. Ее мужем стал 38-летний вдовец Георгий Максимилианович Ромáновский, 6-й герцог Лейхтенбергский (1852–1912), сын великой княгини Марии Николаевны (1819–1876) и герцога Лейхтенбергского Максимилиана Богарнэ (1817–1852), внук императора Николая I. В 1852 г. он даровал потомкам своей дочери Марии Николаевны титул и фамилию светлейших князей Ромáновских. Позднее Александр II включил их в состав Российской Императорской фамилии. Таким образом, эта ветвь Императорского Дома носила две фамилии — герцогов Лейхтенбергских и князей Ромáновских.

В браке Анастасии и Георгия родилось двое детей: Сергей (1890–1974) и Елена (1892–1976). От первого брака у герцога был сын Александр (1881–1942). Сыновья Георгия Максимилиановича не оставили потомства, поэтому на них закончился род светлейших князей Ромáновских, герцогов Лейхтенбергских.

После развода с Георгием Максимилиановичем в 1906 г., Анастасия Николаевна в 1907 г. вновь вышла замуж — за его троюродного брата, великого князя Николая Николаевича-младшего.

¹³ Струнина Н.Г. Милица Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы: от черногорских княжон до великих княгинь. С. 36–42.

¹⁴ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 57–58.

¹⁵ Там же. Л. 54.

¹⁶ Там же. Л. 55.

¹⁷ Там же. Л. 58.

26 августа (8 сентября) состоялся отъезд высоких русских гостей из Цетине в Антивари на эскадру. На броненосце «Цесаревич» был дан торжественный завтрак для королевской семьи, а затем корабли снялись с якоря и направились в Фиуме, откуда великокняжеские семьи Петра и Николая Николаевичей инкогнито направились в Вену, о чем и доложил в МИД российский посланник¹⁸.

* * *

Пышные торжества значительно опустошили черногорскую казну, которая в основном пополнялась за счет русских субсидий. Их сумма с 82 тыс. руб. в 1904 г. увеличилась до 330 тыс. руб. в 1908 г. (а к началу Первой мировой войны была близка к миллиону рублей, без учета дополнительных ассигнований)¹⁹.

В обязанности российского посланника С.В. Арсеньева и его коллеги, русского военного агента в Черногории Н.М. Потапова входил не только контроль за расходованием субсидии, но также и «корректировка» внешнеполитического курса Княжества. Эти два направления дипломатической деятельности были связаны между собой.

Еще до юбилейных торжеств и провозглашения Черногории Королевством в Петербург стали поступать депеши о тайной политике черногорских властей в поддержку албанского освободительного движения против Турции и о их намерении присоединить Северо-Западную Албанию к своей территории. 25 апреля (8 мая) 1910 г. Потапов сообщал в Главное управление Генштаба, что уже больше года из Цетине албанцам внушается мысль «отдачи себя под власть Черногории», которая обещала сохранить им «всё, чем они пользовались донныне»²⁰.

До русских дипломатов Арсеньева и Потапова дошли сведения о тайных контактах черногорского правительства с албанскими вожаками, организованных военным министром Черногории М. Мартиновичем. «К нему господарь* направляет всех албанцев, ищущих у его королевского высочества аудиенции, — писал Потапов. — У военного министра на квартире происходили время от времени и тайные совещания с влиятельными арнаутами**». Приглашенных одаривали деньгами и оружием, пытаясь сделать из них доверенных агентов по пропаганде идеи добровольного присоеди-

¹⁸ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 55.

¹⁹ Справка Н.М. Потапова о необходимости денежных сумм на военные нужды Черногории на 1910–1912 гг. 4 (17) июля 1909 г. // Н.М. Потапов. Т. I. С. 380–381.

²⁰ Рапорт Н.М. Потапова в Главное управление Генерального штаба о намерениях Черногории присоединить Северо-западную Албанию и поддержке ею албанского освободительного движения. 25 апреля (8 мая) 1910 г. № 495. Цетинье // Там же. С. 425.

* Так черногорцы по традиции обращались к своему правителю.

** Арнауты — турецкое название албанцев, хотя изначально арнаутами называли православных албанцев, смешанных с греческим населением и говорящих на греческом языке.

нения Северо-Западной Албании к Черногории. Главными помощниками М. Мартиновича по связям с нужными лицами в Албании были, по данным Потапова, скутарийский паша Ибрагим-бей Соколович, получавший от черногорского правительства ежегодную субсидию в размере 3.000 крон, и его сын — с субсидией в 900 крон; в племени Кастрати — Мираш Люца, сын которого числился черногорским унтер-офицером и был в то время воспитанником цетинского военного училища; в племени Груда — Сокол Баца, живший в Подгорице; в племени Шаля — Люляш Паля и др. Все эти лица получали денежные пособия — для пропагандистской деятельности и на личные расходы²¹.

Позднее в Генеральном штабе стало известно и об агентах-черногорцах, которые засылались в албанские земли для проведения агитации среди местного населения в пользу присоединения этих территорий к Черногории.

Следует отметить, что такого рода контакты с албанцами поддерживались еще со времен владыки Петра II Негоша (1830–1851 гг.). Черногорский историк Никола П. Шкерович указывает на связи с некоторыми албанскими племенами [католические племена Груна (Груды), Хота (Хоти), Клементи и особенно племена малисоров]. Никола продолжал политическую линию Петра II Негоша и укреплял эти связи по разным направлениям. Так, албанские дети зачастую обучались в черногорских школах и военном училище²². Уже к 1900 г. на территории Албании и Старой Сербии функционировало 11 школ, на содержание которых отпускались средства из черногорской казны (3,5 тыс. гульденов в год)²³.

Такого рода деятельность черногорского князя была направлена, с одной стороны, против «отуречивания» албанцев-мусульман, для которых преподавание в мусульманских религиозных школах велось на турецком языке, и, с другой, — против попыток Константинопольской патриархии «эллинизировать» православных албанцев²⁴. С черногорской стороны эти действия были попытками противостоять также итальянскому и австрийскому «усилению» в Албании. Растущее соперничество Италии и Австро-Венгрии за влияние в Албании выражалось как в стремлении к заключению контрактов на «пароходство», торговлю в ее приморской зоне, так и в открытии школ, содержавшихся на итальянские и австрийские средства²⁵.

²¹ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о неосновательности планов Черногории на присоединение албанских территорий ввиду враждебности к ней большей части племен. 26 апреля (9 мая) 1910 г. № 497. Цетинье // Там же. С. 426.

²² Шкеровић Н. Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964. С. 571.

²³ Хлебникова В.Б. Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // Славяноведение. 1997. №5. С. 42.

²⁴ См. подробнее: Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д. Краткая история Албании. М., 1965. С. 53–54.

²⁵ Министр иностранных дел Италии Томмазо Титтони (1855–1931) высказал по поводу Албании в итальянском парламенте 14 мая 1904 г. такое мнение: «Албания сама по себе не имеет Бог весть какого значения; всё ее значение заключается

Однако планы черногорской элиты по присоединению Северо-Западной Албании были весьма наивными. В Черногории считалось, что албанцев должна привлечь схожесть жизни и обычаев двух народов. Такие особенности черногорской государственности как племенное устройство, отсутствие больших податей и необходимости поставлять солдат для постоянной армии, разрешение всем гражданам иметь оружие у себя дома, близость правителя к народу (непосредственное участие князя Николы в решении различных вопросов внутренней жизни Княжества, публичные лекции для народа и традиционные беседы с простыми черногорцами у стен дворца²⁶) — действительно привлекали албанцев и были им весьма близки. Немаловажное значение имели и кровнородственные связи нескольких черногорских братств Риечской и Црмничской нахий с албанцами, а также наличие многочисленного сербского населения в пределах Печской (Ипекской), Дьяковской и Призренской нахий — на их «расположение» и рассчитывали черногорские власти. Духовенство вышеперечисленных областей, по сведениям Потапова, также получало денежные субсидии, ордена и подарки из Цетиня²⁷. И несмотря на то, что наиболее сильные из албанских племен — Люма, Пука, Мати и особенно Мирдита — были настроены против Княжества, агитационная деятельность в этом направлении продолжалась.

Для того, чтобы удержать Черногорию от активных акций в албанском вопросе [ситуация могла вылиться в военный конфликт Черногории и Турции, считавшей албанцев своим подданными; Россия не смогла бы остаться в стороне; а заинтересованность Австро-Венгрии с Италией в турецких (албанских) территориях была столь велика, что тоже могла привести к военным акциям²⁸], императорское правительство решило ускорить заключение с Княжеством военного договора, который связал бы Черногорию

в ее пристанях и побережье, привлечение которых в сторону Австрии или Италии означало бы неоспоримое преобладание одной из этих держав на Адриатическом море. Но этого, конечно, ни Австрия не может позволить Италии, ни Италия Австрии, и при стремлении одной из них к этой цели, другая была бы принуждена оказать ей сопротивление всеми возможными средствами» (см.: Албанская проблема и Сербия и Австро-Венгрия. СПб., 1913. С. 10). Так или иначе, но соперничество Италии и Австро-Венгрии за балканские земли продолжилось и после Первой мировой войны. Известно, что Албания входила в состав Итальянской монархии с апреля 1939 по осень 1943 г. // Албанская проблема и Сербия и Австро-Венгрия. С. 47–49; Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д. Краткая история Албании. С. 143–145.

²⁶ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. Пг., 1915. С. 51, 73.

²⁷ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о неосновательности планов Черногории на присоединение албанской территории ввиду враждебности к ней большей части племен. № 407. 26 апреля (9 мая) 1910 г. // Н.М. Потапов. С. 426.

²⁸ Искендеров П.А. Албания на пути к независимости (1908–1914 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914). М., 2017. С. 394–395.

руки²⁹. Разработкой военного соглашения российский МИД занимался летом 1910 г.³⁰

Тем временем осенью черногорско-турецкие отношения крайне обострились из-за потока беженцев в Черногорию из пограничных турецких областей. Причиной было издание Портой Закона об обязательной воинской повинности для всех османских подданных без различия вероисповеданий. Это вызвало недовольство албанских племен, в результате чего началось массовое бегство молодых призывников христианского вероисповедания из турецких земель на территорию новоиспеченного Королевства. Как докладывал в Петербург Арсеньев, перестрелки на черногорско-турецкой границе происходили примерно раз в неделю³¹. К началу октября османские власти опубликовали прокламацию к албанцам-беженцам, чтобы ускорить их возвращение в пределы Турции³².

Под нажимом России король Никола отправил для переговоров с турками, с целью урегулирования конфликта, генерал-майора Вукотича. Тем временем приток беженцев из турецких областей продолжался, и черногорский король, всё больше опасавшийся, что их содержание ляжет тяжелым бременем на черногорскую казну³³, стал искать альтернативные источники денег. В начале октября 1910 г. в Цетине был создан Центральный комитет для сбора пожертвований в пользу беженцев, который опубликовал в местных газетах воззвание к черногорцам, призывавшее помнить о «святом завете Петра Негоша — отворить врата свободы для всех ищущих ее», — докладывал в Петербург Арсеньев³⁴. Комитет призывал оказать материальную

²⁹ Рапорт Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о мерах по предотвращению вмешательства Черногории в события в Северной Албании. 6 (19) мая 1910 г. № 502. Цетинье // Там же. С. 437.

³⁰ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3 (Копии депеш в МИД С.В. Арсеньева, чрезвычайного посла и поверенного в Черногории с 29 марта 1910 г. по 7 июня 1912 г.). Л. 43–45. С.В. Арсеньев — С.Д. Сазонову 16 августа 1910 г. № 54; там же. Л. 46–47. С.В. Арсеньев — С.Д. Сазонову 18 августа 1910 г. № 55; там же. Л. 51–53. С.В. Арсеньев — С.Д. Сазонову 22 августа 1910 г. № 59; там же. Л. 53–55. С.В. Арсеньев — С.Д. Сазонову 27 августа 1910 г. № 60; там же. Л. 56–57. Речь его величества короля черногорского Николая I на обеде в честь его императорского высочества великого князя Николая Николаевича 22 августа 1910 г. (приложение к депеше).

³¹ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 64–66. С.В. Арсеньев — С.Д. Сазонову 21 сентября 1910 г. № 66; там же. Л. 68. С.В. Арсеньев — С.Д. Сазонову 28 сентября 1910 г. № 81 (телеграмма).

³² Суть прокламации сводилась к следующему: 1) беженцы будут судимы, так как они не повиновались правительству; 2) они должны повиноваться конституции и не поддаваться на провокации; 3) имущество тех, кто не вернется по истечении 10-дневного срока, будет конфисковано, а сами они будут подвергнуты военно-полевому суду; 4) земельные наделы беженцев будут сожжены; 5) если беженцы вернуться в течение 10 дней, даже если они являются зачинщиками, при условии, что будут доносить на других, они будут прощены // Там же. Л. 69–71. С.В. Арсеньев — С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 68.

³³ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3.

³⁴ Там же. Л. 72. С.В. Арсеньев — С.Д. Сазонову 2 октября 1910 г. № 69.

помощь и поддержку беженцам — кто чем может. Воззвание имело «отзывчивый отклик в самых широких слоях черногорского народа». Вскоре были открыты подкомитеты и в других городах Черногории. Во главе Центрального комитета встал бывший военный министр воевода Пламенац, а в числе наиболее деятельных его членов был бывший министр иностранных дел Гавро Вукович³⁵.

9 (22) октября 1910 г. Арсеньев в донесении министру иностранных дел России С.Д. Сазонову сообщал секретные сведения о положении дел в Скутарийском вилайете: «..можно ожидать новых волнений, т[ак] к[ак] католические албанцы положительно не считают возможным служить в турецких войсках. В городе Скутари распространился слух, что байрактар* Кастратского племени, подняв на своем доме в селе Кастраты красно-сине-белый (черногорский) флаг, сам ушел в Черногорию. Стремление перехода границы наблюдается в направлении от селения Тузы на юг и в настоящее время замечается уже в селении Риолы. В Скутари и окрестностях глухое брожение. Главная причина переселения — налог на овец и нежелание нести воинскую повинность. Привлекает к переселению также упорно распространяемый слух, что в Черногории беженцам дают оружие и по кроне в день»³⁶. Более того, в Подгорице поговаривали, что оружие придет из России — такие сведения Арсеньев получил от турецкого консула в Подгорице через посланника в Цетине («будто бы из России ожидается присылка 25.000 ружей для раздачи албанцам и что русские добровольцы вскоре придут в Черногорию»³⁷).

Русский посланник также выяснил, что албанский предводитель Исса Болатинац (или Болетин) скрывается в Цетине под охраной, так как «его голова оценена турками в две тысячи турецких лир»³⁸.

Турецкие власти пытались препятствовать албанской эмиграции, преследуя беженцев вплоть до черногорской границы, вследствие чего снова происходили перестрелки, о чем докладывал Арсеньев в Петербург 12 (25) октября 1910 г.³⁹. По его же рекомендации турецкий посланник в Цетине Садреддин-бей ходатайствовал перед Портой о предоставлении беженцам полной амнистии и об ускорении ее обнародования, а также о соз-

³⁵ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 71–74.

* Байрактар — начальник байрака, территориальной единицы. Байрактары были представителями турецкой власти в горах, занимались, в частности, вербовкой наемников в турецкую армию. Должность байрактара в XVII в. стала наследственной. Впоследствии байрактары стали проявлять большую самостоятельность, а в начале XX в. даже участвовать в борьбе против турок.

³⁶ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 76–77. Деша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 9 октября 1910 г. № 71.

³⁷ Там же. Л. 79–80. Телеграмма С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 18 октября 1910 г. № 90.

³⁸ Там же. Л. 78. Деша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 15 октября 1910 г. № 86.

³⁹ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 77–78. Деша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 12 октября 1910 г. № 84.

дании комиссии для установления правил перехода границы для жителей обеих стран, чтобы избежать пограничных перестрелок и урегулировать ситуацию в кратчайший срок.

Официальные действия Черногории выглядели весьма миролюбиво — король Никола вел успешные переговоры с Садреддин-беем относительно предоставления полной амнистии албанским беженцам, после чего турки немедленно приостановили сожжение домов беженцев⁴⁰.

Однако тайная политика черногорского правителя могла то и дело раскрыться. Черногорская казна после проведения юбилейных торжеств была пуста, необходимо было срочно добыть деньги из любого источника. Наследный королевич Данило в сентябре 1910 г. даже просил Арсеньева выдать ему 10.000 руб. — из дарованной ему ежегодной русской субсидии авансом, в счет 1911 г. Когда русский посланник объяснил, что на это потребуется личное повеление императора, к С.В. Арсеньеву обратился сам король Никола, назвав просьбу своего сына ошибкой⁴¹.

Тогда же, осенью 1910 г., в поисках денежных средств, черногорская элита поспешила заключить торговый союз с Австро-Венгрией и в этом была готова на любые уступки, только бы решить «дело» в кратчайшие сроки. Об этой «загадочной податливости черногорского правительства» Арсеньева уведомил в конце октября 1910 г. итальянский посланник в Черногории барон Сквити⁴². Неудивительно, что только Турция и Австро-Венгрия еще соглашались давать Черногории займы, заведомо зная, что Королевство их не вернет. Ведь в случае неуплаты долга Черногории грозило не только экономическое, но и политическое подчинение своим кредиторам, чего и добивались вышеупомянутые державы.

19 октября 1910 г. Порта объявила полную амнистию бежавшим албанцам. Садреддин-бей просил министра иностранных дел Черногории Томановича сообщить об этом черногорскому правительству, а русский посланник посоветовал королю без промедления опубликовать текст амнистии в черногорских газетах. После долгих уговоров Никола всё же согласился на это⁴³, хотя, по замечанию барона Сквити, «обнародование амнистии турецким правительством албанским беженцам не входило в расчеты черногорского правительства», желавшего присоединить к Королевству Северную Албанию, вследствие чего «черногорские агенты подбивали албанцев к переселению в Черногорию»⁴⁴.

Когда через две недели Арсеньев запросил у черногорского министра иностранных дел сведения о результатах оповещения албанских беженцев,

⁴⁰ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 78–79. Делеша С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 15 октября 1910 г. № 87.

⁴¹ Там же. Л. 80. Донесение С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 20 октября 1910 г. № 72.

⁴² Там же. Л. 81.

⁴³ Там же. Л. 84. С.В. Арсеньев — С.Д. Сазонову 30 октября 1910 г. № 91 (телеграмма).

⁴⁴ Там же. Л. 81–82. Донесение С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 20 октября 1910 г. № 73.

то выяснил, что те отказались покинуть Черногорию. Российскому дипломату пришлось пригрозить королю приостановкой денежной субсидии, и лишь после этого Никола пообещал лично уговорить вождей албанцев возвратиться на родину, что и было сделано в присутствии Арсеньева в начале ноября. И вскоре он мог уже сообщить в Петербург о том, что 12 (25) ноября 1910 г. албанцы «массою покинули черногорскую территорию. На границе их встретил скутарийский генерал-губернатор Бедри-паша для водворения их на прежнее место жительства»⁴⁵.

Короля Николу по-прежнему не оставляло желание получить албанские земли, но, с другой стороны, он понимал, что из-за осуществления этой рискованной затеи он может лишиться расположения России и, как следствие, огромной денежной субсидии. Поэтому 17 (30) ноября 1910 г. он пошел на подписание с Россией военного соглашения* (военная конвенция 1910 г.)⁴⁶, по которому денежная субсидия лишь на военные цели Черногории возросла с 331.000 до 1 600.000 руб.(т.е. в 5 раз!)⁴⁷.

2 (15) декабря 1910 г. Никола доверительно сообщил русскому посланнику, что «в Албании и Старой Сербии готовится восстание, и ему вчера предлагали оттуда дать свое согласие на поднятие черногорского флага в Скутари и Ипеке, но король ответил отказом»⁴⁸. К этому времени он уже был связан с Россией военным соглашением, 7-я статья которого запрещала Черногории вступать в военные конфликты без одобрения Петербурга⁴⁹.

⁴⁵ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 90. С.В. Арсеньев — С.Д. Сазонову 13 ноября 1910 г. № 93.

* Военная конвенция между Россией и Черногорией была подписана военным министром Черногории Иво Джуровичем [17 (30) ноября 1910 г.] и военным министром России В.А. Сухомлиновым [2 (15) декабря 1910 г.]. Конвенция обязывала черногорское правительство предоставить в распоряжение России все вооруженные силы страны по первому призыву русского императора. Помимо этого, 7-я статья ограничивала право Черногории на вступление в военные действия без предварительного соглашения с российским правительством, а также и на заключение военных договоров «без согласия его императорского величества». Целью было обеспечить невмешательство Черногории в военные конфликты, могущие нарушить status quo на Балканах. Так, черногорские вооруженные силы были de jure поставлены под верховное командование русского императора. Однако de facto черногорский король пытался создавать конфликтные ситуации втайне от русского военного агента.

Помимо того, конвенция определяла условия военной помощи, оказываемой Россией Черногории. Российское правительство пыталось поставить под контроль расходование военной субсидии. Когда в сентябре 1912 г. Черногория нарушила свои обязательства, заключив союзные договоры с Сербией и Болгарией, Россия приостановила ее выдачу // См.: Н.М.Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902-1915 гг. М.—Подгорица, 2003; Шкеровић Н. Црна Гора на освитку XX вијека. Београд, 1964.

⁴⁶ Рапопович Р. Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 года // Российская история. 2009. №2. С. 54–59.

⁴⁷ Телеграмма Н.М. Потапова Е.А. Гернгросу о подписании соглашения между Россией и Черногорией. 17 (30) ноября 1910 г. № 562. Цетинье // Н.М. Потапов... С. 476.

⁴⁸ АВП РИ. Ф. 340. Оп. 854. Д. 3. Л. 91. Телеграмма С.В. Арсеньева С.Д. Сазонову 2 декабря 1910 г.

⁴⁹ Там же.

Несмотря на это, с конца 1910 г. и вплоть до лета 1911 г. Арсеньеву приходилось интенсивно заниматься урегулированием черногорско-турецкого конфликта, возникшего из-за поддержки черногорцами албанского освободительного движения⁵⁰. Лишь ультимативными угрозами в адрес черногорского правительства России удалось сдержать молодое Королевство от вооруженного конфликта.

Однако король Никола всё же не мог успокоиться. Он разослал всем иностранным миссиям в Цетине, по сообщению Арсеньева, «будто бы только для сведения, *счет убыткам* (! — *Н. С-Б.*), которые понесли якобы черногорцы вследствие того, что Турция своими притеснениями албанцев принудила последних искать убежища в Черногории, а Черногорию — израсходоваться на их продовольствие и на военные приготовления». Счет этот составлял 5 млн крон (накануне рассылки счёта миссиям сумма эта достигала 9 млн крон, но когда один из дипломатов, увидев цифру, рассмеялся королю в лицо, тот сократил ее почти вдвое)⁵¹.

* * *

Таким образом, судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, опытному дипломату С.В. Арсеньеву пришлось за недолгое время своей службы в Черногории не только принять участие в праздничных торжествах, ознаменовавших появление на Балканах нового Королевства, но и провести немалую работу по сдерживанию «активности» черногорского правителя Николы Петровича-Негоша, чреватой международными осложнениями на Балканах, чего так опасалась Россия.

Литература

1. *Арсеньев В.С.* Род дворян Арсеньевых 1389–1901 гг. М., 1901.
2. *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М.: Наука, 1965.
3. *Бобовић-Распоповић С.* Руски утицај на културно-просвјетну политику династије Петровић Његош // Династија Петровић Његош. Т. II. Подгорица: Црногорска академија наука и умјетности, 2002. С. 407–412.
4. *Данилов Ю.Н.* Великий князь Николай Николаевич. Париж: Impr. de Navarre, 1930.
5. *Искендеров П.А.* Албания на пути к независимости (1908–1914 гг.) // История Балкан. На переломе эпох (1878–1914) / д. и. н. К.В. Никифоров (ответственный редактор), д.и.н. С.И. Данченко, к. и. н. М.М. Фролова. М.: Институт славяноведения РАН, 2017.

⁵⁰ *Струнина-Бородина Н.Г.* Политика черногорского государства по отношению к Албании по донесениям русских дипломатов в Черногории (начало XX века) // Независимость Албании в общепалканском контексте. М., 2014. С. 213–234.

⁵¹ Телеграмма Н.М. Потапова Я.Г. Жилинскому о возможном обращении короля Николая к России с просьбой возместить убытки Черногории. 8 (21) августа 1911 г. № 674. Цетинье // Н.М. Потапов... С. 518–519.

6. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь: Бизнес-Информ, 2004.
7. Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М.: Издательство Московского университета, 1960.
8. Писарев Ю.А. Шесть десятилетий на троне. Черногорский монарх Николай Петрович-Негош // Новая и новейшая история. 1991. № 6.
9. Распопович Р. Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 года // Российская история. 2009. № 2.
10. Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. 3. Пг., 1915.
11. Струнина Н.Г. Милица Николаевна и Анастасия Николаевна Романовы: от черногорских княжон до великих княгинь при дворе Николая II // Известия Самарского научного центра РАН. Самара, 2013. С. 36–42.
12. Струнина Н.Г. Никола Петрович-Негош и его дочери — русские великие княгини Романовы // Черногорцы в России / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. С. 174–238.
13. Струнина-Бородина Н.Г. Политика черногорского государства по отношению к Албании по донесениям русских дипломатов в Черногории (начало XX века) // Независимость Албании в общепалканском контексте / Редколлегия: д.и.н. Г.Л. Арш, д.и.н. С.И. Данченко, к.и.н. П.А. Искендеров (отв. ред.), Н.Г. Струнина-Бородина. М.: Институт славяноведения РАН, 2014.
14. Сухомлинов В.А. Великий князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1925.
15. Хитрова Н. Предисловие // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. / отв. ред.: А.Н. Сахаров, Р. Распопович, сост. Н.И. Хитрова. Т. I. Подгорица: Исторически институт Црне Горе; М.: Институт российской истории РАН, 2003. С. 15–25.
16. Хитрова Н.И. Россия и Черногория в 1878–1908 годах. Ч. 1, 2. М.: ИЦ Института российской истории РАН, 1993.
17. Хлебникова В.Б. Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» // Славяноведение. 1997. №5.
18. Хлебникова В.Б. Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М.: Институт славяноведения РАН, 2016.
19. Шкеровић Н. Црна Гора на освитку XX вијека. Београд: Научно дело, 1964.
20. Jovanović R. Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918) // Le Montenegro dans les relations internationales. Titograd, 1984. P. 15–55.

References

1. Arsenyev, V.S., 1901. *Rod dvorian Arsenyevykh 1389–1901 gg.* Moscow.
2. Arsh, G.L., Senkevich, I.G., Smirnova, N.D., 1965. *Kratkaia istoriia Albanii.* Moscow: Nauka.
3. Bobović-Raspopović, S., 2002. Ruski uticaj na kulturno-prosvjetnu politiku dinastije Petrović Njegoš. In : *Dinastija Petrović Njegoš.* Т. II. Podgorica: Crnogorska akademija nauka i umjetnosti. S. 407–412.
4. Danilov, Yu.N., 1930. *Velikii kniaz' Nikolai Nikolaevich.* Parizh: Impr. de Navarre.

5. Iskenderov P.A. Albaniia na puti k nezavisimosti (1908–1914 gg.). In: Nikiforov, K.V., Danchenko, S.I., Frolova, M.M. eds, 2017. *Istoriia Balkan. Na perelome epokh (1878–1914)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
6. Jovanović R. Les relations politiques entre le Montenegro et la Russie (1711–1918). In: *Le Montenegro dans les relations internationales*. Titograd, 1984. P. 15–55.
7. Kalinin, N., Zemlianichenko, M., 2004. *Romanovy i Krym. “U vsekh nas ostalas’ toska po Krymu...”*. Simferopol’: Biznes-Inform.
8. Khitrova, N., 2003. Predislovie. In: Sakharov, A.N., Raspopović, R., Khitrova, N.I., eds. *N.M. Potapov. Russkii voennyi agent v Chernogorii. Doneseniia, raporty, telegrammy, pis’ma 1902–1915 gg.* T. I. Podgoritsa: Istorijski institut Crne Gore; Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN. S. 15–25.
9. Khitrova, N.I., 1993. *Rossiia i Chernogoriia v 1878–1908 godakh*. Ch. 1, 2. Moscow: ITs Instituta rossiiskoi istorii RAN.
10. Khlebnikova, V.B., 1997. Rossiiskii diplomat K.A. Gubastov i ego sluzhebnaia zapiska “Chernogoriia. 1860–1900 gg.”. *Slavianovedenie*, 5.
11. Khlebnikova, V.B., 2016. *Chernogoriia: Fenomen natsional’noi gosudarstvennosti. 1878–1916 gg.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
12. Nikitin, S.A., 1960. *Slavianskie komitety v Rossii v 1858–1876 godakh*. Moscow: Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta.
13. Pisarev, Yu.A., 1991. *Shest’ desiatiletii na trone. Chernogorskii monarkh Nikolai Petrovich-Negosh. Novaia i noveishaia istoriia*, 1991.
14. Raspopović, R., 2009. Voennaia konventsiiia mezhdu Chernogoriei i Rossiei 1910 goda. *Rossiiskaia istoriia*, 2.
15. Rovinski, P.A., 1915. *Chernogoriia v ee proshlom i nastoiashchem*. T. 3. Petrograd.
16. Strunina, N.G., 2013. Militsa Nikolaevna i Anastasiia Nikolaevna Romanovy: ot chernogorskikh kniazhon do velikikh kniagin’ pri dvore Nikolaia II. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. Samara. S. 36–42.
17. Strunina, N.G., 2011. Nikola Petrovich-Negosh i ego docheri — russkie velikie kniagini Romanovy. In: Nikiforov, K.V. ed. *Chernogortsy v Rossii*. Moscow: Indrik. S 174–238.
18. Strunina-Borodina, N.G., 2014. Politika chernogorskogo gosudarstva po odnosheniiu k Albanii po doneseniiam russkikh diplomatov v Chernogorii (nachalo XX veka). In: Arsh, G.L., Danchenko, S.I., Iskenderov, P.A., Strunina-Borodina N.G. eds. *Nezavisimost’ Albanii v obshchebalkanskom kontekste*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
19. Sukhomlinov, V.A., 1925. *Velikii kniaz’ Nikolai Nikolaevich (mladshii)*. Berlin.
20. Škerović, N., 1964. *Crna Gora na osvitu XX vijeka*. Beograd: Naučno delo.

БАКИНСКИЕ ГИМНАСТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ (1900–1914 гг.)

Михаил Владимирович Ведерников –
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института Европы РАН, Москва.
vishma@mail.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка обозначить основные этапы развития бакинских спортивно-гимнастических обществ с момента их возникновения и до начала Первой мировой войны. За основу их деятельности практически с самого начала была взята сокольская идеология, сокольский комплекс физических упражнений. В свою очередь это предопределило участие в их работе значительного числа чешских специалистов и представителей чешской диаспоры, проживавших на территории Бакинской губернии Российской империи. Возникший в 1912 г. бакинский Сокол рассматривается в качестве структуры, в рамках которой воссоздавалась оригинальная атмосфера чешского Сокола и соблюдались изначальные принципы построения чешской организации. Автор приходит к выводу, что несмотря на попытки сокольских активистов углубить восприятие идей «всеславянского объединения» среди соотечественников и жителей Баку, чешское землячество не видело в сокольстве идейный ориентир для себя в России.

Ключевые слова

Сокол, Чешский Сокол, Союз русского сокольства, Баку, Азербайджан, Кавказ, Й. Сикора, Первая мировая война.

BAKU SPORT SOCIETIES IN THE RUSSIAN EMPIRE (1900–1914)

Mikhail V. Vedernikov –
PhD, Researcher,
Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
vishma@mail.ru

Abstract

The article attempts to identify the main stages of the Baku sport societies' development from their origin to the outbreak of the First World War. From the very beginning, their activities were based on the Sokol ideology and the Sokol complex of physical exercises. This, in its turn, predetermined participation of a significant number of Czech specialists and members of the Czech diaspora, who lived in the Baku province, in their work. The author concludes that all attempts of Sokol activists to spread the Pan-Slavic ideas among compatriots and residents of Baku were met with strong resistance and reluctance because the locals did not want to see Sokol as an ideological landmark of the Czech community in Russia.

Keywords

Sokol, Czech Sokol, Russian Sokol Union, Baku, Azerbaijan, Caucasus, First World War.

История XIX века — время становления наций и формирования новых национальных идеологий. На этом фоне крупные народы Европы предпринимали попытки распространить свое влияние на менее защищенных соседей, подчас отстающих в этом «строительстве». В подобных условиях малочисленные этносы прибегали к чрезвычайной мобилизации своего национального потенциала, стремясь избежать участи быть поглощенными или смещенными с пути исторического развития, на которой они незадолго до этого встали.

Одним из таких явлений, которое должно было обозначить особенный славянский характер чешского народа, его противоположность немецкому духу, стало сокольство. Будучи ответом на существовавшие уже в те годы немецкие (турнерские) спортивно-гимнастические общества, созданные Ф.Л. Яном, сокольские кружки (первый был основан в 1862 г. М. Тыршем) выдвигали в качестве одной из основных идей концепцию славянской взаимности¹. Также основатели сокольства, а за ними все их последователи, своей задачей считали воспитание человека как цельной и гармонически развитой личности, с одной стороны, и как единицы в массе народа — с другой².

Первые объединения с названием Сокол появились в России на Волыни среди чешских колонистов, которые начали переселяться сюда после польского восстания 1863–1864 гг.³. Российские власти поощряли данную инициативу, поскольку желали ослабить влияние польского, католического элемента в этом регионе. Стоит отметить, что чиновники рассматривали чехов в качестве наследников гуситской традиции, которая непосредственно была связана с борьбой против католического засилья в Чехии. Впоследствии власти считали возможным перетянуть их в православие, которое

¹ Конишек С. Сокольство. М., 1911. С. 8.

² Как чешские, так и отечественные исследователи (К.Э. Нольте, Р. Сак, В.В. Котов) делают предположение, что такое массовое движение, вовлекшее в себя тысячи национально мыслящих людей, можно отнести к «фазе С» теории чешского историка М. Грокха о зарождении наций. Согласно ей, на заключительном этапе национального Возрождения национальное сознание получало распространение среди широких слоев населения, и национальное движение, охватив всю территорию рассматриваемого региона, имело четко организованную структуру. «Фаза А» характеризуется зарождением интереса к национальной культуре среди интеллигенции; «фазе В» свойственно появление групп, занимающихся на уровне научных изысканий систематической разработкой этих вопросов в области языка, культуры, истории, в том числе и пропагандой. См.: *Hroch M. K problematice formování buržoazního národa v Evropě // Československý časopis historický. 1961. Č. 9. S. 374–395; Бобрович М. Мирослав Грох: формирование наций и национальные движения малых народов // Национализм и формирование наций: теории, модели, концепции. М., 1994. С. 74.*

³ *Ненашева З.С. Начало эмиграции чехов в Россию в середине XIX в. // Slovanské historické studie. 2003. Sv. 29. S. 7–38.*

в некоторых чертах было схоже с догмами гуситской церкви. Однако на остальной территории империи, вплоть до 1907 г., правительство не давало разрешение на организацию обществ с подобным названием⁴.

Изучение чешского сокольства получило широкое распространение в чешской историографии. В то же время отечественная историческая наука не уделяла достаточного внимания этой проблематике. Исследования по данному вопросу появлялись в рамках больших работ, посвященных изучению идейно-политических движений в Чешских землях в конце XIX — начале XX вв. Если о существовании столичного и московского Соколов специалисты имели хорошее представление, то об особенностях функционирования сокольских ячеек вне крупных городов их осведомленность оставалась минимальной⁵. В этой связи особый интерес представляет изучение бакинского Сокола, которое стало возможным благодаря обнаружению новых, ранее не использованных источников. Сокольское общество, разместившееся вне мест массового проживания славянского населения, в рамках иного культурного окружения, является интересным объектом для осмысления процесса проникновения сокольской идеологии в Россию⁶. При этом возникают вопросы: были ли эти объединения местом сплочения славянского элемента, попыткой распространить влияние культуры на местное население, или же здесь происходила подмена сокольской идеи на простую сокольскую гимнастику?

Значение кавказского сокольства отмечали ещё современники. Так, анонимный журналист «Чехослована» («Сechoslovan»), чешской газеты, выходившей в Киеве в 1911–1914 и 1916–1918 гг., писал о его первопрородческом характере в пределах всей империи. Так, помимо того, что Кавказ был первым местом, куда был официально приглашен чешский учитель гимнастики для проведения занятий в школе, здесь в 1907 г. в Тифлисе возникло первое сокольское гимнастическое общество (не только по названию, но и по содержанию). Также сокольская система физического воспитания была

⁴ Между тем, существовали объединения, которые полностью соответствовали сокольскому духу по внешнему образу, но долгое время именовались как «спортивно-гимнастические общества». Важно упомянуть о том, что трансформация гимнастических объединений в сокольские была вызвана не только внутривосточными изменениями в России, либерализацией законодательства после революции 1905–1907 гг., но и интенсификацией контактов со славянскими коллегам на фоне развития неославистического движения.

⁵ Стоит упомянуть магистерскую работу В.В. Котова, написанную на чешском языке: *Kotov V. Sokolské hnutí v Moskvě*. Brno, 2015. URL: <https://is.muni.cz/th/ce6x6/Sokol.pdf> (дата обращения: 26.04.2018).

⁶ Если говорить о масштабе охвата масс сокольской идеей к началу Первой мировой войны, то на территории Чешских земель существовало 1156 обществ, которые объединяли 98 494 мужчин, 20 689 женщин и 49 076 подростков — всего 168 259 человек. В это же время на территории Российской империи действовало 68 сокольских обществ. См.: Распространение сокольских обществ // Вестник русского сокольства. 1914. № 6–7. С. 135.

взята за основу подготовки в армейских частях региона⁷. Кроме того, власти поддерживали сокольские начинания в распространении учения. Для этого в 1909 г. попечитель Кавказского учебного округа Н.Ф. Рудольф выделил 1500 руб. на проведение в Тифлисе 5-недельных курсов гимнастики для школьных учителей, поскольку, как говорил колумнист научно-педагогического журнала «Сокол», посвященного вопросам физического воспитания, А. Лукеш, «министерство народного просвещения убедилось в пользе и громадном значении её преподавания»⁸.

К 1914 г. на Южном Кавказе существовало четыре сокольских общества (три на грузинских землях — в Тифлисе, Кутаиси, Батуми; одно в Бакинской губернии). Возникновение и размах их деятельности напрямую зависел от размера чешской колонии⁹. Так, наиболее успешное тифлисское объединение было основано в области, где проживало 245 чехов; кутаисское и батумское вместе располагали 167 чехами¹⁰. В Бакинской губернии жили 149 лиц чешской национальности¹¹.

Первое гимнастическое общество в Баку было создано ещё в 1900 г. Как отмечал Й. Сикора, прибывший сюда в 1905 г. из Чехии по приглашению директора мужской гимназии им. Александра III на должность учителя гимнастики, это общество было устроено по принципу турнерской (немецкой) спортивной организации и не смогло долго просуществовать из-за отсутствия опытных руководителей в его рядах, заинтересованных

⁷ Českoslovan. 30.09.1911. S. 857.

⁸ Сокол. 1912–1913. № 2. С. 25. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/11415-1912-1913> (дата обращения: 26.04.2018).

⁹ В империи распространение сокольских обществ и популярность самой идеи напрямую зависели от устойчивого чешского представительства. В этой связи обширная сеть таких организаций возникла на территории Юго-Западного края (территория современной Украины), где, согласно переписи населения 1897 г., проживало 33 201 чехов и словаков. Однако к этому времени сокольство превратилось в городское движение, и поэтому в сельских областях, где концентрировалась основная часть чехов (Волинская губерния), не было предпосылок для распространения его деятельности. Подобная закономерность была вызвана тем, что сокольством были увлечены, прежде всего, чехи, приехавшие в Россию в ходе второй миграционной волны из Австро-Венгрии (конец XIX — начало XX вв.), которая состояла из представителей интеллигенции со средним или высшим образованием и которые селились, как правило, в крупных населенных пунктах. Помимо Юго-Западного края, сокольские общества получили широкое признание в Санкт-Петербурге и Москве. См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку.

¹⁰ Там же.

¹¹ В подтверждение отметим, что в местах, где количество чехов было минимальным и насчитывало несколько десятков человек (Эриванская губерния — 36; Елисаветпольская область — 25; Карская область — 11), отсутствуют свидетельства о попытках организации сокольского движения. Эривань — Ереван (Армения); Елисаветполь — совр. Гянджа (Азербайджан); Карс — территория нынешней Турции.

в развитии спортивного движения. Также на момент начала работы чеха в образовательном учреждении уже проводились занятия по физкультуре, однако они базировались на принципах военной гимнастики и не удовлетворяли своим качеством руководство гимназии, поскольку упражнения были «однотипными, скучными и не увлекательными».

Что касается бакинской чешской колонии, то, по сведениям Сикоры, на момент его приезда она насчитывала около 60 человек и в её рядах шло постоянное обсуждение чешских политических новостей, сведения о которых черпались из газет, поступающих сюда из Австро-Венгрии. Лидером местной чешской общины был директор нефтяных заводов Й. Якль. На своей квартире он регулярно организовывал встречи соотечественников, которые обычно проходили в формате книжных салонов. Сразу же после приезда в Баку Сикора выразил желание открыть здесь местное гимнастическое общество по примеру тифлисского. Оно должно было, по его мнению, оказать позитивное влияние на укрепление чешско-русских отношений. Правда, он с сожалением указывал на разобщенность и отсутствие сплоченности своих земляков¹².

Только спустя два года, в октябре 1907 г., по инициативе А.И. Емельянова и чехов Й. Сикоры и В. Амброжа было создано первое учредительное собрание нового гимнастического общества, на котором был разработан проект устава. Не дожидаясь его утверждения, организаторы приступили к проведению занятий в здании училища на Красноводской улице, в доме Багирова¹³. 18 января 1908 г. устав «Гимнастического общества г. Баку» был утвержден градоначальником. Стоит отметить, что на тот момент среди организаторов общества ещё не сформировалась инициативная группа, стремившаяся бы обозначить его напрямую как сокольское. Возможно, это обосновывалось отсутствием желания участников идентифицировать себя с чешским национальным движением.

Благодаря «добровольной дисциплине и дружной работе» на пятом месяце своего существования 11 мая 1908 г. на площадке Лаун Теннис клуба было организовано первое публичное выступление. Подробные сведения об этом мероприятии можно найти на страницах журнала «Сокол» («Sokol») (издавался в Праге с 1871 г. и освещал деятельность сокольских организаций как в Чешских землях, так и за рубежом), где авторы заметок писали о символичности события и о вступлении бакинского общества в

¹² Sokol. 1905. № 3. S. 53.

¹³ Спортивное снаряжение было одолжено у члена бывшего турнерского кружка, который предоставил во временное пользование турник, брусья, коня, матрасы и др. Палки и булавы были сделаны местными ремесленниками. Горячие дискуссии вызвал вид предлагаемого костюма. Споры происходили из-за несогласия учредителей общества с предложением о введении безрукавной формы, необходимость которой обосновывалась особенностями прикаспийского климата. В итоге «победил» облегченный вариант экипировки. См.: Сокол. 1908. № 8. С. 174–176.

сокольскую семью, несмотря на отсутствие этого маркера в официальном названии. Преподавательница гимнастики в женской гимназии св. Нины в Баку Я. Швипель не скрывала своего восторга: «В тот день моя душа мчалась через Закаспийский край, Кавказ, русские степи в те места, где сегодня находится надгробие, величаво свидетельствующее, что глубоко под ним тлеет голова М. Тырша, в которой рождалась бессмертная сокольская идея, чтобы опуститься на него и вложить в памятный венок слова — Сокол-Баку-Кавказ»¹⁴. Как отмечали зрители и участники этого события, успех праздника в моральном и материальном отношении превзошел все ожидания и послужил притоку новых членов и расширению деятельности общества.

Вскоре встал вопрос о необходимости смены спортивного зала, поскольку используемые площади уже не справлялись с потоком желающих заниматься. В этом намерении была получена поддержка от директора бакинского реального училища И.В. Денфера, «большого ревнителя телесного воспитания молодежи», который предоставил помещение своего училища на Николаевской улице. Однако его приходилось делить со студентами учебного заведения, что создавало трудности в составлении графика занятий.

Итогом первого года существования объединения стало то, что в его ряды вступило 108 человек, среди которых были не только русские и чехи, но также армяне, грузины, немцы и поляки. Вместе с тем, несмотря на достигнутые обществом успехи, Й. Сикора сообщал о существовании серьезных преград при реализации намерений его организаторов. По его словам, они «тонули в пучине государственной системы». Прежде всего Сикора имел в виду отсутствие отдельного гимнастического зала и необходимого снаряжения. Но он не терял надежду и писал о скором наступлении времени, когда он смог бы привести своих подопечных в отдельное помещение для ознакомления с сокольской системой.

1909 год, по словам счетовода А. Трусковского, стал годом «напряженной работы». В январе были открыты женские курсы под руководством Я. Швипель, расширены кружки для детей и подростков. Успех работы выразился не только в притоке новых последователей (свыше 300) и привлечении на работу дополнительно учителей гимнастики (С. Губачек, Я. Моудры), но и в приобретении имущества на сумму более чем 1600 рублей.

17 мая 1909 г. состоялось второе публичное выступление, в котором приняли участие мальчики, подростки и 46 членов общества. В декабре прошли соревнования, в которых гимнасты состязались в упражнениях на перекладине, брусьях, коне и прыжках в длину¹⁵. Между тем, Й. Сикора писал об отсутствии единства в обществе, стремлении «каждого первого»

¹⁴ Сокол. 1908. № 9. С. 218.

¹⁵ 1-е место занял А. Каплан; 2-е — Георгенбургер; 3-е — Кунстман.

действовать самостоятельно. Подобные негативные настроения усиливались слабым проникновением идеи «взаимного сотрудничества». Имевшие место видимые успехи, по его мнению, были связаны прежде всего с деятельностью преданных сокольству людей, объединенных вокруг него¹⁶.

Неудивительно, что следующий 1910 год стал для гимнастического общества кризисным и переломным. Прежде всего это проявилось в оттоке последователей движения и уменьшении доходных статей. В течение года не было публичных выступлений, закрылись курсы для девочек и дам, число действительных членов сократилось до 56 человек. В. Амброж видел причину в том, что «идея телесного развития оказалась недостаточной для соединения лиц различных взглядов»¹⁷. Помимо прочего, он называл другие факторы, подтачивавшие основы стабильного развития общества: 1) недостаток «политического такта» у некоторых его деятелей; 2) переоценка их возможностей и трудоспособности; 3) распыление деятельности общества на различные направления при недостаточном количестве опытных преподавателей¹⁸.

В этой связи возникла необходимость в поиске ориентира, который способствовал бы сплочению членов общества. Неудивительно, что им стало сокольство. Бакинское общество с самого начала своего существования руководствовалось основными принципами братства и равенства, придерживалось сокольской системы, приняло «сокольский внешний вид» и его распорядок. При этом среди бакинцев возникло течение, которое выступило за переименование общества в «Гимнастическое общество Сокол» и последующее вступление в Союз русского сокольства (СРС). Его руководители исходили из тех соображений, что «обществу без духовной связи с остальными обществами в России, без их моральной поддержки угрожала участь бывших в Баку гимнастических объединений»¹⁹. Однако стоит отметить, что появились и противники подобных перемен, которые считали, что данные реформы приведут к возникновению «национальных и других преград».

Вторая половина 1910 г. была омрачена для общества «тяжелой атмосферой взаимного недоверия». Разногласия в его Правлении привели к тому, что председатель В. Гадасевич и товарищ председателя (заместитель) Я. Гергенбургер отказались от своих должностей. Новым руководителем стал В. Кикодзе, товарищем председателя — В. Амброж. Несмотря на это, 21 декабря 1910 г. предложение о переименовании общества в Сокол потерпело неудачу. Его бойкотировали противники преобразований. Для выведения

¹⁶ Sokol. 1909. № 10–11. S. 263–264.

¹⁷ Отчет гимнастического общества «Сокол» в г. Баку за 1913 г. Очерк деятельности общества с 1908 по 1912 г. Баку, 1914. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ Там же.

общества из застойного положения требовалось его обновление. На протяжении всего 1911 г., который был отмечен отсутствием ярких явлений общественной жизни, шла работа в этом направлении. Так, предпринималась попытка провести это решение через центральную сокольскую организацию в Российской империи. На заседании правления СРС 1 апреля 1911 г. обсуждалась возможность вступления бакинского общества в союз, но это предложение было отвергнуто. При этом отмечалось, что его принятие в «сокольскую семью» могло произойти только после переименования общества и изменения предложенного варианта устава — соответственно примерному уставу сокольских обществ²⁰.

Внутренние противоречия тормозили реализацию задуманного. Только 20 декабря 1911 г. состоялось собрание, на котором был обсужден вопрос о переименовании общества и принятии вновь выработанного устава. В ходе оживленных прений было окончательно согласовано постановление о необходимости смены названия, и 9 апреля 1912 г. устав гимнастического общества Сокол в Баку был утвержден администрацией Бакинской губернии.

Говоря о причинах такого стойкого нежелания некоторых членов гимнастического общества вступать в ряды русского сокольства, обратимся к идейным основам этого движения. Прежде всего, противники преобразований рассматривали сокольство в качестве инструмента, якобы направленного на решение национальных вопросов. В этой связи славянская направленность объединения, кажущаяся шовинистическая нетерпимость в его рядах были «пугалом» и причиной долгих споров и конфликтов внутри общества в 1910–1911 гг. Компромиссное решение было оформлено в тексте устава, где на первой странице указывалось, что членом общества может стать любой человек, «без различия национальности»²¹. В свою очередь в уставе московского Сокола отмечалось, что его членами могли стать лица «славянского происхождения»²². В уставном документе варшавского «Русского сокола» не было уточнения по поводу национальной принадлежности претендента, но название недвусмысленно указывало на ограничение входа в его ряды²³.

Первое полугодие 1912 г. было посвящено усиленной подготовке к публичному выступлению, которое, после двухлетнего перерыва, состоялось 6 мая 1912 г. во дворе бакинского Коммерческого училища при участии 42 соколов. Несмотря на незначительную рекламу, праздник посетило 500 гостей. Как отмечала местная пресса, успех выступления был весьма внушительный. В этом же году общество вступило в Союз русского сокольства. 17–19 апреля член совета С.В. Олейник посетил II съезд руководи-

²⁰ Sokol. 1911. № 5. S. 125.

²¹ Устав гимнастического общества «Сокол» в г. Баку. Баку. 1912. С. 2.

²² Устав гимнастического общества «Сокол III» в Москве. М., 1912. С. 5.

²³ Устав варшавского гимнастического общества «Русский сокол». Варшава, 1913. С. 3.

лей СРС в Киеве²⁴. Участие в этом объединении, по мнению В. Амброжа, было необходимо для того, чтобы в тяжелых жизненных обстоятельствах общество могло рассчитывать на «братскую, моральную и материальную помощь». В сентябре возобновились занятия на женских курсах под руководством П.Ф. Яндовой²⁵.

Расцвет деятельности бакинского Сокола приходится на 1913 год²⁶. В действительные члены было принято 62 человека, что позволило довести численность общества к январю 1914 г. до 92 человек (в предшествующие два года наблюдалась значительная убыль членов). Преследуя цель расширить узнаваемость общества, его технический комитет устроил 10 февраля «пропагандный» вечер в зале Общественного собрания Баку²⁷. Журналист газеты «Каспий» Р. Родионов отмечал важность работы Сокола и указывал на её значение. Он писал: «В наш век неврастеников и меланхоликов, подагриков и дегенератов, нытиков и трафаретных самоубийц, не удосужившихся найти смысл в жизни, такое зрелище показывает, что человек со здоровым организмом и здоровым духом всегда найдет в ней особое звучание»²⁸.

5 мая состоялось четвертое публичное выступление Сокола, в котором участвовали 75 гимнастов. Зрители мероприятия отмечали, что все упражнения были исполнены прекрасно и вызвали горячие аплодисменты²⁹. Описывая этот праздник, сотрудник газеты «Баку» заключил свою статью словами о том, что сокольское движение, будучи серьезным и важным общественным делом, постоянно остается в тени, «не шумит и не рекламирует себя». Журналист видел причину этого в том, что сокольство в Баку было «достоянием только буржуазных классов». В этой связи он призывал членов общества приступить к «широкой демократизации сокольских идей», считая, что разрушение социальных перегородок приведет к улучшению «безрадостной жизни рабочих масс» и сплочению общества³⁰.

Однако, несмотря на видимые успехи Сокола, Й. Сикора выделял недостатки в деятельности общества, которые подтачивали его идейные основы. Прежде всего он выражал сожаление по поводу отсутствия в обществе

²⁴ Вестник русского сокольства. 1913. № 5. С. 131; № 7. С. 189.

²⁵ Отчет гимнастического общества «Сокол» в г. Баку за 1913 г. С. 18.

²⁶ Сравнивая финансовые поступления в 1913 г. с предшествующим годом, мы видим, что общество получило доход в размере 2472 руб., что было на 1294 руб., т.е. вдвое больше, чем в 1912 г. Чистая прибыль составила 1474 руб., что оказалось в четыре раза больше по сравнению с предшествующим годом. Наиболее крупные поступления были получены от взносов действительных членов (532 руб.). Второе место в доходной части общества занимали средства, полученные от публичных выступлений (503 руб.). Третье — плата за посещение сокольского зала (462 руб.).

²⁷ Вестник русского сокольства. 1912. № 3. С. 78.

²⁸ Отчет гимнастического общества «Сокол» в г. Баку за 1913 г. С. 12.

²⁹ Вестник русского сокольства. 1913. № 6. С. 165–166.

³⁰ Баку. 6 мая 1913. № 106.

«преданности общему делу и живого стремления к серьезному участию в нем». Он отмечал важность распределения работ в обществе между его членами, для того, чтобы каждый сокол чувствовал свою принадлежность к единому целому. Далее Сикора указывал на отсутствие дисциплины в сокольских рядах, которую он понимал как «всё, что направлено к осуществлению прекрасного идеала движения». Третьим «прискорбным явлением», по его мнению, была нехватка чувства братства. Он считал недостаточным проявлять его лишь в стенах общества и гимнастического зала и призывал объединять в рамках общества «все сословия и классы в одно братское целое»³¹. Библиотекарь А. Шмидт говорил об отсутствии желания у членов общества обращаться к специальной литературе, касающейся гимнастики, сокольства и его идей. Не менее печальным было и их отношение к печатному органу СРС, «Вестнику русского сокольства» — на него были подписаны единицы.

1914 год прервал размеренный ход жизни бакинского общества. Сопутствующие началу мировой войны заявления русского царя Николая II и Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича о «братских чувствах к славянам» и стремлении России принести «свободу и осуществление народных вожеланий» для австро-венгерских подданных³², возбудили в участниках сокольского движения желание встать на «защиту угнетенного славянства». В общем призыве СРС говорилось о необходимости «идти в войска»³³.

Что касается чешской колонии в России, то с первых дней войны в её рядах прозвучали призывы к уничтожению Австро-Венгрии и образованию самостоятельного чешского государства. Вскоре эти национально-освободительные стремления были поддержаны российским правительством, которое одобрило предложенный чехами проект создания национального воинского формирования — Чешской дружины³⁴. На воззвание комитета по организации дружины, «из малочисленной чешской колонии», откликнулись несколько молодых людей из бакинского Сокола³⁵. После получения разрешения на выезд от городских властей они отправились в Киев, место сбора добровольцев.

Несмотря на военное время и связанные с этим ограничения, деятельность сокольской организации в Баку не была приостановлена. Так, в газете «Каспий» можно встретить объявление, в котором жители города информ-

³¹ Отчет гимнастического общества «Сокол» в г. Баку за 1913 г. С. 15.

³² Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус (1914–1920). Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования (1914–1917). М., 2013. Док. № 1, 3. С. 49–51.

³³ Братья-сокола // Вестник русского сокольства. 1914. № 6–7. С. 133.

³⁴ Ведерников М.В. Становление политических институтов русских чехов в начале Первой мировой войны // Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 138–150.

³⁵ Местная хроника // Каспий. № 182.

рвались о возобновлении занятий с 12 сентября 1914 г. Помимо мужских и дамских курсов сообщалось об открытии курсов для подростков (14–18 лет)³⁶.

Говоря о бакинском Соколе перед Первой мировой войной, необходимо отметить, что особое влияние на его работу оказывали чехи. На протяжении всего существования сначала гимнастического общества, а затем сокольского объединения значительная роль в организации спортивной и общественной жизни принадлежала Й. Сикоре. Будучи главным человеком, определявшим техническую сторону преподавания гимнастики, он смог увлечь бакинцев своими занятиями, показать им преимущества здорового образа жизни.

Между тем, отвечая на вопрос о том, был ли Сокол в России (в нашем случае его бакинское отделение) преемником чешского Сокола, нацеленным на поддержание национальных устремлений народа, или являлся продвинутым гимнастическим кружком, следует указать на следующее. Прежде всего, желание местных идейных активистов сделать занятия физической культурой инструментом национального сплочения не имело успеха. Анализ списка действительных участников общества на 1 января 1914 г. свидетельствует о наличии в нем только 12 человек с чешскими фамилиями, что является небольшим показателем, учитывая значительную чешскую колонию в городе. Можно предположить, что современники, не нагружая себя сложными идеологемами, рассматривали спорт в качестве новомодного способа времяпрепровождения. В этой связи согласимся с дискуссионной точкой зрения чешского историка Й. Куделы: «У соколов в России было одно сильное отличие от их коллег в Чехии. Они потеряли идейную связь с домашней организацией, где физкультура была фундаментом и средством развития не только физических качеств, но и воспитания характера, направленного на достижение общественных целей во благо сохранения нации»³⁷. В свою очередь, тем немногим, кто наделял сокольство высокой миссией национального объединения, удалось проявить свои высокие патриотические чувства на полях сражений Первой мировой войны в составе Чешской дружины, отстаивая независимость Чехословацкого государства, созданного в 1918 г.

Литература

1. *Бобрович М.А.* Мирослав Грох: формирование наций и национальные движения малых народов // *Национализм и формирование наций: теории, модели, концепции* / отв. ред. А.И. Миллер. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994.
2. *Ведерников М.В.* Становление политических институтов русских чехов в начале Первой мировой войны // *Славянский альманах*. 2016. № 3–4. С. 138–150.

³⁶ *Каспий*. № 203.

³⁷ *Kudela J. Sokol a legie*. Brno, 1923. S. 19.

3. Вестник русского сокольства. М., 1914.
4. *Конишек С.* Сокольство. М., 1911.
5. *Ненашева З.С.* Начало эмиграции чехов в Россию в середине XIX в. // *Slovanské historické studie*. 2003. Sv. 29. S. 7–38.
6. Отчет гимнастического общества «Сокол» в г. Баку за 1913 г. Очерк деятельности общества с 1908 по 1912 г. Баку, 1914.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. II. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905.
8. Сокол. 1912–1913. № 2. С. 25. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/11415-1912-1913> (дата обращения: 26.04.2018).
9. Чешско-словацкий (Чехословацкий) корпус (1914–1920). Документы и материалы. Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования (1914–1917) / сост. К.А. Абрамян. М.: Новалис, 2013.
10. *Hroch M.* K problematice formování buržoazního národa v Evropě // *Československý časopis historický*. 1961. Č. 9. S. 374–395.
11. *Kotov V.* Sokolské hnutí v Moskvě. Magisterská diplomová práce. Brno, 2015. URL: <https://is.muni.cz/th/ce6x6/Sokol.pdf> (accessed: 26.04.2018).
12. *Kudela J.* Sokol a legie. Brno: Moravský Legionář, 1923.

References

1. Abramian K.A. ed., 2013. Cheshsko-slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus (1914–1920). Dokumenty i materialy. T. 1. Cheshsko-slovatskie voinskie formirovaniia (1914–1917). Moscow: Novalis.
2. Bobrovich, M.A., 1994. Miroslav Hroch: formirovanie natsii i natsional'nye dvizheniia mal'nykh narodov. In: Miller, A.I. ed. 1994. Natsionalizm i formirovanie natsii: teorii, modeli, kontseptsii. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN.
3. Gimnasticheskoe obshchestvo “Sokol”, 1914. *Otchet gimnasticheskogo obshchestva “Sokol” v g. Baku za 1913 g. Ocherk deiatel'nosti obshchestva s 1908 po 1912 g.* Baku.
4. Hroch, M., 1961. K problematice formování buržoazního národa v Evropě. *Československý časopis historický*, č. 9. S. 374–395.
5. Konichek S. *Sokol'stvo*. Moscow, 1911.
6. Kotov, V., 2015. *Sokolské hnutí v Moskvě*. Magisterská diplomová práce. Brno. URL: <https://is.muni.cz/th/ce6x6/Sokol.pdf> (accessed: 26.04.2018).
7. Kudela, J., 1923. *Sokol a legie*. Brno: Moravský Legionář.
8. Nenasheva, Z.S., 2003. Nachalo emigratsii chekhov v Rossiiu v seredine XIX v. *Slovanské historické studie*, sv. 29. S. 7–38.
9. *Pervaia Vseobshchaia perepis' naseleniia Rossiiskoi imperii*, 1905. T. II. Obshchii svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannykh Pervoi vseobshchei perepisi naseleniia, proizvedennoi 28 ianvaria 1897 g. Saint Petersburg.
10. *Sokol*, 1912–1913, 2. S. 25. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/11415-1912-1913> (accessed: 26.04.2018).
11. Vedernikov, M.V., 2016. Stanovlenie politicheskikh institutov russkikh chekhov v nachale Pervoi mirovoi voiny. *Slavianskii al'manakh*, 3–4. S. 138–150.
12. *Vestnik russkogo sokol'stva*. Moscow, 1914.

ВЕНГЕРСКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ «ДЕЛА РАЙКА» ДО СМЕРТИ СТАЛИНА (1949–1953 гг.)*

Каори Кимура –

кандидат исторических наук,
ассоциированный исследователь
Института славяноведения РАН, Москва.
kaoritokagetora@gmail.com

Александр Сергеевич Стыкалин –

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва.
zhurslav@gmail.com

Аннотация

После фальсифицированного судебного процесса по делу Л. Райка (сентябрь 1949 г.), отличавшегося открытой антиюгославской и антититовской направленностью, отношения двух соседних государств — Венгрии и Югославии — достигают низшей точки. Массированная антиюгославская кампания, развернувшаяся в масштабах всего советского блока, достигла такого размаха и нанесла настолько сильные социально-психологические травмы югославскому обществу, что это весьма затруднило процесс сближения двух коммунистических режимов, медленно начавшийся после смерти Сталина.

Ключевые слова

Венгрия, Югославия, Тито, Сталин, Коминформ, «дело Райка», советско-югославский конфликт 1948 г., Восточная Европа, советский лагерь.

THE HUNGARIAN-YUGOSLAV RELATIONS: FROM THE RAJK TRIAL TO STALIN'S DEATH (1949–1953)

Kaori Kimura –

PhD, Associated Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow;
Balassi Institute, Budapest, Hungary.
kaoritokagetora@gmail.com

Alexander S. Stykalin –

PhD, Leading Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
zhurslav@gmail.com

Abstract

After the Rajk Trial of September 1949, with its clear anti-Yugoslav direction, the relations between the two neighbor states reached their low point. The psychological trauma inflicted by Yugoslavia during the massive anti-Titoist campaign turned out to be so severe that it disturbed the process of mutual rapprochement, which started very slowly after Stalin's death.

Keywords

Hungary, Yugoslavia, Josip Broz Tito, Stalin, Cominform, László Rajk Trial, Soviet-Yugoslav conflict of 1948, Eastern Europe, Soviet Block.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00573: Москва и Восточная Европа: Югославская модель социализма и страны советского блока, 1950–1960-е гг.).

Успешно развивавшиеся в первые послевоенные годы венгерско-югославские отношения¹ резко ухудшились весной 1948 г. с началом советско-югославского конфликта. В июне 1948 г. фактически всей полнотой власти в Венгрии овладевает компартия, объединившаяся с левыми социал-демократами в венгерскую партию трудящихся (ВПТ). Её руководитель М. Ракоши быстрее других коммунистических лидеров Восточной Европы, уже в апреле 1948 г., подключился к инициированной И.В. Сталиным массированной кампании, направленной на смену руководства компартии Югославии во главе с И.Б. Тито. Он всерьез опасался, что его прежняя близость с Тито даст Сталину повод для нанесения удара и по руководящей верхушке венгерской компартии. С лета 1948 г. в Венгрии с каждым месяцем набирает всё новые и новые обороты антиюгославская пропагандистская истерия в средствах массовой информации. Органы госбезопасности начинают повсеместно выискивать агентов режима Тито. Претерпевает коренную реорганизацию Демократический союз южных славян Венгрии, общественная организация, отстаивавшая интересы югославянских меньшинств. Руководство ВПТ взяло его под абсолютный контроль, не только полностью прервав все его связи с Белградом, но, более того, превратив этот союз в инструмент активной антиюгославской политики. К ее проведению всё активнее подключаются обосновавшиеся в Венгрии, как и в других странах формирующегося советского блока, «коминформовцы», порвавшие с командой Тито югославские коммунисты, другие оппоненты режима, разными путями бежавшие из страны².

Всего этого было, однако, недостаточно, чтобы развеять недоверие Сталина. Судя по имеющимся документам, в Москве продолжали выискивать крамолу в Будапеште, в советских партийно-идеологических структурах составлялись записки о «националистических», «правооппортунистических» тенденциях в деятельности ВПТ, имевшие много общего с теми, в которых характеризовалась деятельность югославской компартии. Они вполне могли быть востребованы в случае, если бы Сталин взял курс на замену венгерского коммунистического руководства. Так, в документе, относящемся к маю 1949 г., отмечалось, что «руководящие деятели партии и, в частности, т. М. Ракоши, заняли совершенно неправильную позицию

¹ См.: *Кимура К., Стыкалин А.С.* Венгрия и Югославия в 1945 г.: поиски путей преодоления противоречий между недавними военными противниками // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов.* М., 2015. С. 46–61; *Кимура К.* Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // *Славяноведение.* 2010. № 5. С. 53–64.

² См.: *Кимура К., Стыкалин А.С.* Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту // *Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории / отв. редактор А.С. Аникеев.* М.; СПб., 2017. С. 214–269.

выжидания по работе с югославской эмиграцией и усиления борьбы против клики Тито, ожидая соответствующих указаний Москвы»³. Мы не знаем, насколько М. Ракоши был информирован о подобных оценках своей деятельности в Кремле и на Старой площади. Во всяком случае, он прилагал всё большие усилия для того, чтобы отвести любые обвинения Москвы в недостаточной лояльности, скрытых проюгославских симпатиях, попытках уклониться от общей внешнеполитической линии советского блока и магистрального, «советского» пути к социализму.

Летом 1949 г. Ракоши, стремившийся завоевать расположение Сталина, организовал в угоду официальной Москве и при помощи советских «экспертов»-силовикиков наиболее громкий в Восточной Европе показательный судебный процесс антиюгославской направленности — процесс по делу видного деятеля венгерской компартии Ласло Райка, позволивший вывести антиюгославскую кампанию в международном масштабе на новый уровень⁴.

Волна арестов началась в Венгрии с конца мая 1949 г. (она была, конечно, далеко не первой, начиная с 1945 г., но на сей раз ее жертвами стали не члены конкурирующих партий, включая союзников и попутчиков ВПТ, а высокопоставленные функционеры самой правящей партии, а также представители генералитета, близкие к компартии). В ходе фабрикации дела Л. Райка всего через допросы прошло более 200 человек, в том числе большая группа генералов и офицеров: параллельно с «делом Райка» велась подготовка другого судебного дела — о «военном заговоре» во главе с генералом Д. Палфи. В соответствии с разработанной концепцией, действия проюгославски настроенных генералов при прямой военной поддержке маршала Тито и усилия партийно-государственных функционеров во главе с Л. Райком рассматривались как звенья одной цепи в процессе достижения общей цели — захвата власти, устранения правящей верхушки во главе с М. Ракоши, установления проюгославского режима, а затем и реставрации капиталистических порядков.

Открытый политический спектакль по «делу Райка» начался 16 сентября 1949 г. во Дворце профсоюза металлистов в Будапеште в присутствии большого количества журналистов коммунистической прессы разных стран. В предварительно опубликованном обвинительном заключении

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 575. Оп. 1. Д. 188. Л. 25.

⁴ Из исторической литературы, в которой нашли отражение обстоятельства подготовки и проведения процесса по делу Райка, см.: *Желицки Б.Й.* Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // *Новая и новейшая история.* 2001. №2, 3; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). М., 2002; *Петров Н.В.* По сценарию Сталина: роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011.

группе подсудимых инкриминировалось руководство организацией, ставившей своей целью свержение народно-демократического строя, ликвидацию независимости Венгрии при вооруженной поддержке «банды Тито», отрыв страны от СССР. «Дело Райка» было представлено как заговор международного масштаба, все обвиняемые признали себя виновными, выступив в соответствии со сценарием с четко прописанными, заученными ролями. В признаниях акцент был сделан на югославские связи; выступавшие ссылались на якобы имевшие место непосредственные указания Тито и шефа югославской госбезопасности А. Ранковича, которые в свою очередь согласовывали все планы с США. Югославские связи «банды Райка» персонифицировала в зале суда очень удобная фигура бывшего дипломата Югославии, порвавшего со своим правительством, Л. Бранкова, который, как «выяснилось», завербовал еще в 1945 г. Л. Райка в югославскую разведку, зная о его симпатиях к Тито. С каждым днем, по мере выступлений подсудимых, всплывали всё новые и новые «коварные замыслы» лидеров соседнего государства — причем, в отношении не только Венгрии, но и других стран, особенно Чехословакии. Тесные связи Венгрии с Югославией в 1945–1947 гг., планы дунайского и балканского сотрудничества с венгерским участием — всё это подавалось как результаты сознательной подрывной работы Райка и его приспешников, завербованных Белградом.

О том, что «после окончания следствия Райка будем судить и приговорим к повешению», один из ближайших соратников Ракоши и организаторов судебного процесса министр обороны М. Фаркаш делился планами с советским эмиссаром еще 11 июля⁵. Однако вынесение окончательных судебных приговоров было согласовано с внимательно следившим за подготовкой процесса Сталиным, который в августе в ходе прямых контактов с представителями ВПТ (в том числе встречи с Ракоши 20 августа) и в переписке считал целесообразным предоставить своим венгерским вассалам видимое право самим определить меру приговора. В письме от 22 сентября в Будапешт в свете прозвучавших на показательном процессе признаний он четко сформулировал свое мнение: «Считаю, что Л. Райка надо казнить, так как любой другой приговор в отношении Л. Райка не будет понят народом»⁶. По сути дела, именно Сталин решил судьбу Л. Райка, хотя иногда, разыгрывая свой собственный спектакль, он делал вид, что предоставляет венгерской стороне самостоятельность не только в написании сценария процесса, подборе «актеров» на определенные роли, но и в постановке стратегических задач, связанных с судом над Райком в контексте продолжающейся антиюгославской кампании.

⁵ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. М.; Новосибирск, 1998. С. 179.

⁶ Документ приводится и анализируется в послесловии В. Середы к книге: Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М., 2003. С. 270.

Ласло Райк до самого конца процесса послушно играл роль, отведенную ему по сценарию. В последнем слове он осудил Тито и его «американских хозяев». Главный обвиняемый временами проявлял даже слишком большую готовность признать собственные преступления и, более того, выступить в качестве рупора для изложения официальной сталинско-коминформовской версии событий, что лишало судебную конструкцию самого минимума убедительности и заставило многих западных (и югославских⁷) наблюдателей решительно усомниться в достоверности полученных показаний, подозревая инсценировку. При этом проводились параллели с большими московскими процессами 1936–1938 гг., организованными, кстати, менее «топорно». По сообщениям западных посольств, многие венгерские коммунисты верили в невиновность Райка, который был довольно популярен в партийной среде⁸. В свою очередь, люди, далекие от партии, зачастую оставались безразличны к процессу, считая его внутренней разборкой в среде коммунистов.

Что заставляло этих людей оговаривать себя? В этом пытался позднее разобраться один из оставшихся в живых подсудимых, бывший зав. отделом печати МИД Венгрии и талантливый публицист Бела Сас в известной книге «Без всякого принуждения», написанной и впервые опубликованной в эмиграции⁹. Несомненно, наряду с угрозами применялись и другие, более иезуитские средства — стремление сыграть на коммунистической убежденности Райка, Бранкова и др., убедить их в том, что своими признаниями они окажут неоценимую услугу коммунистическому движению. Процесс нужен был для свержения власти Тито, не подчинившегося генеральной линии Москвы, и ради этого убежденных коммунистов просили взять вину на себя ввиду сложности международной обстановки. При этом нельзя исключать, что организаторы процесса обещали сохранить подсудимым жизнь и применительно к некоторым из них, кстати, выполнили свое обещание.

В советских внешнеполитических структурах не было полной удовлетворенности проведенным показательным процессом. Сотрудник внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), курировавший Венгрию, С.Г. Заволжский, констатировав решение задачи по разоблачению Тито, вместе с тем выразил недоумение в связи с нелепостью отдельных сцен процесса, заставляющих усомниться в справедливости обвинений, а, значит, и в достоверности всей конструкции. Ему не понравилось, в частности, что некоторым подсудимым и, в первую очередь, самому Л. Райку «удалось разыграть из себя на процессе политических деятелей идейных людей. Часто Л. Райк выступал на процессе не как свидетель, а как лектор, дающий марксистский анализ про-

⁷ См.: Кимура К., Стыкалин А.С., Якименко О.А. Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь, 2016. С. 243–273.

⁸ См.: Желицки Б.Й. Трагическая судьба Ласло Райка. С. 178–179.

⁹ См.: Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса.

шедших событий. Вряд ли целесообразно было давать подсудимым политически разглагольствовать, а тем более, когда преступники начали в своих выступлениях агитировать за Советский Союз, за вождя трудящихся М. Ракоши и т.д. Средний человек, слушая такое выступление, мог подумать, что это инсценировка»¹⁰. Эти слова полностью подтверждают справедливость впечатлений жившего в Югославии (и воспринимавшего процесс по изложению прессы) венгерского писателя и публициста Эрвина Шинко¹¹.

Сомнений на этот счет не было и у многих восточноевропейских коммунистов. Так, в документе от 30 сентября 1949 г. зафиксировано, что чехословацкие дипломаты в частных беседах со своими румынскими коллегами рассматривали процесс по «делу Л. Райка» как инсценировку, главную роль в подготовке которой сыграли московские «эксперты». «При этом они заявляют в частных беседах, что эта инсценировка подготовлена очень плохо, что в ней не сходятся концы с концами, что ряд фактов, приводимых на процессе, явно неправдоподобны, и вообще процесс совершенно недокументирован»; большие московские процессы также могли быть инсценированными, однако там всё же фигурировали более убедительные факты¹².

Смертные приговоры Л. Райку и еще двум подсудимым, вынесенные 24 сентября, были приведены в исполнение 15 октября. Более кровожадный Фаркаш предлагал высшую меру для всех подсудимых, но более предусмотрительный Ракоши с этим не согласился, исходя из сугубо прагматических соображений, — он вынашивал замыслы новых процессов. По его мнению, в частности, Л. Бранкову и некоторым другим необходимо было сохранить жизнь в интересах дальнейшего разоблачения «клики Тито» и ее венгерской агентуры (эта задача отнюдь не считалась исчерпанной), тогда как деятелю социал-демократии П. Юстусу — для выдвижения обвинений против некоторых бывших социал-демократов, устранение которых из политической жизни Ракоши считал делом времени. Новые судебные процессы действительно состоялись в 1950–1951 гг., хотя и не были открытыми, а антиюгославская составляющая в них, хотя и присутствовала, но не была доминирующей. Что же касается октября 1949 г., то не мифический, как Ласло Райк, а вполне реальный и непримиримый враг венгерского коммунистического режима кардинал Миндсенти, за полгода до этого поносившийся министром иностранных дел Л. Райком на пресс-конференции по случаю судебного процесса, приговорившего кардинала к пожизненному заключению, мог теперь наблюдать за его казнью из окна своей тюремной камеры, что отразил впоследствии в воспоминаниях¹³.

¹⁰ Докладная записка в Секретариат Информбюро от 29 сентября 1949 г. См.: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 2. С. 231–232.

¹¹ См.: Кимура К., Стыкалин А.С., Якименко О.А. Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии.

¹² Из дневника советника посольства СССР в Югославии Г.П. Шнюкова. См.: Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953. Т. 2. М., 2002. С. 176.

¹³ *Mindszenty J. Emlékirátaim.* Budapest, 1990.

В дни процесса по «делу Райка» югославская пресса и агентство ТАНЮГ выступили с опровержением звучавших на нем обвинений в адрес белградского руководства. Так, еще накануне первого заседания суда, 15 сентября, газета «Борба» опубликовала протест 100 ветеранов югославской компартии, сражавшихся во время гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании в рядах республиканских войск, по поводу предъявленных в предварительном опубликованном судебном заключении обвинений в адрес югославских лидеров. Среди подписантов был и К. Мразович, действующий посол Югославии в СССР, находившийся в это время в Белграде. В обвинительном акте по «делу Райка» было указано, что Мразович занимался «шпионской провокационной деятельностью в Испании и затем в концлагере», был тесно связан с Райком и позже, организовав (уже в роли посла в Венгрии) тайную (на самом деле мифическую) встречу Райка с Ранковичем в октябре 1948 г., на которой будто бы обсуждался план вооруженной оккупации Югославией части венгерской территории и «физического уничтожения» отдельных членов венгерского правительства (после этой публикации Мразович был объявлен в СССР персоной *non grata*, ему было запрещено возвращение в Москву)¹⁴. Именно с обвинениями в адрес югославов был связан наиболее серьезный «прокол» на показательном процессе — в ходе выступлений обвиняемых, в том числе самого Райка, был назван ряд членов КПЮ, которые якобы воевали вместе с Райком в Испании, хотя на самом деле их там не было. Речь идет в первую очередь о видном деятеле компартии, а позже Союза коммунистов Югославии, многолетнем члене ее руководства Светозаре Вукмановиче (известном также по партийной кличке Темпо)¹⁵. Всё это не только давало югославам повод для громких протестов, но и указывало лишний раз на явную надуманность обвинений, направленных на то, чтобы подлить масла в огонь антиюгославской истерии. Именно в таком ключе и комментировала процесс по делу Райка западная и югославская пресса.

Между тем проявленная Ракоши инициатива организации большого судебного процесса по «делу Райка», видимо, прибавила ему самоуверенности — амбициозный венгерский коммунистический политик претендовал на главную роль в проведении антиюгославской кампании в масштабе всей Восточной Европы, во всяком случае рассчитывал стать «первой скрипкой» в дирижируемом Сталиным оркестре. С этим были связаны направленные им уже в июле 1949 г. «для информации» в Прагу и Варшаву лидерам соответствующих компартий показания на некоторых видных функционеров этих партий, выбитые из Райка и других подсудимых. Так, чехам был пре-

¹⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. С. 216–217.

¹⁵ «Прокол» с Вукмановичем, ставивший под сомнение правдоподобность всей конструкции, надолго запомнился советской партийной элите. Об этом можно судить по докладу Н.С. Хрущева на июльском Пленуме ЦК КПСС 1955 г., посвященному поездке в Белград государственной делегации СССР в целях нормализации советско-югославских отношений (См.: Исторический архив. 1999. № 2. С. 42).

доставлен список из 65 (!) человек, включая двух членов Политбюро ЦК компартии Чехословакии (КПЧ), министров внутренних дел, обороны и иностранных дел (соответственно, В. Носека, Л. Свободу и В. Клементиса), редактора газеты «Руде право» и др., тогда как в «польском» списке фигурировал даже попавший к этому времени в опалу виднейший деятель польского коммунистического движения В. Гомулка. Некоторые из этих показаний были действительно впоследствии востребованы в острой и подчас кровавой внутривнутрипартийной борьбе, особенно в Чехословакии (например, против В. Клементиса, арестованного в 1950 г. и казненного в 1952 г., хотя и в рамках судебного процесса не антиюгославской, а антисоциалистской направленности). Однако в самый канун суда над Райком попытка Ракоши взять на себя слишком большую роль, замахнувшись на политические фигуры первого ряда без согласования с руководителями соответствующих партий, вызвала недовольство в «братских партиях». Об этом свидетельствует, в частности, инцидент, произошедший в ходе контактов венгерских и чехословацких коммунистов.

3 сентября 1949 г., за неполные две недели до начала суда, в Прагу с письмом Ракоши президенту Чехословакии коммунисту К. Готвальду был послан функционер ВПТ З. Биро, близкий родственник Ракоши. Целью посылки особо секретного письма было подготовить чехословацких коммунистов к тому, что на открытом процессе по «делу Райка» могут всплыть имена многих видных работников КПЧ в качестве югославских и англо-американских шпионов. Чехи узнали еще в июле о том, что в ходе следствия выявляется компромат на членов КПЧ, однако теперь речь шла уже не просто о компромате, а об открытом разоблачении чехословацких коммунистов, осуществляемом вне контроля руководства КПЧ. По сути Ракоши предпринял шантаж лидеров КПЧ (с которыми имел свои давние счеты¹⁶), требуя заменить неугодных ему функционеров, «мешающих нам в работе». Речь шла о том, что венграм трудно вести совместную работу с Чехословакией как по линии МВД, так и по линии МИД, поскольку приходится передавать секретные сведения, которые тут же могут оказаться на столе у американцев¹⁷. Лидер ВПТ, таким образом, не просто советовался, а ставил

¹⁶ Планы выселения этнических венгров из Словакии, в целом поддерживавшиеся и КПЧ, входившей в правящую коалицию, привели к резкому осложнению отношений компартий двух соседних государств в 1945–1946 гг., трения между партиями сохранялись и позже. См.: Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. М., 2017.

¹⁷ По той же самой причине Ракоши, по его собственному признанию советским эмиссарам, в период подготовки «дела Райка» отказывался посылать сколько-нибудь секретную информацию в канцелярию Информбюро в Бухарест, поскольку полагал, что работавший там в газете «За прочный мир, за народную демократию» итальянский коммунист Дж. Пайетта («американский шпион», по его представлениям) тут же сделает ее достоянием западных спецслужб (РГАСПИ. Ф. 575. Оп. 1. Д. 95. Л. 209–210). Хотя арест Райка уже не был после июньского пленума ЦК ВПТ секретом, преждевременного разглашения деталей фабрикуемого судебного дела Ракоши явно не хотел.

руководителей компартии соседней страны перед фактом того, что вскоре на некоторых из них публично прозвучит громкий компромат, а во избежание неминуемого в таких случаях замешательства лучше еще до начала процесса по делу Райка арестовать генерала Свободу и еще ряд лиц, не внушающих официальному Будапешту доверия. Готвальд, разумеется, счёл унижительной саму идею, раздраженно предложив З. Биро передать Ракоши пожелание организовать процесс таким образом, чтобы он был ограничен только венгерскими и югославскими делами. В сценарий суда пришлось внести некоторые коррективы. В этой ситуации Ракоши донес в Москву о том, что чехи недооценивают международное значение «дела Райка», не хотят помочь в его осуществлении и считают, что венгры хотят втянуть их в какую-то подозрительную авантюру, чтобы облегчить свое собственное положение¹⁸. Позже, в марте 1950 г., венгерский лидер снова жаловался советскому представителю на то, что на все попытки венгерских властей указать, «что в правительстве и в руководстве коммунистической партии Чехословакии находятся шпионы и провокаторы, чехословацкие друзья не реагируют»; «венгерские власти передали чехословацким товарищам избыточный материал на министров иностранных дел, обороны и внутренних дел, однако мер никаких не принимается»¹⁹. В беседах с эмиссарами ВКП(б) Ракоши не мог не признать, что в результате его активности в деле разоблачения «шпионов» в рядах КПЧ отношения Венгрии с Чехословакией снова ухудшились²⁰, однако демонстрация Сталину и его окружению своей лояльности и решимости в борьбе с «титовистами» оставалась для него задачей более приоритетной. Даже свое пребывание в декабре 1949 г. в Москве на торжествах по случаю 70-летия Сталина Ракоши использовал не только для хвастливых высказываний о том, что «все должны учиться у венгров, как надо громить врага», но и для того, чтобы напомнить советским руководителям о присутствии сильной и до сих пор неразоблаченной титовской агентуры в Чехословакии²¹.

Вынесение смертных приговоров по «делу Райка» 24 сентября 1949 г. привело к дальнейшей эскалации напряженности в отношениях между Югославией и Венгрией, как и другими странами формирующегося советского блока. Правительство Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) отреагировало на приговоры нотой от 24 октября²². Сама риторика венгерской ответной ноты от 26 сентября отражала не только крайнюю степень напряженности в двусторонних отношениях, но и следование установкам Москвы на еще большее раздувание конфликта. Как

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1362. Л. 9–16.

¹⁹ Там же. Ф. 575. Оп. 1. Д. 141. Л. 31.

²⁰ Там же. Л. 147–149.

²¹ Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 8.

²² Там же. Д. 1152. Л. 18–22.

утверждалось в документе, судебный процесс по делу «группы предателей венгерского народа» со всей неопровержимостью доказал, что подстрекателями заговора, направленного на ликвидацию ВНР и восстановление фашистского режима, выступали руководящие лица Югославии, что может быть расценено не иначе как беспрецедентный политический бандитизм. Ядро теперешнего руководства страны выступало сначала «агентурой гестапо», позже перешло на службу «англо-американским шпионским организациям», превратившись в конце концов в «штурмовой отряд империалистических поджигателей войны». Для проведения указаний о свержении правительства в Венгрию с ведома Райка (о чем шеф югославской госбезопасности А. Ранкович якобы тайно договорился с ним в ходе их мифической встречи, состоявшейся в октябре 1948 г.) будто бы были направлены под видом дипломатов югославские «специалисты», обещавшие Райку и его сообщникам вооруженную помощь; именно югославская миссия, по утверждениям МИД Венгрии, явилась центром заговора, она организовала развитую шпионскую сеть, делясь при этом материалом с западными миссиями, спровоцировала ряд кровавых пограничных инцидентов и т.д. Желая покончить со сложившимся «нетерпимым положением», венгерское правительство потребовало выезда в течение 24 часов с территории Венгрии членов югославской миссии в составе 10 человек, и это требование сопровождалось характерным пожеланием о том, чтобы «шпионы и убийцы не приезжали больше в Венгрию в качестве югославских дипломатических представителей». Особенно оскорбительный характер не только для лидеров ФНРЮ, но и для всех бойцов Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) имело противопоставление героических солдат Красной армии, проливавших кровь за освобождение Белграда, югославским руководителям, которые, якобы находясь на службе американских империалистов, были озабочены не борьбой с нацизмом, а организацией в Венгрии шпионской сети²³.

В конце сентября сначала СССР, а затем и страны «народной демократии» расторгают в одностороннем порядке договора о дружбе и сотрудничестве с Югославией. Венгрия 30 сентября расторгла договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Югославией, подписанный 8 декабря 1947 г. В ноте правительства ВНР, адресованной в Белград, со ссылкой на «неопровержимые факты, фигурировавшие на суде», отмечалось, что сам договор югославское правительство в момент заключения рассматривало как простой клочок бумаги, ведь в конце 1947 г. уже всюду велась подготовка заговора против венгерской «народной демократии», а сам договор был заключен югославской стороной с подлыми намерениями, являлся только средством прикрытия подрывной деятельности. Сама речь Тито при подписании договора была якобы не более чем попыткой пустить пыль в глаза.

²³ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 18–22.

Встречаясь в те годы с югославами, венгерские руководители «тогда еще и не подозревали», что руководство этой страны проводит двуличную политику, и именно этим объяснимы прежние дружелюбные по отношению к нему заявления венгерских государственных деятелей²⁴.

В декабре 1949 г. Будапешт разорвал все экономические соглашения с Белградом и в том числе соглашение о товарообмене, срок действия которого истекал в марте 1950 г. При этом отмечалось, что заключение экономического и торгового соглашений не было с югославской стороны «подарком и милостью» в отношении Венгрии. Заклучая эти соглашения, Венгрия шла на «серьезные жертвы», согласившись на реорганизацию своей промышленности и крупные капиталовложения якобы именно в интересах югославского пятилетнего плана, т.е. руководствуясь исключительно желанием помочь югославскому народу. В Будапеште, как отмечалось в двусторонней дипломатической переписке, тогда еще не знали, что югославское правительство служило интересам не своего народа, а империалистов и заключило договор «со скрытым намерением ослабить венгерскую экономику»²⁵. Официальный Белград откликнулся на «дело Райка» и последующие антиюгославские акции, как Будапешта, так и Москвы, крайне жесткими заявлениями, в том числе об СССР как стране, экспортирующей виселицы (с намеком на преемственность «дела Райка» большим московским процессам 1930-х годов).

Западные державы реагировали на «дело Райка» и волну репрессий в Венгрии как на нарушение венгерским правительством определенных статей Парижского мирного договора 1947 г., в которых венгерской стороной брались на себя обязательства по обеспечению демократических свобод. Это нашло отражение и в дипломатической переписке 1949 г.²⁶. Вопрос

²⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 18–22.

²⁵ Там же.

²⁶ В мае 1949 г. США и Великобритания направили Венгрии вербальные ноты по поводу невыполнения ею статей мирного договора. В частности, венгерскому народу не предоставлены те права и свободы, которые он должен получить согласно статье 2 мирного договора: происходит преследование оппонентов власти, нарушается свобода слова. «Дело Райка» дало повод для новых нот. В ответных нотах (сентябрь 1949 г.) было заявлено, что венгерское правительство не видит противоречий между выполнением статьи 2 мирного договора об обеспечении свобод и предусмотренной в статье 4 борьбой против фашистских и профашистских элементов; напротив, последовательное выполнение обязательств по статье 4 является предпосылкой к тому, чтобы указанные в статье 2 права и свободы были реально обеспечены. В соответствии с аргументацией, отражавшей логику венгерской тоталитарной власти, материалы процессов по делам Миндсенти и Райка «ясно показывают, что антидемократические элементы организовали заговор с целью уничтожения завоеванных свобод и свержения демократического строя, они преследовали целью установить фашистский гнет. Венгрия не нарушает мирного договора, а напротив, действует в соответствии с его предписаниями, когда энергично подавляет подлых врагов демократии и свободы, занимающихся шпионажем и убийствами». Не ограничиваясь защитой

о нарушении Венгрией (так же как Румынией и Болгарией) статей мирных договоров, касающихся обеспечения прав человека, был поставлен и в ООН: 22 октября 1949 г. (всего через неделю после казни Л. Райка) Генассамблея приняла соответствующую резолюцию²⁷. Позиция СССР, озвученная министром иностранных дел А.Я. Вышинским, заключалась в том, что мероприятия по роспуску организаций фашистского типа и недопущению деятельности организаций, выступающих против демократических прав народа, не только не противоречат мирным договорам, но полностью им соответствуют²⁸. Попытка представить в этом контексте мнимую деятельность организованной титовской агентуры не была убедительна для представителей подавляющего большинства стран-членов ООН²⁹.

В свете процесса по «делу Райка» прежние официальные обвинения в адрес югославов, нашедшие отражение в резолюции второго совещания Коминформа (июнь 1948 г.), уже казались Сталину недостаточными. 16–19 ноября 1949 г. в Будапеште состоялось третье (последнее) совещание Коминформа, принявшее резолюцию «Компартия Югославии во власти убийц и шпионов». В ней утверждалось, что руководство Югославии установило в стране фашистскую диктатуру и является «наймитом империалистической реакции». Борьба против него была объявлена одной из важнейших задач коммунистических партий и всех «прогрессивных сил» в мире. Ставился вопрос о целесообразности создания в Югославии новой, подпольной компартии, которая была бы «революционной и интернационалистической», способной на «решительную борьбу» за освобождение «от ига узурпаторов». После третьего совещания Коминформа в странах советского блока поднялась кровавая волна репрессий, в каждой из них искали своих «Райков».

от предъявленных обвинений, МИД Венгрии переходил к контратаке, объяснив позицию Великобритании и США их враждебным отношением к независимости стран народной демократии, что проявилось в помощи их смертельным врагам (включая «клику Тито»), засылке шпионов и т.д. Не Венгрия, а сами западные державы якобы нарушают мирный договор, поддерживая «организованную антидемократическую деятельность». Согласно логике коммунистического режима, взятые Венгрией на себя при подписании мирного договора обязательства не ограничивают суверенитета страны, который будет защищаться «от всякого империалистического вмешательства». Содержалась ссылка и на проведенные под контролем однопартийной власти майские выборы 1949 г. в Госсобрание, якобы опровергнувшие тезис о том, что в сегодняшней Венгрии меньшинство осуществляет диктатуру над большинством. См.: Там же. Л. 30.

²⁷ Там же. Д. 1079. Л. 174–178.

²⁸ Там же. Л. 110. По мнению советской стороны, Генассамблея ООН вообще не компетентна рассматривать вопрос о соблюдении прав и свобод человека как относящийся исключительно к внутренней компетенции этих государств.

²⁹ Вопреки возражениям СССР было принято решение обратиться за юридическим заключением к соответствующим международным судебным инстанциям, и в 1950 г. была создана специальная юридическая комиссия для изучения толкования каждой из сторон положений мирного договора.

В Венгрии, согласно данным современных венгерских и сербских исследователей, по обвинениям ярко выраженной антиюгославской направленности были арестованы и предстали перед судом, приговорившим их к различным срокам тюремного заключения, не менее 5 тыс. человек³⁰. Гораздо большее число людей было подвергнуто административным преследованиям (включая переселения многочисленных неблагонадежных элементов, в том числе представителей южнославянских национальных меньшинств, из пограничных с Югославией районов в глубь страны). Обвинения антиюгославского характера (о мнимых связях подсудимых с агентурой Тито, сознательной подрывной деятельности в пользу Югославии) наряду с другими обвинениями включались в обвинительные заключения по целому ряду закрытых судебных процессов, в ходе которых Ракоши устранял теперь уже отнюдь не противников коммунистического режима (вроде кардинала Миндсенти), а часть коммунистической и левой элиты, стоявшей на пути утверждения его личной власти. Речь идет о процессе 1950 г. по делу бывших лидеров социал-демократии (Д. Марошана и др.), процессе 1950 г. по делу группы военных во главе с генералом Л. Шойомом, процессе 1951 г. по делу Я. Кадара, Д. Каллаи и ряда других активистов подпольной компартии в годы войны³¹.

«Дело Райка» дало толчок новым чисткам в ВПТ и очередным кампаниям по повышению бдительности³². В процессе чистки аппарата ЦК ВПТ, начатой еще в июне, вскоре после ареста Райка, из него удаляется около 50 человек³³. Не меньший масштаб приняли чистки на местах, где также усиленно выискивали неблагонадежных, проюгославских элементов. Материалы «дела Райка» заняли центральное место в пропаганде, как внутренней, так и рассчитанной на югославскую аудиторию. Заметно увеличиваются масштабы радиовещания из Венгрии на Югославию³⁴. Значимость стоявших перед агитпропом задач вновь актуализирует для Ракоши проблему качества собственной (т.е. находившейся в Венгрии) коминформовской политэмиграции, с их решением явно не справлявшейся. 31 января 1950 г. в беседе с советским эмиссаром Ракоши настойчиво просил прислать в Венгрию более компетентного руководителя местной югославской политэмиграции, а также

³⁰ Данные будапештского музея Дома террора.

³¹ Из документов, раскрывающих методы ведения этих дел, см. донесения советских советников в венгерских силовых структурах, например: Советский фактор... Т. 2. С. 360–364. Как читаем в записке министра госбезопасности В. Абакумова В. Молотову от 27 июня 1950 г. о ходе следствия по делу арестованных высокопоставленных лиц, Ракоши дал указание «вести следствие в направлении связи арестованных ... с кликой Тито». В течение одной ночи «искусственным», т.е. силовым путем от военных были получены такие показания. См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1154. Л. 46–52.

³² Этим были призваны заниматься созданные секретные отделы в структуре парткомов крупных парторганизаций. См.: РГАСПИ. Ф. 575. Оп.1. Д. 143. Л. 39.

³³ Там же. Л. 100.

³⁴ Там же. Д. 141. Л. 36.

ответственного редактора радиовещания на Югославию. Он заметил, что «нынешнее руководство югославской эмиграции в Венгрии неспособно осуществлять руководство эмиграцией, среди эмигрантов не пользуется авторитетом, и у ЦК ВПТ нет оснований ему доверять»³⁵. По словам Ракоши, он уже поднимал этот вопрос в ноябре 1949 г. в кулуарах будапештского совещания Информбюро в беседах с главой советской делегации М.А. Суловым и получил обещание, что нужные люди будут присланы. Он ставил также вопрос о более форсированном создании централизованного руководства югославской коммунистической эмиграции в масштабах всего советского лагеря. Оно должно было, по его мнению, с учетом опыта Коминтерна поддерживать связи с «истинно коммунистическим» подпольем в самой Югославии, оказывая ему помощь в организации партизанской борьбы.

В Москве такие проекты, безусловно, прорабатывались. Рассматривавшийся в качестве потенциального лидера эмигрантского руководства югославской компартии генерал авиации П. Попивода в дни процесса Райка находился в Будапеште, присутствовал на заседаниях суда. 15 сентября, т.е. в самый канун процесса, он был принят Ракоши, говорившим ему о распыленности усилий югославской политэмиграции, недостаточной централизованности коминформовского движения, наносящей ущерб его эффективности³⁶. При следующем посещении Будапешта, зимой 1950 г., Попивода советовался с Ракоши относительно линии, которую «подлинным коммунистам и патриотам» следовало занять в ходе намеченных на март выборов в Скупщину ФНРЮ (бойкотировать ли выборы или всё же попытаться провести своих кандидатов). На встрече с югославами-коминформовцами, обосновавшимися в Венгрии, Попивода в полусерьезной форме призывал их ввиду неминуемого, по его мнению, краха титовского режима начать готовить себя к занятию ответственных должностей в Югославии³⁷. Он привел в качестве примера деятельность в московской эмиграции самого Ракоши и его венгерских соратников до 1945 г. В ходе поездок Попивода по странам «народной демократии» и его встреч с эмигрантскими группами в полной мере проявлялись его политические амбиции. Так, в одной из бесед он выразил надежду на то, что уже весной 1950 г. будет создано, наконец (эту идею поддерживал и Ракоши), единое руководство всей югославской коммунистической эмиграции и его, Попивода, признают в качестве полномочного представителя Югославии в Информбюро — тогда у него будет иной политический вес и можно будет по-другому ставить вопросы, в частности, перед руководством Румынии, на территории которой функционировали

³⁵ РГАСПИ. Ф. 575. Оп.1. Д. 141. Л. 31–32. Такое же мнение существовало и в аппарате Коминформа (Там же. Д. 160. Л. 39).

³⁶ Там же. Д. 95. Л. 209–210.

³⁷ Там же. Д. 160. Л. 39.

основные коминформовские структуры³⁸. Москва, однако, не торопилась с повышением статуса Попиводы, а тем более с созданием альтернативного ЦК КПЮ и эмигрантского правительства; очевидно, в окружении Сталина осознавали слабый политический потенциал как самого Попиводы, так и всей его команды. Вопрос о провозглашении новой КПЮ и избрании ее ЦК не был решен ни на одной из проведенных в 1950–1952 гг. конференций югославской политэмиграции, функционировавшей в масштабе всего советского блока. Перед коминформовцами, обосновавшимися в Венгрии, Попивода и далее мог позиционировать себя всего лишь как руководитель координационного центра югославских революционных эмигрантов. Не имел статуса партии и образованный вскоре после смерти Сталина, на исходе антиюгославской кампании, так называемый «Союз югославских патриотов по освобождению народов Югославии от фашистского гнета клики Тито-Ранковича и империалистической неволи», возглавлявшийся всё тем же генералом Попиводой.

«Дело Райка» и решения третьего совещания Коминформа создали самый благоприятный фон для идеологического наступления в области духовной культуры, направленного на устранение любых проявлений марксистской и левой мысли, не совпадавших с идеологией ортодоксального сталинизма. Дирижировал этой кампанией главный идеолог партии Й. Реваяи, входивший в ближайшее окружение Ракоши. В 1950 г. ликвидируется целый ряд литературно-общественных журналов, в том числе журнал «народных писателей», близких к национальной крестьянской партии, «Válasz» («Ответ»), вокруг которого группировались крупные литераторы, публицисты, ученые-гуманитарии, деятели культуры, в том числе классик национальной литературы Д. Ийеш³⁹. Если левые «народники» обвинялись в национализме, то один из крупнейших философов-марксистов XX в. Д. Лукач — «в буржуазном космополитизме». Редактируемый им журнал «Fórum» закрывается. 11 июля 1949 г. в процессе подготовки «дела Райка» Фаркаш в беседе с эмиссаром ВКП(б) С. Заволжским не скрывал своих планов: «После окончания “дела о Райке”... возьмемся за идеологические вопросы. Прежде всего мы должны разоблачить идеалиста и космополита — Лукач Дьердь. С этой целью в центральной газете и теоретическом органе партии будет напечатано несколько статей по различным теоретическим вопросам. Затем будет вынесено решение Политбюро. Все трудности состоят в том, что у нас очень мало подготовленных теоретически товарищей»⁴⁰. В начале осени в венгерской прессе была развязана кампания критики философских и эстетических концепций Лукача, возымевшая

³⁸ РГАСПИ. Ф. 575. Оп.1. Д. 160. Л. 38.

³⁹ Всего по политическим мотивам в Венгрии в этот период было закрыто более 80 печатных изданий.

⁴⁰ Там же. Д. 188. Л. 148.

международный резонанс. Инициировавшая ее статья Л. Рудаша вышла в свет в теоретическом журнале ВПТ «Társadalmi Szemle» («Общественное обозрение») буквально в дни суда над Райком⁴¹. Сам Лукач в день казни Райка находился в Риме на философском форуме, организованном итальянской компартией. Не пойдя по пути выдающегося леволиберального политика М. Каройи, окончательно порвавшего в те дни с венгерским коммунистическим режимом и навсегда оставшегося в эмиграции, он сделал иной выбор, в целом поддержав в своих интервью западным журналистам политику правящей партии, что не уберегло его, однако, от последующих гонений⁴².

Вследствие процесса по «делу Райка» резко возросла напряженность на венгерско-югославской границе⁴³. Один из инцидентов произошел вскоре, 26 октября, когда группа югославских пограничников продвинулась на венгерскую территорию, началась перестрелка. С точки зрения властей ВНР, выступивших с официальным заявлением, этот инцидент был специально инсценирован для того, чтобы дать возможность югославскому представителю в ООН А. Беблеру (фигурировавшему на процессе Райка в качестве «троцкистского провокатора») выступить с очередной «провокационной речью» с трибуны ООН⁴⁴. Этот инцидент, далеко не единственный в своем роде, широко использовался в пропаганде против титовской Югославии⁴⁵.

⁴¹ См. подробнее: *Стыкалин А.С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М., 2001; Он же. Дёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. 2009. №1.*

⁴² См. более поздний, относящийся к 1969 г. отзыв Лукача о Райке и его «деле» 1949 г. По мнению крупнейшего философа, процесс был прежде всего организованной Ракоши превентивной акцией, направленной на нейтрализацию серьезного соперника, не просто сильного в аппаратных играх, но обладавшего реальным влиянием и реальной поддержкой в пролетарской среде. См.: *Lukács György. Curriculum vitae. Budapest, 1982. 310 o.*

⁴³ См.: *Хорняк А. Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва И.В. Сталина и Й. Броза Тито // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь, 2016. С. 209–222.*

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 33–34. См. также в тенденциозном изложении Ракоши в его мемуарах: *Исторический архив. 1997. № 3.*

⁴⁵ При этом давалось следующее объяснение причин таких инцидентов: содержание полумиллионной армии налагает невыносимое бремя на нищенствующий югославский народ, в то время как янычары Тито купаются как «сыр в масле». Такими инцидентами руководители страны стремятся создать впечатление, что Югославии угрожает нападение извне, для отражения его необходима большая армия, а потому народу неизбежно придется нищенствовать и голодать. Другая цель — добиться того, чтобы американцы предоставляли помощь своим попавшим в затруднительное положение вассалам. Но те, в свою очередь, не торопятся оказывать помощь, зная о непрочности господства Тито. Такими пограничными инцидентами «попрошайничающий Тито побуждает к новым милостыням своих хозяев, которые держат его и его правительство как цепных собак в своих руках» (РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 35). Те же риторические фигуры о югославском народе, пребывающем в нищете, в то время как «янычары Тито купаются в молоке и масле», имелись и в речи Ракоши в присутствии главы советской делегации,

Антиюгославская линия в пропаганде ВПТ оставалась магистральной на протяжении нескольких последующих лет, о чем можно судить не только по прессе, но и по системе политпросвещения. Согласно инструкциям министерства просвещения, организаторов выставок призывали показывать, насколько изменилась в позитивную сторону жизнь венгерского народа в сравнении с югославским народом, «стонущим под гнетом клики Тито», тогда как клубным работникам на селе предписывалось шире использовать в художественной самодеятельности сатирические частушки, разоблачающие югославского лидера⁴⁶.

Официальная историческая наука получает заказ пересмотреть роль командования НОАЮ, которую отныне было принято трактовать как силу, якобы обслуживавшую вермахт, гасившую антифашистские настроения в партизанской среде и сознательно препятствовавшую освобождению Белграда Красной армией⁴⁷. Политическая конъюнктура, таким образом, требовала, чтобы миллионы людей «забыли» о том, на чьей стороне воевала НОАЮ под предводительством маршала Тито. Оказывается, вся освободительная борьба народов Югославии была чистейшим обманом, никакого вооруженного сопротивления якобы не было, одна имитация, ведь во главе его стояли не антифашисты, а лица, якобы действовавшие по приказу гестапо. На самом деле эффективность такого рода пропаганды не была высока, ведь прошло всего четыре года после окончания Второй мировой войны, еще не зажили раны и были совершенно свежи у всех воспоминания о войне и раскладе сил на полях сражений. Для того, чтобы объявить Тито и его окружение союзниками нацистской Германии, надо было оскорбить миллионы живых участников героической эпопеи, назвав их в лучшем случае слепыми жертвами гитлеровской провокации, и фальсифицировать

члена Политбюро ЦК ВКП(б) маршала К.Е. Ворошилова на торжествах в апреле 1950 г. по случаю пятилетия завершения освобождения Венгрии Красной армией: «С помощью террора, превзошедшего гестаповский, они преследуют самых верных борцов за югославскую народную свободу и как цепные собаки по первому кивку своих империалистических господ они готовы броситься на соседние мирные народы, строящие социализм. Процессы по делу Райка и Костова во всей наготе показали это и осветили подлые планы этой фашистской шпионской банды» (Там же. Ф. 74. Оп. 2. Д. 60. Л. 60). Вся эта антититовская риторика в полной мере поддерживалась и приезжавшими в Венгрию высокопоставленными советскими посланцами. Так, Ворошилов говорил о том, что империалистам с помощью «шпионов из фашистской клики Тито-Ранковича удалось временно перетащить в свой дурно пахнущий лагерь Югославию», после этого титовцы нанесли предательский удар в спину и греческому освободительному движению. Народы Югославии, по представлениям маршала, «обречены на голод, нищету и лишения, которых они не испытывали и в самые мрачные прошлые времена» (Там же. Л. 38).

⁴⁶ Póth P. A kollektivizálás szolgálatában álló kultúrpolitika // Tanulmányok a szocialista mezőgazdaság kialakulásáról. Budapest, 1988. 520, 528 o.

⁴⁷ Конкретные примеры таких трактовок в венгерской историографии начала 1950-х годов см. в венгерской главе книги: Марксизм и историческая наука в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (1870-1965). М., 1993.

всю историю Второй мировой войны, поставив фундаментальные вещи с ног на голову. Даже в Венгрии (стране с иным восприятием войны, где вследствие содействия нацистской Германии пересмотру неприемлемого для миллионов венгров Трианонского договора так и не удалось создать массовое движение сопротивления) хорошо осознавались вся лживость и фарсовость объявления Тито нацистским агентом — ведь о том, на чьей стороне воевала НОАЮ, венгры знали не из газет, а на основе собственного, пережитого и весьма драматического опыта. Контр-эффективность антиюгославской пропагандистской кампании в том виде, в каком она проводилась, осознавалась и в окружении Сталина. Позже Н.С. Хрущев на закрытых партийных форумах неоднократно называл в качестве наглядного примера неразумной сталинской внешней политики именно абсурдные обвинения в адрес югославы (как можно было обвинять их в том, что они воевали на стороне Германии, хотя всем известно, что уж они-то сражались с фашистами так, как «дай Бог каждому», говорил он, в частности, на майском пленуме ЦК КПСС 1958 г.⁴⁸).

На протяжении всех лет советско-югославского и венгерско-югославского конфликта остро стояли спорные пограничные вопросы. Для урегулирования некоторых из них⁴⁹ югославская сторона предложила организовать смешанную комиссию с участием топографов и геодезистов. В Будапеште запрашивали мнение Москвы, «будет ли политически целесообразно с точки зрения международной ситуации сидеть в настоящее время за одним столом с югославами даже по такому сравнительно незначительному вопросу»⁵⁰. Вопросы были решены лишь после 1953 г.

Югославы, опасаясь провокаций, пододвинули к границе с Венгрией дополнительные воинские соединения. С обеих сторон границы было сосредоточено большое количество войск и боевой техники, что только увеличивало угрозу военного конфликта. Выстраиваются мощные линии заградительных технических сооружений⁵¹. Венгерское правительство попросило СССР увеличить советский воинский контингент, находившийся на территории Венгрии в соответствии с Парижским мирным договором 1947 г. для поддержания коммуникаций с советской зоной оккупации в Австрии, и эта просьба была выполнена. Численность венгерской армии также увеличивается, вопреки положениям мирного договора, более чем

⁴⁸ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 318. Л. 31–36.

⁴⁹ Один из них был связан с принадлежностью небольшого острова на р. Мура, где Венгрия разместила военное сооружение. Югославы в ноте от 4 января 1952 г. ставили вопрос о выводе венгерских солдат с этого острова, принадлежащего Югославии. См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1152. Л. 138.

⁵⁰ Там же. Л. 135.

⁵¹ См. подробно об этом: *Orgoványi I. Border Defence on Southern Hungary (1948–1953) // Big Brother's Miserable Little Grocery Store. Studies on the History of the Hungarian Secret Services after World War II. Budapest, 2012. P. 153–170.*

в половину — до 120 тыс. человек, на вооружении находилось 700 боевых машин (правда, наиболее квалифицированные генералы были к началу 1950-х годов репрессированы, их места заняли люди более низкой квалификации). Очень большое внимание в обстановке антиюгославской истерии уделялось военной подготовке венгерской молодежи. Наряду с антиюгославской кампанией фактором, предопределившим резкое увеличение государственных расходов как на вооружение, так и на боевую подготовку армии и гражданского населения, явилась начавшаяся в 1950 г. война в Корее, с которой связывали опасения перерастания локального военного конфликта в крупномасштабный межблоковый. В сентябре 1950 г. Ракоши был принят Сталиным, призвавшим венгерского коммунистического лидера уделить основное внимание состоянию вооруженных сил и повышению их обороноспособности⁵². В январе 1951 г. состоялось известное совещание у Сталина лидеров компартий и министров обороны стран советской сферы влияния в Восточной Европе, на котором каждой из стран были навязаны завышенные показатели расходов на тяжелую индустрию (особенно ее оборонные отрасли), что легло тяжким бременем на население⁵³. Вкладывая большие средства не только в оборонную промышленность, но и в военную подготовку молодежи, тоталитарная коммунистическая власть по иронии истории сама готовила себе могильщика. Молодые венгры, получившие в условиях антиюгославской истерии начала 1950-х годов профессиональные навыки воинского дела, прекрасно проявили свое умение на практике в ходе венгерского восстания осенью 1956 г.

Таким образом, интенсивное многостороннее сотрудничество Венгрии и Югославии, в полном объеме наладившееся как раз к весне 1948 г., в течение считанных месяцев уступило место с обеих сторон растянувшимся на несколько лет крупномасштабным идеологическим акциям разоблачительной направленности, осуществлявшимся в соответствии с актуальным политическим заказом. Нанесенные при этом Югославии психологические травмы оказались настолько тяжелыми, что весьма затруднили новый процесс взаимного сближения, очень медленно начавшийся со второй половины 1953 г., вскоре после смерти Сталина⁵⁴. В неминувости нового поворота на югославском направлении с каждым годом могло быть всё меньше сомнений, как в Будапеште, так и в Москве. Ведь чем ожесточеннее становилась антиюгославская кампания, тем сильнее консолидировалось на основе поддержки власти Тито и его команды весьма проблемное многонациональное югославское общество, «забыв» на время об острых межэт-

⁵² См. запись беседы посла СССР Е.Д. Киселева с членом Политбюро ЦК ВПТ Э. Герё от 29 сентября 1950 г.: Советский фактор... Т. 2. Док. 140.

⁵³ Его описывает и Ракоши в своих мемуарах: Исторический архив. 1997. № 5-6.

⁵⁴ См.: *Стыкалин А.С.* Советско-югославское сближение (1954 — лето 1956 гг.) и внутриполитическая ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002. С. 323-345.

нических распрях и взаимных сербо-хорватских и прочих обидах. Сам Сталин потерял интерес к Коминформу, видимо, осознав его неэффективность в деле достижения главной своей цели — искоренения югославского вызова, чреватого опасной для Москвы децентрализацией мирового коммунистического движения. После ноября 1949 г. большие совещания Коминформа не созывались, а после ноября 1950 г. не заседал и его секретариат. Деятельность аппарата Информбюро, чем далее, тем более, сводилась к выполнению функций второстепенного механизма обеспечения Москвы информацией и к изданию всё менее влиятельной газеты «За прочный мир, за народную демократию», вяло пережёвывавшей прежние стереотипные обвинения в адрес «предательской клики» Тито. Незавидной оказалась и судьба коминформовской политэмиграции, оказавшейся совершенно не у дел уже в 1954 г.

С другой стороны, под давлением Москвы, взявшей курс на сближение с Белградом, режим Ракоши уже осенью 1955 г. сначала признает несправедливость прозвучавших на процессе по «делу Райка» антиюгославских обвинений, а весной 1956 г. реабилитирует самого Райка. На волне XX съезда КПСС его мифологизированный образ стал одним из символов венгерской десталинизации, а торжественное перезахоронение его останков 6 октября (когда многие тысячи людей вышли на улицы, почувствовав в себе достаточно сил для открытого сопротивления диктатуре) по сути явилось прологом венгерской революции, потрясшей сами основы коммунистической власти.

Даже самый последовательный в постсталинском руководстве сторонник сохранения преемственности прежнему курсу В.М. Молотов прямо признал на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г.: лобовая атака на Югославию потерпела крах, югославское руководство оказалось «крепким орешком», устояв перед напором, а потому необходимо отказываться от прежней, не оправдавшей себя тактики и восстанавливать нормальные отношения с Югославией на уровне стандартных отношений с «буржуазным государством»⁵⁵. Внести раскол в югославское общество по большому счету не удалось, процесс по «делу Райка», как и вся антититовская кампания, явились в конечном итоге поражением Сталина, продемонстрировав всему миру его неспособность решить поставленную задачу, важную для сохранения Москвы в качестве единственного центра мирового коммунистического движения. Курс на нормализацию отношений с титовской Югославией становится после 1953 г. одним из приоритетных направлений советской внешней политики (а вслед за ней и внешней политики стран «народной демократии»), причем, на этом пути Москву ждали как видимые успехи, так и серьезные разочарования.

⁵⁵ См.: Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953-1956 годах. М., 2008. Глава I.

Литература

1. Венгерское национальное меньшинство в Чехословакии в контексте межгосударственных отношений. Документы и материалы. 1944–1951 гг. / Сост.: д.и.н. Г.П. Мурашко, С.М. Слоистов. М.: РОССПЭН, 2017.
2. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953). М.: РОССПЭН, 2002.
3. Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 2. 1944–1953 / Отв. ред. Г.П. Мурашко. М.; Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
4. Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008.
5. Желицки Б.Й. Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2, 3.
6. Исторический архив. 1997. № 5–6.
7. Исторический архив. 1999. № 2.
8. Кимура К. Под знаком дунайского содружества. Венгерско-югославские культурные связи в 1945–1948 гг. // Славяноведение. 2010. № 5.
9. Кимура К., Стыкалин А.С., Якименко О.А. Дело Райка 1949 г.: взгляд из Югославии // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016.
10. Кимура К., Стыкалин А.С. Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории / Редакционная коллегия: д.и.н. Т.В. Волокитина, к.и.н. Л.С. Анисеев (отв. ред.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
11. Кимура К., Стыкалин А.С. Венгрия и Югославия в 1945 г.: поиски путей преодоления противоречий между недавними военными противниками // Славянский мир в третьем тысячелетии. Ратный подвиг и мирный труд в истории и культуре славянских народов / отв. ред. Е.С. Узенёва. М.: Институт славяноведения РАН, 2015.
12. Петров Н.В. По сценарию Сталина: роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2011.
13. Сас Б. Без всякого принуждения. История одного сфабрикованного процесса. М.: Комментари, 2003.
14. Советский фактор в Восточной Европе, 1944–1953. Т. 2. 1949–1953 гг. / ред. коллегия тома: Т.В. Волокитина (отв. ред.), Г.П. Мурашко, О.В. Наумов, А.Ф. Носкова, Т.В. Царевская. М.: РОССПЭН, 2002.
15. Стыкалин А.С. Дёрдь Лукач как литературовед, философ и политик: взгляд из Москвы в 1940–1970-е годы // Вопросы литературы. 2009. №1.
16. Стыкалин А.С. Дьердь Лукач — мыслитель и политик. М.: Степаненко, 2001.
17. Стыкалин А.С. Советско-югославское сближение (1954 – лето 1956 гг.) и внутривосточная ситуация в Венгрии // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века / отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 2002.

18. Хорняк А. Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва И.В. Сталина и Й. Броза Тито // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Вып. II. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2016.
19. Lukács György. Curriculum vitae. Budapest: Magvető K., 1982.
20. Mindszenty J. Emlékirátaim. Budapest: Hunikum, 1990.
21. Orgoványi I. Border Defence on Southern Hungary (1948–1953) // Big Brother's Miserable Little Grocery Store. Studies on the History of the Hungarian Secret Services after World War II / eds: G. Gyarmati and M. Palasik. Budapest: L'Harmattan, 2012.
22. Póth P. A kollektívizálás szolgálatában álló kultúrpolitika // Tanulmányok a szocialista mezőgazdaság kialakulásáról / szerk. Orbán Sándor, Pölöskei Ferenc. Budapest: MSZMP KB TTI: ELTE, 1988.

References

1. Edemsky, A.B., 2008. *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 godakh*. Moscow: Nauka.
2. *Istoricheskii arkhiv*, 1997, 5–6.
3. *Istoricheskii arkhiv*, 1999, 2.
4. Khorniak, A., 2016. Vengero-iugoslavskaiia pogranichnaia polosa v gody razryva I.V. Stalina i I. Broza Tito. *Rossiiia i Vengriia na perekrestkakh evropeiskoi istorii*. Вып. II. Stavropol': Izd-vo SKFU.
5. Kimura K., 2010. Pod znakom dunaiskogo sodruzhestva. Vengersko-iugoslavskie kul'turnye sviazi v 1945–1948 gg. *Slavianovedenie*, 5.
6. Kimura K., Stykalin A.S., Iakimenko O.A., 2016. Delo Raika 1949 g.: vzgliad iz Iugoslavii. *Rossiiia i Vengriia na perekrestkakh evropeiskoi istorii*, vyp. II. Stavropol': Izd-vo SKFU.
7. Kimura, K., Stykalin, A.S. 2015. Vengriia i Iugoslaviia v 1945 g.: poiski putei predoleniia protivorechii mezhdru nedavnimi voennymi protivnikami. In: Uzeneva E.S. ed, 2015. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii. Ratnyi podvig i mirnyi trud v istorii i kul'ture slavianskikh narodov*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
8. Kimura K., Stykalin A.S., 2017. Vengersko-iugoslavskie otnosheniia na rubezhe 1940–1950-kh gg.: ot primireniia nedavnikh vragov k mezhgosudarstvennomu konfliktu. In: Anikeev, A.S., Volokitina, T.V. eds, 2017. *Moskva i Vostochnaia Evropa. Sovetsko-iugoslavskii konflikt i strany sovetskogo bloka, 1946–1953 gg. Ocherki istorii*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
9. Lukács, G., 1982. *Curriculum vitae*. Budapest: Magvető K.
10. Mindszenty, J., 1990. *Emlékirátaim*. Budapest: Hunikum.
11. Murashko, G.P. ed., 1998. *Vostochnaia Evropa v dokumentakh rossiiskikh arkhivov. T. 2. 1944–1953*. Moscow; Novosibirsk: Sibirskii khronograf.
12. Murashko, G.P., Sloistov, S.M. eds, 2017. *Vengerskoe natsional'noe men'shinstvo v Chekhoslovakii v kontekste mezhgosudarstvennykh otnoshenii. Dokumenty i materialy. 1944–1951 gg*. Moscow: ROSSPEN.
13. Orgoványi, I., 2012. Border Defence on Southern Hungary (1948–1953). In: Gyarmati, G. and Palasik M. eds, 2012. *Big Brother's Miserable Little Grocery Store. Studies on the History of the Hungarian Secret Services after World War II*. Budapest: L'Harmattan.

14. Petrov, N.V., 2011. *Po stsenariiu Stalina: rol' organov NKVD–MGB SSSR v sovetizatsii stran Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy. 1945–1953 gg.* Moscow: ROSSPEN.
15. Póth, P., 1988. A kollektivizálás szolgálatában álló kultúrpolitika. In: Orban, S., Pölöskei, F. szerk., 1988. *Tanulmányok a szocialista mezőgazdaság kialakulásáról.* Budapest: MSZMP KB TTI: ELTE.
16. Sas, B., 2003. Bez vsiakogo prinuzhdeniia. Istoriia odnogo sfabrikovannogo protsessa. Moscow: Kommentarii.
17. Stykalin, A.S., 2001. György Lukács — *myslitel' i politik.* Moscow: Stepanenko.
18. Stykalin, A.S., 2002. Sovetsko-iugoslavskoe sblizhenie (1954 — leto 1956 gg.) i vnutripoliticheskaia situatsiia v Vengrii. In: Litavrin, G.G. ed., 2002. *Chelovek na Balkanakh v epokhu krizisov i etnopoliticheskikh stolknovenii XX veka.* Saint Petersburg: Aleteiia.
19. Stykalin, A.S., 2009. György Lukács kak literaturoved, filosof i politik: vzgliad iz Moskvy v 1940–1970-e gody. *Voprosy literatury*, 1.
20. Volokitina T.V., Murashko G.P., Noskova A.F., Pokivailova T.A., 2002. *Moskva i Vostochnaia Evropa. Stanovlenie politicheskikh rezhimov sovetskogo tipa (1949–1953).* Moscow: ROSSPEN.
21. Volokitina, T.V., Murashko, G.P., Naumov, O.V., Noskova, A.F., Tsarevskaia, T.V. eds, 2002. *Sovetskii faktor v Vostochnoi Evrope, 1944–1953.* T. 2. 1949–1953 gg. Moscow: ROSSPEN.
22. Zseliczky, B.I., 2001. Tragicheskaia sud'ba Laslo Raika. Vengriia 1949 g. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2, 3.

К 50-ЛЕТИЮ МАРТОВСКИХ СОБЫТИЙ 1968 Г. В ПОЛЬШЕ

**Ольга Николаевна Майорова
(1952–2018) –**

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва

Аннотация

В статье анализируются причины мартовских событий 1968 г., отмечается, что коммунистические власти, используя студенческие протесты, начали антиинтеллигентскую и антисемитскую кампанию, причиной которой была фракционная борьба в руководстве Польской объединенной рабочей партии.

Ключевые слова

Польша, мартовские события 1968 г., студенческие протесты, антисемитская кампания.

ON THE FIFTIETH ANNIVERSARY OF MARCH, 1968 EVENTS IN POLAND

**Olga N. Mayorova
(1952–2018) –**

PhD, Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow

Abstract

The author analyses the causes of the March 1968 events, highlighting the Communist authorities' use of students' protests as a pretext for an anti-intelligentsia campaign and exploding the conflicts inside the Polish United Workers' Party.

Keywords

Poland, March 1968 events, student protests, anti-Semitic campaign.

Уже с 1964 г. для внимательных наблюдателей становилось очевидным, что политика первого секретаря ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Владислава Гомулки* утратила динамику, экономическое положение Польской народной республики (ПНР) стремительно ухудшалось, а резервы общественной поддержки для «малой стабилизации» находились на пределе. Уровень финансирования культуры и науки в Польше относился к числу самых низких среди соцстран. Всё это способствовало идейному кризису власти, идеологическому расхождению режима с собственной интеллигенцией, в первую очередь, творческой.

Неожиданно большое влияние на развитие политических событий в Польше оказала победоносная для Израиля шестидневная война с арабами в июне 1967 г. Часть поляков еврейского происхождения (в основном это была интеллигенция) открыто солидаризировалась с Израилем. Выступая 19 июня на VI конгрессе профсоюзов, В. Гомулка вслед за лидерами СССР и других соцстран осудил агрессию Израиля против арабских стран, а также поляков еврейского происхождения за поддержку этой страны. Выступление Гомулки, вопреки его собственным намерениям, стало спусковым крючком для развертывания органами госбезопасности антисемитской кампании, которая со временем переросла в антиинтеллигентскую. При этом было использовано недовольство молодых политических деятелей, продвижение которых к высоким постам перекрывало старшее поколение.

«Чистка» в партийно-государственных структурах началась с армии. По оценке польского историка Е. Эйслера, в 1967–1969 гг. были уволены в запас около 180 офицеров-евреев¹. Именно с чистки в армии, по мнению польских историков, в стране начался общественно-политический кризис, который получил название «март 1968 г.» или «мартовские события 1968 г.». Этот кризис длился с июня 1967 г. по первую декаду июля 1968 г. Его апогей пришелся на март–май 1968 г.².

С осени 1967 г. оживилась деятельность закрытых молодежных политических клубов — клуба «Бабель» при Еврейском культурном центре, Политического дискуссионного клуба при Варшавском университете, «Клуба ползучих ревизионистов». Поводом для выступления молодежи в Варшаве явилось запрещение инсценировки режиссером К. Деймеком в Национальном театре поэмы А. Мицкевича «Дзяды», в которой отдельные реплики действующих лиц воспринимались зрителями как антирусские и антисоветские. Спектакли театра приобретали характер политических демон-

* Владислав Гомулка (1905–1982) — польский партийный и государственный деятель, в 1956–1970 гг. — первый секретарь ЦК ПОРП; он стал идеологом «польского пути к социализму», предусматривавшего пересмотр аграрной политики, нормализацию отношений с католической церковью, развитие рабочего самоуправления.

¹ *Eisler J. Polski rok 1968. Warszawa, 2006. S. 512.*

² *Ibid. S. 11.*

страций. 30 января 1968 г., в связи с последним представлением «Дзядов», состоялась политическая манифестация у памятника Адаму Мицкевичу в Варшаве, 35 наиболее активных участников которой были арестованы³. Последовавшие за этим репрессии явились поводом к кампании петиций в защиту преследуемых и с требованием чрезвычайного собрания варшавского отделения Союза польских писателей.

Собрание состоялось 29 февраля 1968 г. и отличалось неслыханным радикализмом выступлений и требований. Бывший председатель Союза польских писателей А. Слонимский в своей речи повторил тезисы Л. Колаковского⁴ о забвении идеалов «Польского Октября»⁵ и выразил надежду, что судьба реформ, начатых в Чехословакии, окажется более счастливой. Участники собрания демонстративно отвергли умеренный проект и приняли резолюцию, внесенную видным «ревизионистом», литературоведом А. Киёвским. В ней, в частности, отмечалось: «В течение длительного времени... усиливается вмешательство властей, осуществляющих руководство культурной деятельностью и творчеством... Такое положение угрожает национальной культуре, тормозит ее развитие»⁶. В кругах интеллигенции опасались усиления репрессий, тем более что в средствах массовой информации велась кампания против ревизионизма, носителей которого необоснованно отождествляли — в силу национальной принадлежности некоторых из них — с сионизмом.

События в соседней Чехословакии, где по инициативе коммунистической партии развернулась борьба за демократизацию общественно-политического строя, оказали сильное воздействие на польскую молодежь, в среде которой лозунги Пражской весны стали пользоваться популярностью. Студенческий митинг 8 марта 1968 г. в Варшавском университете, ставший началом череды забастовок и волнений, собрал людей самых разных поли-

³ Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 703.

⁴ Лешек Колаковский (1927–2009) — польский философ, писатель и публицист. В 1957 г. стал главным редактором журнала «Studia Filozoficzne»; в 1959 г. возглавил кафедру истории современной философии в Варшавском университете. В 1966 г. в лекции, подводя итоги минувшего десятилетия, подверг критике политику В. Гомулки, которого упрекал в слишком медленном процессе десталинизации, указывал на отсутствие свободных выборов и свободы слова, невозможность контролировать действия правительства. Был исключен из рядов ПОРП и лишен кафедры. После мартовских студенческих протестов 1968 г. ему запретили преподавать, и он был вынужден эмигрировать.

⁵ «Польский Октябрь» — политические процессы в ПНР в 1956 г., кульминация которых пришлась на 19–24 октября; сопровождалась острым противостоянием внутрипартийных группировок в правящей ПОРП, польско-советским противоборством, резким подъемом общественной активности. Завершились сменой партийно-государственного руководства — утверждением на пост первого секретаря ЦК ПОРП В. Гомулки; привели к десталинизации и определенной либерализации режима.

⁶ Marzec '68: Między tragedią a podłością. Zbiór dokumentów. Warszawa, 1998. Dok. 22. S. 165.

тических взглядов: это движение было не «за», а «против». Манифестации проходили и в других городах. Уличные столкновения между молодежью и силами правопорядка произошли в Варшаве, Гданьске, Катовицах, Кракове, Люблине, Лодзи, Познани. На одном из собраний был принят документ, наиболее полно отражавший программные постулаты оппозиционных демократических кругов. Авторы документа (Я. Карпиньский, Я. Станишкис и др.) выдвигали требования гражданских свобод: свободы слова, печати, собраний, творчества; полноты информации, участия общества в составлении перспективных планов развития страны; действенной работы органов самоуправления и профсоюзов. Эти требования сочетались с поддержкой эгалитаристских принципов социализма, с требованиями недопущения пауперизации населения⁷.

Партийные структуры в качестве противодействия выступлениям студентов организовали митинги в поддержку курса В. Гомулки. 14 марта состоялся большой митинг в Катовице, на котором впервые за время мартовских событий с речью выступил член Политбюро ЦК ПОРП и руководитель самой крупной партийной организации в стране Э. Герек⁸. Выступления молодежи были подавлены, поддержавшая их профессура, особенно еврейского происхождения, уволена.

Реакция Польской католической церкви на мартовские события была запоздалой и по существу пассивной. Ее руководство и духовенство устали от празднования Тысячелетия церкви в 1966 г. и от изнуряющей борьбы с властью в процессе этого празднования. Правда, в марте 1968 г. примас С. Вышиньский обратился с письмом к студентам и направил специальное письмо премьер-министру Ю. Циранкевичу. В нем говорилось: «Резиновая дубинка никогда не является аргументом для свободного общества, она пробуждает самые плохие ассоциации и мобилизует общественное мнение против установленного порядка... Гарантирование гражданам Конституцией ПНР и Декларацией ООН права на честную информацию требует свободы печати, ограничения вмешательства цензуры, объективности в информировании»⁹.

Антисионистская кампания и волнения марта 1968 г. затронули те общественно-политические ценности, вокруг которых формировалось движение светских католиков — национализм и толерантность в обществе. Поэтому фракция «Знак», выражая мнение клубов католической интеллигенции, приняла два обращения к представителям высшей власти, в которых выступила против официальной позиции руководства страны. Эти

⁷ Лыкошина Л.С. Гражданское общество в Польше. Теоретические представления и социальная практика. М., 1998. С. 13.

⁸ Эдвард Герек (1913–2001) — польский политический деятель, в 1957–1970 гг. — первый секретарь Катовицкого воеводского комитета ПОРП; в 1970–1980 гг. — первый секретарь ЦК ПОРП.

⁹ Eisler J. «Polskie miesiące» czyli kryzys(y) PRL. Warszawa, 2008. S. 146–147.

действия, хотя и не перевели светских католиков в разряд явной оппозиции, обострили в конце 1960-х годов взаимоотношения движения «Знак» с властью, что явилось еще одним подтверждением кризиса «октябрьской» общественно-политической модели. Мартовские волнения ускорили процесс идейного сближения различных течений оппозиции, поскольку, во-первых, подтолкнули большую часть «ревизионистской» интеллигенции к переходу из скрытой политической оппозиции к явной, а, во-вторых, продемонстрировали, что у всех ее направлений общий враг — однопартийная диктатура, зависимая от Советского Союза. «В марте 1968 г. — декабре 1970 г. умерли надежды на обновление коммунизма, а с ними умер и ревизионизм», — писал один из лидеров демократической оппозиции Я. Куронь¹⁰ спустя несколько лет¹¹.

События марта 1968 г. были сложным явлением, отражавшим кризисные процессы в политической сфере. Это был бунт молодежи против методов осуществления власти, в котором приняли участие и молодые рабочие, и учащиеся средних школ. Эта общность поколения вытекала из факта, что «молодой рабочий и студент конца 60-х годов, эпохи позднего Гомулки, были детьми ПНР, коллегами по школе, друзьями по двору. Они слушали те же песни, ходили на те же самые фильмы, нередко читали те же самые книги (особенно более образованные)... Они имели общий культурный код»¹².

Однако партия не сделала политических выводов из мартовских событий. Оценивая их на XII пленуме ЦК ПОРП (июль 1968 г.), В. Гомулка главную причину конфликта, выступлений студентов усматривал в действиях оппозиционных сил — ревизионистских и сионистских, стремившихся, по его словам, к подрыву доверия общества к ПОРП. При этом признавалось, что характерной чертой деятельности партии явилась слабость идеологической работы, корни которой усматривались в политической пассивности интеллигенции, особенно гуманитарной, частично — в ее антикоммунистических настроениях. Гомулка придерживался весьма широкого толкования понятия «ревизионизм», утверждая, что оно выходит за строго партийные рамки и выражает антисоциалистические стремления всех правых социальных сил. Ревизионизмом он назвал и позицию католической иерархии, и выдвигавшиеся в среде экономистов идеи реформы с использованием рыночных механизмов. Под флагом борьбы с ревизионизмом развернулась борьба с «сионистскими элементами» — при этом использовался тот факт,

¹⁰ Яцек Куронь (1934–2004) — польский диссидент и государственный деятель, выдающийся представитель оппозиции властям ПНР; в 1960-е годы — деятель независимого студенческого движения.

¹¹ Подробнее см.: *Волобуев В.В.* Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. М., 2009. С. 118.

¹² O polskim Marcu 1968 roku. Z Jerzym Eislerem rozmawia Barbara Polak // *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2003. N4. S. 22.

что в числе участников мартовских событий было немало лиц еврейской национальности¹³.

Впоследствии в литературе отмечалось, в частности, что мартовские выступления студентов 1968 г. были первым массовым протестом молодежи в целом против существовавших в ПНР порядков. Их участники не ставили под вопрос основные принципы социалистического строя, однако, в отличие от молодежных выступлений 1956 г., в них просматривались и некоторые антиэгалитарные акценты¹⁴. Мартовские события вызвали брожение в рядах партии, ускорили ожидавшуюся молодежью смену кадров, однако спонтанность действий студентов и их вера в возможность перемен в партии путем давления снизу успеха им не принесли.

В этой обстановке обострилась борьба внутри ПОРП между группами, претендовавшими на занятие ведущих позиций в руководстве. Во главе одной из них, технократической, стоял уже упоминавшийся выше Э. Герек, с именем которого многие связывали определенные достижения в развитии экономики одного из важных регионов Польши — Катовицкого воеводства. Вторую, так называемую «партизанскую группу» возглавлял М. Мочар — тогдашний руководитель министерства внутренних дел. Она выступала за очищение партийного и государственного аппарата от «сионистских элементов», спекулируя на лозунгах «национального единства» и подогревая антисемитские настроения определенной части населения. Достаточно многочисленная часть интеллигенции с антидемократическими и ксенофобскими взглядами и работники партийно-государственного аппарата сознательно участвовали в антисемитской кампании для того, чтобы продвинуться по службе. Основную же часть общества и партии, среди которых существовали антиеврейские предубеждения, сторонники Мочара просто использовали в своих целях. Выступление молодежи стало для них удобным предлогом.

Мартовские события и «кадровая революция» отразили конфликт поколений. Среднее поколение, сформировавшееся во времена ПНР и ограниченное в продвижении по карьерной лестнице ввиду стабилизации ситуации в стране, опираясь на МВД и партийные структуры, стремилось сместить с руководящих постов старшее поколение польских коммунистов, используя тот факт, что многие из них имели еврейское происхождение. Вскоре чистки распространились на СМИ, вузы, Польскую Академию наук и др. За две недели кампании по осуждению сионизма было проведено 1900 партийных собраний. В результате в период между мартом и маем 1968 г. только в Варшаве были смещены со своих постов 483 лица еврейского происхождения, в том числе 365 из министерств и центральных

¹³ Польша в XX веке... С. 706.

¹⁴ *Hass L. Inteligencja polska. 1945-1980/ (Postawy i zachowania) // Dzieje Najnowsze. 2002. № 1. S. 89.*

ведомств. Мартовские события с неизбежностью повлекли за собой персональные изменения в руководстве ПОРП. Председатель Госсовета Э. Охаб и министр иностранных дел А. Рапацкий утратили свои посты в Политбюро и правительстве, М. Мочар был избран кандидатом в члены Политбюро и секретарем ЦК ПОРП. На посту министра обороны М. Спыхальского сменил поддерживаемый Мочаром и Герекком генерал В. Ярузельский¹⁵. Развернулась массовая ротация кадров в высших эшелонах власти. На V съезде ПОРП не были переизбраны в ее руководящие органы 82 человека. В результате в партии возобладали догматические тенденции, которые не могли внести ничего нового ни в деятельность ПОРП, ни в жизнь общества. По словам главного редактора еженедельника «Polityka» М. Раковского, МВД превратилось «во второй политический центр страны»¹⁶.

Средства массовой информации называли протестующих студентов «банановой», «золотой» молодежью. Лишь еженедельник «Polityka», который имел огромное влияние на польскую интеллигенцию, не принял участия в антиеврейской и антиинтеллигентской кампании. Издание спасла от разгрома «партизанами» личная защита В. Гомулки. Первому секретарю ПОРП с большим трудом удалось прервать антиссионистскую кампанию и установить контроль над аппаратом власти. Он сумел добиться временного равновесия в руководстве партии, где ни одна из группировок не получила перевеса. В апреле 1968 г. кампания официально закончилась. Однако остановить падение доверия к себе в обществе Гомулке не удалось, тем более что в январе 1969 г. состоялся процесс над вдохновителями мартовских протестов. Самые большие сроки тюремного заключения среди осужденных — по три с половиной года — получили Я. Куронь и К. Модзелевский.

После мартовских событий власти взяли под контроль и те организации, которые еще пользовались некоторой самостоятельностью. Университетская автономия по существу была ликвидирована. В Закон о высшем образовании были внесены изменения, направленные на ограничение самоуправления вузов и возрастание руководящей роли партии в жизни высших учебных заведений. Старая либеральная профессура была отстранена от руководства, ее влияние на научно-преподавательскую деятельность в вузах уменьшилось¹⁷.

Известный польский социолог Е. Вятр считает, что мартовские события положили конец либерализации, завоеванной в период «польского Октября». Наступление со стороны «партизан» было предпринято именно против «людей 1956 г.» — сторонников демократизации и независимости от

¹⁵ *Zambrowski R.* Rozważania o czterdziestolecie marca-68 // *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2008. N 3. S. 92.

¹⁶ *Rakowski M.F.* Dzienniki polityczne. 1969–1971. Warszawa, 2001. S. 301.

¹⁷ Подробнее см.: *Kochanowicz J.* Marzec 1968 i życie intelektualne Uniwersytetu // *Marzec 1968. Trzydzieści lat później*. Tom 1. Referaty. Warszawa, 1998. S. 133–141.

СССР. В свою очередь, М. Раковский называет мартовские события «малой “большой культурной революцией”, которая в области межчеловеческих отношений повернула страну вспять. Партия в разных ее звеньях приняла идеологию антисемитизма и национализма. Имя Польши было серьезно запачкано в Европе и мире...»¹⁸, — пишет он.

Март 1968 г. был предупредительным сигналом для власти об ухудшении социально-экономической ситуации и негативных изменениях в общественных настроениях в стране. Однако правящая верхушка ошибочно восприняла это предупреждение, посчитав усмирение протестов своей большой победой.

Начавшаяся в 1968 г. стагнация в развитии народного хозяйства продолжалась, рост реальной заработной платы в 1966–1970 гг. не превышал 2%, вследствие чего ПНР по экономическим показателям переместилась на последнее место среди стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ). На V съезде ПОРП (ноябрь 1968 г.) возможность применения рыночных механизмов в регулировании экономических процессов была отвергнута. Такого рода идеи, которые стали одной из составных частей реформы венгерской экономики, начавшейся в январе 1968 г., назывались «ревизионистскими концепциями некоторых экономистов». Следовательно, и этот съезд не внес принципиальных изменений в социально-экономическую политику ПОРП.

Однако мартовские события 1968 г. оставили глубокий след в польской истории последних десятилетий. Отмечая 50-летие этой даты, Сейм Польши принял специальное постановление, осудившее антиинтеллигентскую и антисемитскую кампанию, начатую коммунистическими властями вследствие студенческих протестов. В нем, в частности, говорилось: «Сейм РП (Республики Польша. — О. М.) выражает уважение всем борющимся тогда за свободу и демократию, осуждает коммунистических организаторов антисемитских преследований, а также благодарит за солидарность с преследуемыми». В документе подчеркивалось, что Сейм Польши, помня о «драматической судьбе польских евреев, которых коммунистические власти вынуждали покинуть Польшу в 1968 г., решительно протестует против каких-либо проявлений антисемитизма»¹⁹.

Мероприятия по случаю 50-й годовщины мартовских событий 1968 г. предусматривали многочисленные встречи, выставки и т.п. Так, на открытии выставки фотографии в Галерее Кордегарда в Варшаве 23 февраля 2018 г. вице-премьер, министр культуры Петр Глиньский подчеркнул, что «Март 1968 г. был общепольским общественным движением против коммунизма.

¹⁸ *Rakowski M.F. Dzienniki polityczne. 1967–1968. Warszawa, 1999. S. 401.*

¹⁹ *Sejm przyjął uchwałę o 50. rocznicy Marca '68 // TVN24 [online]. 06.03.2018. URL: <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/uchwala-o-50-rocznicy-marca-68-przyjeta-przez-sejm,820163.html> (accessed: 06.04.2018).*

Другое его измерение — это использование коммунистами антисемитской кампании для политической борьбы». Экспозиция представила каждодневную жизнь людей, которые «попали под колёса истории»²⁰.

События 50-летней давности вспоминали также гости студии TVN24 — проф. Е. Эйслер, проф. П. Спевак, Кш. Топольский и С. Блюмштайн — на встрече 4 марта 2018 г. С. Блюмштайн из «Gazety Wyborczej» подчеркнул, в частности, что Март 1968 г. был «прежде всего свободолюбивым студенческим порывом», а вся еврейская проблема была как бы «дописана» властями. Он отметил также, что поколение молодых в те годы было «не-революционизированное». «Это были дети со счастливым детством, которые воспринимали ограничения, навязывавшиеся системой, как что-то очевидное, и только Март 1968 г., эта жестокость и фальшь пробудили их». Кш. Топольский напомнил, что в марте 1990 г. обе палаты польского парламента проголосовали за то, чтобы принести извинения всем, кого изгнали из Польши в 1968–1969 гг.²¹

Президент А. Дуда на митинге в Варшавском университете 8 марта 2018 г. подчеркнул, что о событиях 1968 г. мы могли бы «смело сказать сегодня, с перспективы 50-ти лет, что это такие сладко-горькие дни, месяцы». «"Сладкий" аспект этого момента, — что были люди, имевшие отвагу сопротивляться коммунистам».

Участовавший в этих мероприятиях ректор Варшавского университета проф. М. Палыс отметил другое измерение тех событий — «постыдное поведение, человеческие драмы, внезапно прерванные карьеры». Это же подчеркивал президент, говоря о «горьком» Марте 1968 г. и сопутствовавшей ему антисемитской кампании: «Мое поколение не имеет причин просить прощения за то, что произошло в 1968 г. с поляками еврейского происхождения, которые были просто изгнаны из Польши коммунистической властью... Моя Польша не имеет причин просить прощения, но я их прошу простить поляков, простить современную Польшу». «Как жалко и как мне горько, — продолжал президент Дуда, — что вас нет сегодня с нами, что вы являетесь элитой интеллигенции, но в других странах, что являетесь успешными людьми, но в других странах... Честь и хвала героям 1968 г.»

А вице-маршал Сейма М. Кидава-Блоньская добавила, что «мы должны помнить о студентах, которые отважились протестовать, выступая за свободу, за свободу слова, за уважение другого человека, за отмену цензуры... Мы думаем также о тех, кто был вынужден уехать из страны». «Хлеб без свободы не вкусен. Этот лозунг по-прежнему важен», — подчеркнула она.

²⁰ «Marzec '68 był ogólnopolskim ruchem przeciwko komunizmowi» // TVN24 [online]. 23.02.2018. URL: <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/wystawa-z-okazji-50-rocznicy-wydarzen-macowych-z-1968-roku,817346.html> (accessed: 06.04.2018).

²¹ «Nie uciekłem ze strachu». Wspomnienia o Marcu'68 // TVN24 [online]. 04.03.2018. URL: <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/debata-o-wydarzeniach-z-marca-1968-roku,819683.html> (accessed: 06.04.2018).

Об одной из ценностей, за которые боролись студенты в марте 1968 г., говорил на том же мероприятии вице-премьер, министр науки и высшего образования Я. Говин. Это «автономия учебных заведений, отделение их высокой стеной от всех видов политического давления». Он также заверил, что «Польша — родина двух народов, польского и еврейского, никто никогда этой правды из польской истории не вычеркнет»²².

«Бунт первого поколения, родившегося и выросшего в ПНР» — такая характеристика событиям 50-летней давности была дана во время дебатов 7 марта 2018 г. в Варшавском университете. Организаторами дебатов «Март 68 г. Общепольское общественное движение против коммунизма» были Национальный центр культуры и Министерство культуры и национального наследия. Их открыл премьер-министр Матеуш Моравецкий, подчеркнувший, что Март 1968 г. для него лично является «символом дороги к свободе и солидарности, а для поляков, которые боролись за свободу, должен быть поводом для гордости, а не стыда». По его мнению, «на всё, что происходило в марте 68 г., следует смотреть сквозь призму политической, социальной и геополитической ситуации, в которой мы тогда находились... То государство не было независимым... И это нельзя не принимать во внимание... Иначе мы будем иметь дело с мифологией Марта 68 г.», — добавил премьер-министр²³.

На эти слова М. Моравецкого отреагировал один из участников событий Марта 1968 г., а в настоящее время главный редактор влиятельной «Gazety Wyborczej» А. Михник, отметив, что в определенной степени он придерживается того же мнения: гордость могут чувствовать «люди, стоявшие на стороне свободы, национальной традиции, Мицкевича», «писатели, занявшие твердую позицию в этом деле», «значительная часть университетской профессуры», «епископы, выступившие с замечательным письмом в защиту студентов», «студенты, выплюнувшие кляп и сказавшие “нет”». Зато есть повод для стыда всех тех, кто принял участие в антиинтеллигентской травле, добавил он. При этом Михник подчеркнул, что власти ПНР делали это не по рекомендации Советского Союза, и «нельзя переносить ответственность с себя на другую страну»²⁴. Попытке «перенести вину за

²² Prezydent do wypędzonych w 1968 roku: co za stratę ponosi Polska, że was dzisiaj z nami nie ma // TVN24 [online]. 08.03.2018. URL: <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/prezydent-do-wypedzonych-w-marcu-1968-roku-wybaczenie,820728.html> (accessed: 06.04.2018).

²³ Premier: dla Polaków walczących o wolność Marzec '68 powinien być powodem do dumy, a nie do wstydu // TVN24 [online]. 07.03.2018. URL: <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/morawiecki-marzec-68-powinien-byc-powodem-do-dumy-a-niedo-wstydu,820504.html> (accessed: 06.04.2018).

²⁴ Adam Michnik: nikt się nie spodziewał, że nagle całe pokolenie wypluje knebel // TVN24 [online]. 07.03.2018. URL: <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/adam-michnik-w-tak-jest-o-wydarzeniach-marca-68-i-kampanii-wladz-prl,820513.html> (accessed: 06.04.2018).

антисемитские “чистки” на Москву» воспротивилась и посол Израиля в Польше А. Азари, заявив, что «Март 68 г. имел место только в Польше»²⁵.

О явлении «мартовского антисемитизма» говорил и проф. В. Рошковский из Института политических исследований Польской Академии наук. «Это была смена поколений в партии, вытеснение более старшего поколения молодыми, “расово чистыми” аппаратчиками, которые шли под лозунгом “теперь мы”... Мы должны постоянно повторять, что разные сюжеты Марта были переплетены», — подчеркнул Рошковский.

В ходе дебатов высказывалась идея о смысле отмечать исторические годовщины, в том числе 50-летие Марта. Вице-премьер, министр науки и высшего образования Я. Говин видит его прежде всего в том, чтобы отдать дань жертвам и героям. Он отметил, что в марте 1968 г. «сражались также за свободу и достоинство последующих поколений... Это веха в истории польской свободы»²⁶.

Таким образом, можно сделать вывод, что события 50-летней давности не оставляют равнодушными современных поляков. Участники многочисленных мероприятий подчеркивали в основном два аспекта тех событий — свободолобивые протесты студенческой молодежи, явившиеся важным этапом в польской истории, и антисемитскую кампанию властей, вынудивших покинуть страну 12–15 тыс. лиц еврейского происхождения, в основном людей науки, искусства, образования.

Литература

1. Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.
2. Лыкошина Л.С. Гражданское общество в Польше. Теоретические представления и социальная практика / ИНИОН РАН. М., 1998.
3. Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М.: Индрик, 2012.
4. Eisler J. “Polskie miesiące” czyli kryzys(y) PRL. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2008.
5. Eisler J. Polski rok 1968. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2006.
6. Hass L. Inteligencja polska. 1945–1980/ (Postawy i zachowania) // Dzieje Najnowsze. 2002. № 1.

²⁵ «Polski prezydent przeprosza Żydów za prześladowania w 1968 roku». #PisząoPolsce // TVN24 [online]. 09.03.2018. URL: <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-ze-swiata,2/zagraniczne-media-o-przemowieniu-prezydenta-piszaopolsce,820809.html> (accessed: 06.04.2018).

²⁶ Uczestnicy Marca ‘68 walczyli także o godność i wolność następnych pokoleń // TVN24 [online]. 09.03.2018. URL: <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/marzec-68-debata-na-universytecie-warszawskim,820605.html> (accessed: 06.04.2018).

7. Kochanowicz J. Marzec 1968 i życie intelektualne Uniwersytetu // Marzec 1968. Trzydzieści lat później. Tom 1. Referaty / pod red. Marcina Kuli, Piotra Osęki i Marcina Zaremby. Warszawa, 1998.
8. Marzec '68: między tragedią a podłością. Zbiór dokumentów / wstęp, wybór i oprac. Grzegorz Sołtysiak i Józef Stępień. Warszawa: Profi, 1998.
9. O polskim Marcu 1968 roku. Z Jerzym Eislerem rozmawia Barbara Polak // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2003. N 4.
10. Rakowski M.F. Dzienniki polityczne. 1967–1968. Warszawa: Iskry, 1999.
11. Rakowski M.F. Dzienniki polityczne. 1969–1971. Warszawa: Iskry, 2001.
12. Zambrowski R. Rozważania o czterdziestolecu marca-68 // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. 2008. N 3.

References

1. Eisler, J., 2003. O polskim Marcu 1968 roku. Rozmawia Barbara Polak. *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, 4.
2. Eisler, J., 2006. *Polski rok 1968*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej.
3. Eisler, J., 2008. *“Polskie miesiące” czyli kryzys(y) PRL*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej.
4. Hass, L., 2002. Inteligencja polska. 1945–1980 / (Postawy i zachowania). *Dzieje Najnowsze*, 1.
5. Kochanowicz J. Marzec 1968 i życie intelektualne Uniwersytetu. In: Kula, M., Osęka, P., Zaremba, M. red, 1998. *Marzec 1968. Trzydzieści lat później. Tom 1. Referaty*. Warszawa, 1998.
6. Lykoshina, L.S., 1998. *Grazhdanskoe obshchestvo v Pol'she. Teoreticheskie predstavleniia i sotsial'naia praktika*. Moscow.
7. Noskova, A.F. ed, 2012. *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii*. Moscow: Indrik.
8. Rakowski, M.F., 1999. *Dzienniki polityczne. 1967–1968*. Warszawa: Iskry.
9. Rakowski, M.F., 2001. *Dzienniki polityczne. 1969–1971*. Warszawa: Iskry.
10. Sołtysiak, G., Stępień, G. red, 1998. *Marzec '68: między tragedią a podłością. Zbiór dokumentów*. Warszawa: Profi.
11. Volobuev, V.V., 2009. *Politicheskaia oppozitsiia v Pol'she. 1956–1976*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
12. Zambrowski, R., 2008. Rozważania o czterdziestolecu marca-68. *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, 3.

МИЛОШ ЖАНКО – ПОСЛЕДНИЙ ХОРВАТСКИЙ ЗАЩИТНИК БРАТСТВА И ЕДИНСТВА. ИСТОРИЯ ОТЧАЯННОЙ ХРАБРОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Ирина Владимировна Руднева –

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва.
rudneva17@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о том, как в условиях разрастания националистических настроений в Социалистической Республике Хорватии в конце 1960-х годов Милош Жанко, один из высокопоставленных хорватских партийных деятелей, мужественно выступил против опасных для региона и страны в целом тенденций. На страницах газет и журналов, на партийных съездах он вступил в жесткую полемику с хорватскими националистами, изобличая их коварные замыслы и отстаивая идею братства и единства. Однако М. Жанко не предполагал, насколько глубоко укоренилась и окрепла националистическая идеология, на каком высоком уровне она находит поддержку и какую цену придется заплатить тому, кто осмелится ей противостоять.

Ключевые слова

Социалистическая Республика Хорватия, национализм, массовое движение, Милош Жанко, И. Броз Тито, Югославия.

THE LAST CROATIAN DEFENDER OF ROTHERHOOD AND UNITY – MILOŠ ŽANKO. A STORY OF DESPERATE COURAGE AND POLITICAL RESPONSIBILITY

Irina V. Rudneva –

PhD, Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
rudneva17@gmail.com

Abstract

The article examines the issue of how, under the conditions of growing nationalism in the Socialist Republic of Croatia in the late 1960s, Miloš Žanko, one of the Croatian leaders, bravely opposed the political trends, which threatened both the region and his country. In the newspapers and magazines, at the Party congresses, he entered into harsh polemics with Croatian nationalists, who were exposing their insidious schemes and defending the idea of brotherhood and unity. However, Žanko did not anticipate how deeply nationalist ideology was rooted and how strong it was in Croatia, at what a high level of the establishment this ideology was supported, and what price the person who was daring to oppose it would have to pay.

Keywords

Socialist Republic of Croatia, nationalism, mass movement, Miloš Žanko, Josip Broz Tito, Yugoslavia.

В конце 1960-х годов в Социалистической Республике Хорватии, входившей тогда в состав Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), усилились националистические настроения. Особенно отчетливо они проявились в среде ученых, экономистов, общественно-политических деятелей. Координирующим центром распространения подобных взглядов выступила Матица Хорватская (МХ), общественная организация, занимавшаяся изначально вопросами лингвистики, истории и культуры. На страницах газет и журналов, в рамках научных форумов, на лекциях в высших учебных заведениях республики озвучивалось неравноправное положение Хорватии в составе Югославии, причины которого виделись как в историческом прошлом, так и в особенностях современного развития. Хорватское руководство из числа старшего поколения во главе с Владимиром Бакаричем, председателем Союза коммунистов Хорватии, пыталось критиковать националистов, но, опасаясь за свои посты и реакции общественности, на решительные меры не шло. Молодые политики, прежде всего, Мико Трипало, член Исполнительного бюро ЦК Союза коммунистов Югославии (СКЮ), и Савка Дабчевич-Кучар, председатель правительства, вообще предпочли сотрудничать с националистически настроенными кругами, а позднее попытались их возглавить.

Только один хорватский политик осмелился выступить с резкой критикой национализма в республике, в защиту идеи братства и единства народов Югославии. Это был доктор Милош Жанко (Сплит, 1915 — Белград, 2000), член Коммунистической партии Югославии (КПЮ) с 1941 г. В 1946 г. М. Жанко являлся главным секретарем правительства Хорватии, в 1950–1956 гг. — министром просвещения и культуры. В 1963 г. он стал заместителем председателя хорватского Сабора.

Первый раз М. Жанко выступил против публикации «Декларации о положении и названии хорватского литературного языка»¹, инициированной Матицей Хорватской. Документ был посвящен роли языка в многонациональной федерации. Эта тема быстро приобрела политическое звучание. Создатели «Декларации» открыто заявили, что хорватский народ должен иметь собственное национальное название языка, так как это неотъемлемое право любого народа. Они критиковали использование сербского языка в Югославской Народной Армии (ЮНА), в средствах массовой информации, в документации союзной администрации, в законодательстве и дипломатии. Далее следовало предложение внести изменения в Конституцию СФРЮ, конкретно в статью 131, чтобы закрепить равноправное использование четырех литературных языков — словенского, хорватского, сербского и македонского. Вопрос языка тесно связывался с положением хорватского

¹ Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Geneza maspoka u Hrvatskoj / Urednik: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd, 1990. S. 2.

народа в рамках Югославии и являлся, по мнению авторов, основой национального суверенитета и полного равноправия.

В своей статье «О различных путях и методах решения национального вопроса и межнациональных отношений» в газете «Виесник» (20–21 марта 1967 г.) М. Жанко отметил, что «Декларация» не имеет с наукой ничего общего, и ее публикация является политическим актом. М. Жанко также обратил внимание, что при активной поддержке МХ началось издание крайне оппозиционных периодических изданий — «Хрватско коло», «Дубровник», «Критика», «Хрватски литературни лист», в которых шло обсуждение национального вопроса, исторического прошлого хорватского народа.

Он подверг также критике Институт истории рабочего движения (ИИРД) во главе с Франьо Туджманом, будущим президентом независимой Республики Хорватии, призывая к более внимательному анализу деятельности этого учреждения, особенно в вопросах истории хорватского народа. Так, М. Жанко писал: «Разве не случайно, что в Институте в момент, когда у нас есть безработные интеллектуалы, желающие заниматься историей, работают пять человек, которые участвовали во враждебной деятельности и были ранее осуждены»². Отдельные претензии у М. Жанко были лично к Ф. Туджману, который побывал в 1966 г. в Хорватской Академии Америки³, а по возвращении читал лекции в МХ. М. Жанко считал, что эта поездка оказала огромное влияние как на взгляды самого Ф. Туджмана, так и на настроения в Институте.

М. Жанко обратил внимание общественности на то, что в борьбе за независимость и равноправие хорватского народа коммунисты опираются не на «те силы»: «Я считаю, — писал он, — что социалистические силы нашего общества не должны недооценивать деятельность националистов и шовинистов, так, чтобы это не имело негативных последствий для развития нашего сообщества, братства и единства наших народов и народностей»⁴. Автор статей призывал республиканские власти осудить не «Декларацию», а тех, кто за ней стоит.

Как только хорваты подняли вопрос о своих правах в Югославии, сербы из Хорватии сразу же начали обсуждать свои права в республике. Они поддержали М. Жанко. Более того, им казалось, что в адрес «Декларации» было сделано недостаточно замечаний: «Дорогой Милош, меня (автор письма С. Дубаич. — Р. И.) удивляет твой идеализм и тактичность в статье по поводу “Декларации”. Я хотел бы встретиться с тобой здесь в Буковице, чтобы ты увидел своими глазами, как выглядит братство и единство в этом несчастном крае, для которого национальное равноправие — далекая мечта

² Iz izvještaja «O poduzetim mjerama u vezi s Deklaracijom» // Ibid. S.90-91.

³ Хорватская Академия Америки (The Croatian Academy of America) была основана в 1953 г. Популяризировала хорватскую историю и культуру, с 1960 г. издавала журнал «The Journal of Croatian Studies».

⁴ Žanko M. U toj (nacionalističkoj) ludosti ima sistema // Ibid. S.207.

о счастье, которая осуществится уже после нас. Дух захватывает от твоей прекрасной патетики старого уважаемого югослава... Нужны нечеловеческие усилия. Этот твой труд имеет эффект только между нами, сербами в Хорватии, Боснии и Герцеговине. То есть среди тех, кто больше всего платит за братство и единство, тех, кто называет себя гордо югославами... Необходимо выступить против “Декларации”, с этим мы согласны, но нужно также сербам дать возможность защищать свой язык с атрибутом “государственный”. Особенно нам в Хорватии, иначе мы с этой “Декларацией” опять окажемся в неравноправном положении”⁵.

В результате расследования, проведенного Специальной комиссией Исполнительного комитета ЦК Союза коммунистов Хорватии (СКХ), были выявлены центры национализма в Хорватии: Матица Хорватская, Матица эмигрантов Хорватии, ИИРД. Директор Института Ф. Туджман был смещен со своего поста и выведен из состава ЦК, но при этом сохранил место депутата Сабора СР Хорватии. Из партии были исключены 10 человек, а 34 были наказаны согласно партийным нормам. После волны отставок в республике МХ продолжила проведение культурных мероприятий, постепенно меняя их содержание. Манифестации стали носить ярко выраженный провокационный характер.

В феврале 1969 г. в газете «Борба» М. Жанко опубликовал подробное описание оппозиционных сил в республике — в статье «О газете, которая ни хорватская, ни литературная»⁶. По его мнению, националистическая деятельность в Хорватии началась пару лет назад с создания Общества независимых писателей «ТИН». Эта организация стала издавать «Хрватски литературни лист»⁷. В статье перечислялись действия «ТИН»: издание словаря различий хорватского и сербского языков, обсуждение вопроса «исторических территорий» и претензии хорватов на территории Боснии и Герцеговины (БиГ), описание тяжелого положения хорватов в Воеводине, призыв молодежи вступать в организованные Союзы католической молодежи. М. Жанко писал также, что «Хрватски литературни лист» опасен для хорватского народа, так как нетерпим к федерации, выскивает негативные моменты жизни... Кроме того, он связан с эмигрантами в США, Австралии и Западной Европе. Никто еще не осмеливался на страницах центральной газеты выступить с такой откровенной и разоблачительной критикой проявлений национализма в Хорватии. Эта статья вызвала большой интерес у читателей. Одни благодарили автора и разделяли его обеспокоенность ситуацией в республике, другие, наоборот, не понимали причин, по которым он «набросился» на всеми уважаемое периодическое издание.

⁵ *Dubajić S. Pismo M. Zanko // Ibid. S.22.*

⁶ *Žanko M. Zabilješka o nacionalističkim pojavama u SR Hrvatskoj koje sam iznio u razgovoru sa Predsjednikom Republike // Ibid. S. 174.*

⁷ *Ibidem.*

Сразу после публикации статьи М. Жанко пригласил к себе И. Броз Тито. Разговор длился почти пять часов. Глава государства попросил проинформировать его подробно о проявлениях национализма, о материалах, не вошедших в статью. Речь шла и о негативной реакции части хорватского руководства на реформы. Во время беседы И. Броз Тито не высказал своего мнения по поводу полученной информации. Стенограммы этой встречи не велось. Позднее о ней рассказал сам М. Жанко на страницах газеты «Борба».

М. Жанко нажил себе серьезных врагов в руководстве Хорватии. По словам историка Душана Биланджича, в феврале 1969 г. на III заседании ЦК СКХ хорватское руководство приняло решение ответить на критику национализма со стороны М. Жанко, противопоставив ей критику унитаризма. Тогда же М. Трипало заявил: «Жанко надо политически уничтожить...»⁸.

М. Жанко всё еще пытался предупредить о растущих негативных явлениях в республике. Он писал и звонил С. Дабчевич-Кучар, М. Трипало, добивался встречи с В. Бакаричем. В хорватских изданиях ему опубликоваться не удавалось. «Виесник», к которому он обратился с просьбой разместить статью, вернул ее автору. Опубликовать материал под названием «У этой (националистической) глупости есть система» (о националистической платформе и деятельности Матицы Хорватской, ее периодике «Коло», «Критика», «Дубровник») удалось только в «Борбе» в ноябре 1969 г., прежде всего, потому, что М. Жанко был председателем Совета этой газеты. К тому же это издание являлось общесоюзным официальным органом Социалистического союза трудового народа Югославии. Именно в рамках этой организации предполагалось обсуждать важные общественные и политические проблемы.

В статье «У этой (националистической) глупости есть система» содержались упреки в адрес руководства Хорватии в бездействии по отношению к националистическим проявлениям, призыв перейти от слов к более детальному анализу национализма. М. Жанко указывал на то, что националисты уже проникли в государственные структуры и на предприятия, что они хорошо организованы. Он полемизировал с Шиме Джоданом и Владо Готовацем, а также с другими постоянными авторами МХ, отмечая националистический характер их заявлений.

Содержание статьи М. Жанко С. Дабчевич-Кучар и ее единомышленники расценили как попытку окончательно дискредитировать СКХ. Они приняли сторону Матицы и совместно с ней в средствах массовой информации организовали против автора пропагандистскую кампанию. Деятели науки, культуры и образования на страницах изданий МХ публиковали статьи с осуждением М. Жанко. Весь декабрь 1969 г. в республике проходили закрытые заседания ЦК СКХ, на которых поднимался вопрос «неправильной» позиции М. Жанко. Его пытались успокоить заверениями о том, что проблема национализма не игнорируется, что по этому поводу проводятся

⁸ *Bilandžić D. Povijest izbliza. Memuarski zapisi 1945.-2005. Zagreb, 2006. S. 76.*

консультации с другими республиками. Эти доводы казались М. Жанко неубедительными, он хотел видеть конкретные действия. Не слушая просьб руководства Хорватии больше не делать громких заявлений, не страшась угроз националистов, М. Жанко вступил в ожесточенную полемику с руководством МХ и хорватскими эмигрантами, в частности Матэ Мештровичем. Он уличил их в стремлении разрушить Югославию, а они, в свою очередь, обвиняли его в унитаризме.

Хорватским коммунистам удалось убедить и И. Броз Тито в том, что статьи М. Жанко были направлены исключительно против хорватского руководства. 19 декабря 1969 г. на встрече с Исполнительным комитетом и председателями комиссий ЦК СКХ глава государства заявил: «Никто не смеет вас критиковать. Данные Жанко беспочвенны. Я считаю, что вы хорошо работаете и не должны отвечать за проявления национализма и шовинизма, с которыми успешно боритесь, насколько мне известно»⁹. Поддержка И. Броз Тито подтолкнула часть хорватского руководства, занимавшего до этого нейтральную позицию, перейти на сторону С. Дабчевич-Кучар и М. Трипало. На предложение подать в отставку М. Жанко ответил отказом. Молодых хорватских политиков не устраивал представитель республики в Союзной скупщине, отстаивавший идеи югославского единства, не понимающий новых политических тенденций в Хорватии.

Х пленум ЦК СКХ, состоявшийся в Загребе 15–17 января 1970 г., предоставил возможность хорватскому руководству положить конец критике национализма в Хорватии, вызванной статьями М. Жанко, и одновременно расправиться с самим автором. С этой целью в первый день пленума была зачитана речь главы государства, которую он произнес на встрече с Исполнительным комитетом ЦК СКХ и председателями комиссий 19 декабря 1969 г. В ней, в частности, говорилось: «Я вижу, что Хорватия идет путем реформ. Это правильно. Следует действовать энергичнее, вовлекать в жизнь страны граждан. Я согласен, что М. Жанко не имеет права нападать на руководство республики. Вы являетесь руководством Хорватии и именно вы отвечаете за ситуацию в ней. Я статьи не читал, но когда узнал, что они опубликованы в газете «Борба», возмутился»¹⁰. Следовательно, И. Броз Тито не читал статей М. Жанко, о положении дел в Хорватии знал только со слов С. Дабчевич-Кучар, но не сомневался в том, что М. Жанко следует наказать за критику руководства республики. По мнению И. Броз Тито, всё это было совершенно недопустимо. Такая позиция главы государства создавала хорватским лидерам благоприятные условия для проведения в жизнь намеченных задач.

⁹ *Продановић Ј.* Политичка ликвидација у телевизијском преносу (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка) // Политика. 2000. 10 фебр. С. 17.

¹⁰ *Zabilješka o završnoj riječi druga Tita na sastanku sa članovima Izvršnog komiteta i predsjednicima komisija CK Saveza komunista Hrvatske* // *Geneza maspoka u Hrvatskoj...* S. 395.

На повестку дня X пленума ЦК СКХ были поставлены два вопроса: «Дальнейшее развитие и деятельность Союза коммунистов в связи с предстоящими выборами» и «Некоторые актуальные вопросы. Необходимость в соответствии с общегославской практикой дать оценку политическим методам товарища М. Жанко». Формально вопросы национализма поставлены были, но обсуждали не их, а унитаризм и централизм, выразителем которых представили М. Жанко. Всем участникам пленума заранее были разосланы копии переписки С. Дабчевич-Кучар и М. Жанко, а также материалы заседаний ЦК СКХ, на которых обсуждались статьи М. Жанко.

Во вступительном слове председатель СКХ С. Дабчевич-Кучар уделила время и статьям М. Жанко, назвав их проявлением консервативно-бюрократических тенденций, которые направлены против курса хорватского руководства, уходя тем самым от ответов на вопросы о национализме, поставленных автором статей¹¹. М. Жанко был представлен участникам X пленума ЦК СКХ как воплощение всех бюрократических и унитаристских сил в республике и в стране в целом. При этом ни одного имени названо не было. С. Дабчевич-Кучар представила ситуацию в виде союзного заговора против Хорватии, частью которого стал М. Жанко. Никого не интересовал смысл статей. Формулировка была для всех присутствующих одна — «он напал на хорватское руководство и должен за это ответить».

Сам М. Жанко искренне не понимал сути обвинений, просил рассматривать статьи в контексте всей его политической деятельности. Он уверял присутствующих, что статьи стали результатом серьезной работы. В своем выступлении он отметил: «Я написал первую статью еще в 1967 г. по поводу публикации “Декларации”. Многие члены партии тогда поддержали мое мнение о националистическом характере документа. В феврале 1969 г. мной была опубликована статья о периодических националистических изданиях МХ. Я не хотел критиковать ни руководство этой организации, ни руководство республики, а лишь отслеживал неблагоприятные тенденции. Но в октябре 1969 г. в журнале «Критика» вышла статья В. Готоваца, где он негативно отзывался о Югославии и утверждал, что Хорватия продолжает поиск своего собственного пути. Две недели я ждал хоть какой-нибудь реакции, но никто на нее не ответил, ни один критик, политик, ученый. Я считаю, что за такими работами стоит серьезная антисоциалистическая деятельность»¹².

М. Трипало в своем докладе на X пленуме ЦК СКХ также пытался доказать виновность М. Жанко и его связь с некими враждебными силами. Он заявил, что располагает информацией о неформальных встречах неких лиц, чьи имена называть не стоит, и среди них был М. Жанко. Эти люди говорили о том, что национализм «захватил власть» в Хорватии, а руководство

¹¹ Deseta sednica CK SKH 15–17 jan. 1970 g. // Ibid. S. 410.

¹² Ibid. S. 415.

настолько незрелое, что ничего не может сделать и его следует сменить¹³. Также М. Жанко вменялись в вину встречи с генералами и адмиралами, где обсуждались националистические тенденции в руководстве СКХ.

На пленуме М. Жанко был обвинен и осужден как «унитарист и разрушитель братства и единства». Осудить за критику национализма его, по понятным причинам, не могли. Поэтому была принята такая весьма противоречивая формулировка: его деятельность была признана враждебной курсу СКХ. В заключение говорилось: «Этот человек не может представлять СКХ на регулярной партийной Конференции СКЮ. Его дальнейшую судьбу будет решать Союз коммунистов»¹⁴. М. Жанко не принял все эти обвинения. Наказание было жестким: фактически оно означало политическую смерть.

Милош Жанко оказался единственным хорватским политиком, который отважился громко заявить и довести до широкой общественности информацию о националистических настроениях в Хорватии. Он, фактически, предсказал и позднее фиксировал разрастание так называемого «массового движения», четко обозначив его основные центры. Дальнейший ход событий показал, что опасения М. Жанко были оправданны. Хорватский национализм в 1971 г. принял такие формы, которые стали реальной угрозой целостности Югославии.

Литература

1. *Продановић Ј.* Политичка ликвидација у телевизијском преносу (сећања: живот и смрт др. Милоша Жанка) // Политика. 2000. 10 фебр.
2. *Bilandžić D.* Povijest izbliza. Memuarski zapisi 1945.–2005. Zagreb: Prome-tej, 2006.
3. Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika // Geneza maspoka u Hrvatskoj / Urednik: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd: Književne novine, 1990.
4. Deseta sednica CK SKH 15–17 jan. 1970 g. // Geneza maspoka u Hrvatskoj / Urednik: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd: Književne novine, 1990.
5. Iz izvještaja «O poduzetim mjerama u vezi s Deklaracijom» // Geneza maspoka u Hrvatskoj / Urednik: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd: Književne novine, 1990.
6. Zabilješka o završnoj rječi druga Tita na sastanku sa članovima Izvršnog komi-teta i predsednicima komisija CK Saveza komunista Hrvatske // Geneza maspoka u Hrvatskoj / Urednik: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd: Književne novine, 1990.
7. Zaključci X sjednice CK SKH // Geneza maspoka u Hrvatskoj / Urednik: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd: Književne novine, 1990.

¹³ Arhiv Srbije i Crne Gore, F507, CK SKJ, IV/101. Priv. 1. S. 212.

¹⁴ Zaključci X sjednice CK SKH // Geneza maspoka u Hrvatskoj... S. 511.

8. Žanko M. U toj (nacionalističkoj) ludosti ima sistema // Geneza maspoka u Hrvatskoj / Urednik: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. Beograd: Književne novine, 1990.

References

1. Bilandžić, D., 2006. *Povijest izbliza. Memuarski zapisi 1945.–2005.* Zagreb: Prometej.
2. Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika. In: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. ur., 1990. *Geneza maspoka u Hrvatskoj.* Beograd: Književne novine.
3. Deseta sednica CK SKH 15–17 jan. 1970 g. In: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. ur., 1990. *Geneza maspoka u Hrvatskoj.* Beograd: Književne novine.
4. Iz izvještaja „O poduzetim mjerama u vezi s Deklaracijom“. In: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. ur., 1990. *Geneza maspoka u Hrvatskoj.* Beograd: Književne novine.
5. Prodanović, J., 2000. Politička likvidacija u televizijskom prenosu (sećanja: život i smrt dr. Miloša Žanka). *Politika*, 10 febr.
6. Zabilješka o završnoj riječi druga Tita na sastanku sa članovima Izvršnog komiteta i predsjednicima komisija CK Saveza komunista Hrvatske. In: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. ur., 1990. *Geneza maspoka u Hrvatskoj.* Beograd: Književne novine.
7. Zaključci X sjednice CK SKH. In: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. ur., 1990. *Geneza maspoka u Hrvatskoj.* Beograd: Književne novine.
8. Žanko, M., 1990. U toj (nacionalističkoj) ludosti ima sistema. In: Kesar J., Bilbija Đ., Stefanović N. ur., 1990. *Geneza maspoka u Hrvatskoj.* Beograd: Književne novine.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ ЧЕШСКИХ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПАРТИЙ (ПО ИТОГАМ ВЫБОРОВ 2017 ГОДА)

Элла Григорьевна Задорожнюк –

доктор исторических наук, заведующая
Отделом современной истории
стран Центральной и Юго-Восточной Европы,
Институт славяноведения РАН.
elzador46@mail.ru

Аннотация

В статье представлен анализ внешнеполитических программ парламентских партий Чехии и показан широкий диапазон предпочтений — от присоединения к «жесткому ядру» в Европейском Союзе до призыва к реформированию ЕС и проведению референдума о выходе из него. Отмечается, что чешские избиратели весьма прагматичны в отношении внешнеполитической ориентации Чешской Республики. На это указывают также и результаты президентских выборов, состоявшихся в январе 2018 года. Высший государственный пост занял Милош Земан, придерживающийся концепции многовекторной внешней политики Чешского государства.

Ключевые слова

Чешская Республика, Палата депутатов, парламент, внешняя политика, Европейский Союз, «твердое ядро» ЕС, евроинтеграция, «флексибильная» интеграция, многовекторная внешняя политика.

FOREIGN POLICY PRIORITIES OF THE CZECH PARLIAMENTARY PARTIES (FOLLOWING THE 2017 ELECTIONS)

Ella G. Zadorozhnyuk –

Doctor of Sciences, Head of Department
of Contemporary History
of Central and Southeastern Europe,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences.
elzador46@mail.ru

Abstract

The analysis of sections on the foreign policy of the official programme documents of the Czech parliamentary parties is given. A wide range of preferences has been revealed — from adherence to «a hard core» in the European Union, to calls for reforming the EU and for a referendum on the withdrawal from it. It is noted that the Czech voters are quite pragmatic about the foreign policy orientation of the Czech Republic. This was indicated, in particular, by the results of the presidential elections held in January 2018. The right to occupy the highest state post was granted to Miloš Zeman, who adheres to the concept of the multi-vector foreign policy of the Czech state.

Keywords

Czech Republic, Chamber of Deputies, Parliament, foreign policy, European Union, «hard core» of the EU, European integration, flexible integration, multi-vector foreign policy.

Конец 2017 г. — начало 2018 г. ознаменовались в Чешской Республике (ЧР) двумя, хотя и очередными, но трудно предсказуемыми по своим последствиям событиями: выборами в нижнюю палату парламента и переизбранием президента М. Земана на высший государственный пост. Оба эти события имеют внутри- и внешнеполитическое измерения; последнее и будет подвергнуто анализу в данной статье. Особый интерес представляет широкий разброс акцентов во внешнеполитических разделах официальных программных документов победителей парламентских выборов: от стремления окончательно примкнуть к «твердому ядру» Европейского Союза (ЕС) (в историческом разрезе — Европейского объединения угля и стали, просуществовавшего с 1951 г. по 2002 г. и включавшего Германию, Италию, Францию и страны Бенилюкса) до выхода из него.

В состоявшихся 20–21 октября 2017 г. в Чехии седьмых по счету выборах в нижнюю палату парламента — Палату депутатов — приняли участие 7.524 кандидата (на семь претендентов больше по сравнению с внеочередными парламентскими выборами 2013 г.), представлявших 31 партию. Победителем на выборах стало политическое движение Акция недовольных граждан 2011 (АНГ 2011), набравшее 29,6% голосов избирателей (в 2013 г. — 18,65%); второе место заняла Гражданская демократическая партия (ГДП) с 11,3% (7,72%); в первой тройке лидеров оказалась и Чешская пиратская партия (Пираты) с 10,8% (2,66%); с минимальным отрывом за ними следовало движение Свобода и прямая демократия (СПД) — 10,6%. Коммунистическая партия Чехии и Моравии (КПЧМ) завоевала симпатии 7,7% (в 2013 г. — 14,91%) электората, а Чешская социал-демократическая партия (ЧСДП) в этот раз довольствовалась доверием всего лишь 7,3% голосовавших (в 2013 г. — 20,45%). Тем самым КПЧМ впервые в чешской электоральной истории опередила своего давнего соперника — ЧСДП. В нижнюю палату парламента вошли также Христианско-демократический союз-Чешская народная партия (ХДС-ЧНП — 5,8%; в 2013 г. — 6,78%), партия Традиция, ответственность, процветание 09 (ТОП 09 — 5,3%; в 2013 г. — 11,99%), движение Старосты и независимые (СТИН — 5,2%)¹. Явка избирателей на выборы составила 60,84%.

В итоге места в нижней палате парламента ЧР распределились следующим образом: АНГ 2011 — 78 мандатов, ГДП — 25, Пираты — 22, СПД — 22, КПЧМ — 15, ЧСДП — 15, ХДС-ЧНП — 10, ТОП 09 — 7, СТИН — 6 мандатов. Такой разброс в расстановке политических сил в Чехии наблюдался нечасто, но именно это позволяло свободнее маневрировать правящей коалиции. В этих условиях на формирование правящей коалиции, так и не созданной к марту 2018 г., значительное влияние оказывают

¹ Výsledky voleb do Poslanecké sněmovny 2017 — Česká republika // iDNES.cz [online]. URL: <https://volby.idnes.cz/poslanecka-snemovna-2017.aspx> (accessed: 25.05.2018).

внешнеполитические ориентации политических партий — участников выборов с учетом следующего: когда их девять, а, скажем, не пять или шесть, то эти ориентации выглядят рельефнее. Можно утверждать, что таковые играли — наряду с внутривнутриполитическими приоритетами — важную роль в предпочтениях чешских избирателей. Отсюда настоятельность анализа внешнеполитической составляющей предвыборных программ девяти партий — победителей парламентских выборов 2017 года в ЧР, почти трети из числа всех партий, участвовавших в них.

Занявшее наибольшее число мест в Палате депутатов движение АНГ 2011 (лидер — А. Бабиш) 3 сентября 2017 г. представило свой весьма амбиционный предвыборный документ — «Сейчас, или никогда. Единственная программа, которая вам необходима»². АНГ 2011, как и в предшествующем предвыборном документе (2013 г.), определила безальтернативность ориентации на западноевропейские структуры — ЕС и НАТО. Вместе с тем в нем говорится о необходимости «реформ, ведущих к более эффективной деятельности Союза и устранению в нем излишнего административного балласта». «Мы, — читаем в документе, — хотим четко различать, чем нам может помочь ЕС, а где, напротив, лучше справиться самим. Цель — реформирование Союза таким образом, чтобы он делал меньше, но намного лучше».

В программе охарактеризованы перспективы введения евро в стране, подчеркивается, что определение конкретной даты введения европейской валюты должно отвечать экономическим интересам как страны в целом, так и ее граждан и фирм. «Мы, — констатируется в ней, — активно поддержим реформу еврозоны с целью упрочения экономической и финансовой стабильности Европы с тем, чтобы это соответствовало интересам ЧР. Нужно их обеспечить, независимо от дальнейшего развития в еврозоне, чтобы не подвергать дискредитации те страны, которые пока что не имеют евро. В случае, если еврозона в последующем избирательном периоде не будет существенно реформирована, мы евро вводить не станем»³.

Характерно, что еще в начале 2017 г. чешское коалиционное правительство поддержало рекомендации Министерства финансов ЧР и Национального банка не считать введение евро ключевой задачей на ближайшие годы. Согласно проведенному в начале 2016 г. опросу, «за» введение евро проголосовали лишь 17% населения страны, «против» — 78%, остальные не определились. Высказываясь против единой европейской валюты, граждане опасаются неизбежного повышения цен на товары и продукты первой необходимости, потери финансового суверенитета, усиления зависимости

² Teď nebo nikdy. Ten jediný program, který potřebujete // ANO [online]. URL: <https://www.anobudelip.cz/file/edee/2017/09/program-hnuti-ano-pro-volby-do-poslaneckesnmovny.pdf> (accessed: 25.05.2018).

³ Ibidem.

от экономик других стран⁴. Можно утверждать, что движение А. Бабиша проводит «здоровую» оппортунистическую линию по данной проблеме, постоянно оглядываясь на мнение электората.

Международный раздел программы АНГ 2011 акцентировал необходимость дальнейшего сотрудничества в рамках ЕС и НАТО, подчеркивая важность формата Вишеградской четверки и даже необходимость формирования новых союзов в рамках трансатлантического сотрудничества. В то же время предвыборная программа движения лишена агрессивных коннотаций по отношению к России. «В рамках ЕС, — подчеркивается в ней, — мы будем добиваться разработки новой стратегии в отношениях с Россией, с целью упрочить архитектуру безопасности в Европе и сделать возможным развитие этих отношений»⁵.

Сглаживание острых углов как еврооптимизма, так и евроскептицизма — существенный признак данной программы. В ней — по сравнению с предвыборным документом 2013 года — меньше поклонов в сторону ЕС и НАТО, а ее лидер выступает с более осмотрительными заявлениями в отношении России. Фактически данная констатация свидетельствует, что партия готова к диалогу с любым из восьми других политических акторов, но он, как будет сказано ниже, пока что не заканчивается однозначным решением.

Занявшая второе место на выборах ГДП (лидер — П. Фиала) в очередной раз подчеркнула свою установку на еврореализм, которого придерживается и ее основатель В. Клаус. В предвыборной программе гражданских демократов «Сильная программа для сильной Чехии», утвержденной 22 апреля 2017 г., содержались требования проводить активную и самодостаточную внешнюю политику, которую определяют реализм, прагматизм и ориентация на практические результаты и которая одновременно чтит чешские традиции и ценности. Ее цель — обеспечение безопасности Чехии и защита экономических интересов государства. «Гражданская демократическая партия — традиционно прозападная и трансатлантическая, ключевым мы считаем членство в НАТО и Европейском союзе. С ЕС у нас долгосрочные последовательные отношения: мы не принадлежим ни к наивным еврооптимистам, ни к радикальным евроскептикам»⁶, — утверждает в документе. ГДП — как и АНГ — отказывается от поспешного введения евро, полагая, что ЧР должна сама решить, нужно ли его вводить и когда это делать. При этом подчеркивается, что государства с введенным евро не должны иметь в ЕС больше прав по сравнению со странами с национальной валютой. В документе впервые вводится термин «флексибилярная»

⁴ См.: *Снегирев В.* Укрываются под кроной // Российская газета. 06.03.2017.

⁵ *Teď nebo nikdy...*

⁶ *Silný program pro silné Česko — ODS — Občanská demokratická strana* // ODS [online]. URL: <https://www.ods.cz/program> (accessed: 25.05.2018).

(гибкая) интеграция, то есть право государств самостоятельно и добровольно, не подвергаясь диктату Брюсселя, выбирать уровень и степень дальнейшей интеграции в отдельных сферах⁷.

На партийной конференции, состоявшейся в апреле 2017 г., ГДП представила документ «Сильная Чехия в Европе 21 века»⁸, продолжающий линию «Манифеста чешского еврореализма» (2001 г.)⁹. В нем содержатся предложения о необходимости проведения изменений в Евросоюзе, который сегодня противостоит одновременно четырем кризисам: экономическому, миграционному, системы безопасности и, наконец, кризису доверия. «Все эти кризисы, — констатируется в документе, — имеют общий знаменатель: централизм. Самым значимым препятствием свободного и гармоничного сотрудничества между странами-членами ЕС мы всегда считали переход к логике “ЕС — first” (“ЕС — прежде всего”. — Э. 3.), а именно: принимающими решения являются не страны-члены, а центральные европейские институты... Кризис, который сегодня затронул ЕС, является следствием нашего отказа от примата принципа свободного сотрудничества. Единый европейский акт от 1986 г. стал первым и, к сожалению, последним принципиальным договорным документом, который институционализировал то, что до этого устанавливалось органично снизу». Документ — по той же логике еврореализма — резко критикует Маастрихтский договор (1992 г.) и Лиссабонский договор (2007 г.) за отход от исходных идей в вопросе европейской интеграции. Институты ЕС, полагает ГДП, не служат общим интересам государств-членов, а окончательно превратились в акторов со своими собственными интересами. При этом говорится, что желание открыть заново учредительные договоры и реформировать ЕС решительно исключает его демонтаж и упрощенное представление о возврате к «более естественному» состоянию. «Если мы будем игнорировать современные проблемы, то уникальный проект европейской интеграции, к которому мы некогда стремились, сам по себе надежный и полезный, может прекратить свое существование»¹⁰, — зафиксировано в документе.

Вот почему ГДП категорична в необходимости реализации принципов «флексивильной» интеграции — такого сотрудничества, когда страны-члены «закключают между собой соглашения о партнерстве практического характера и обладают правом избирать ту глубину интеграции, которая их больше всего устраивает, а не нацеливаются на общесоюзные задачи. Единственным исключением является общий рынок — свободное передвижение

⁷ Silný program pro silné Česko — ODS — Občanská demokratická strana // ODS [online]. URL: <https://www.ods.cz/program> (accessed: 25.05.2018).

⁸ Silné Česko v Evropě 21. století. Pozice ODS k EU // ODS [online]. URL: https://www.ods.cz/docs/volby2017/silne_cesko_v_evrope_21_stoleti.pdf (accessed: 25.05.2018).

⁹ Подробнее см.: Европа vs Евразия. XXI век начинается / отв. ред. К.В. Никифоров. М., 2018.

¹⁰ Silné Česko v Evropě 21. století...

людей, товаров, служб и капиталов», то есть, по логике документа, тех столпов евроинтеграции, которые были заявлены инициаторами создания ЕС.

ГДП решительно отвергает при этом задачу формирования «твердого ядра» ЕС, на решение которой ориентируются многие политические силы внутри страны; считает необходимым снизить градус политической интеграции Евросоюза; настаивает на отмене принципа, согласно которому только евро является валютой ЕС; требует вернуть некоторые компетенции на национальный уровень; усилить контрольные механизмы национальных парламентов. В итоге же гражданские демократы призывают подготовиться к дискуссии о реформе институтов ЕС, называя ее «вопросом здравого смысла». «Мы, — утверждается в документе, — не осмелимся прогнозировать, какими путями будет проходить развитие Европы в длительной перспективе. Однако мы прекрасно знаем, что увлечение абстрактной идеологией никому не принесет блага. Реформа ЕС является сугубо практическим делом, это вопрос здравого смысла. Возможно, что ЕС со временем придет к решению, которое сегодня представляется нереальным. Степень интеграции может со временем расти и снижаться. Но такое развитие в любом случае является вопросом целых поколений... Мы хотим Европу, для которой лозунг “единство в разнообразии” не является одной лишь фразой. Европу гибкую, инклюзивную и дееспособную. Мы хотим Европу успешных государств, а в ее сердце — сильную Чехию»¹¹. Такая постановка вопроса имплицитно предполагает, что границы будущей Европы пока определяются с трудом, и ни забюрократизированный ЕС, ни, тем более, пока трудно идентифицируемое его «твердое ядро» вряд ли вправе их однозначно устанавливать.

Неожиданно ворвавшаяся в первую тройку лидеров Чешская пиратская партия (Пираты), основанная 17 июня 2009 г. (лидер — И. Бартош), в предвыборной программе «Черным по белому» провозгласила необходимость активного членства в ЕС, ориентируясь при этом и на его реформу. В качестве конкретных целей, в частности, ставятся: ограничение бюрократии, борьба против ненужных субсидий, содействие более активному вовлечению граждан и Европейского парламента в процесс принятия решений, отрицание «исключений в пользу определенных стран или их частей». В ней особо подчеркнута: «4 основные свободы передвижения (товары, услуги, лица и капитал) в европейском пространстве должны оставаться неделимыми»¹².

Движение Свобода и прямая демократия (СПД, лидер — Т. Окамура) в своей программе идентифицировало его как «патриотическую и демократическую силу», которая через бескомпромиссную политическую борьбу

¹¹ Silné Česko v Evropě 21. století...

¹² Volební program. Černé na bílém // Pirátská strana [online]. URL: <https://www.pirati.cz/program/psp2017.htm> (accessed: 25.05.2018).

бу обеспечит подлинный суверенитет Чешского государства. «Нынешняя форма европейской интеграции — это ошибочный проект по созданию европейской сверхдержавы. Он связан с фактическим ослаблением и ликвидацией национальных государств и стран Европы. Мы просим граждан отказаться от ЕС на референдуме», — говорится в документе. В числе угроз свободе и демократии в Европе в программе называются ее контролируемая исламизация и продолжающаяся нелегальная иммиграция. СДП, вопреки установкам ЕС, заявляет: «Мы последовательно отвергаем мультикультурную идеологию, которая является инструментом исламизации. Мы заявляем, что не обязаны открывать дверь всем, кто говорит, что они поселятся здесь и что пребывание в нашем доме является привилегией для иностранцев. Кто хочет работать и жить с нами, тот должен уважать наши ценности и адаптироваться. Наше отечество веками создавали наши предки. Давайте будем настоящими хозяевами в нашей стране. Будем хорошими патриотами. Будьте бдительны и уважайте другие народы, но требуйте от них такого же уважения. Мы поддерживаем сотрудничество свободных европейских государств и государств Вишеградской четверки на принципах общих интересов, открытого рынка, свободной торговли, передвижения людей и обороны». Примечательно, что японские этнические корни лидера партии налагают дополнительные тона на эту крайне евроскептическую картину.

В программе требуется проведение референдума по каждой передаче государственного суверенитета в учреждения ЕС, чтобы Европа была свободным рынком товаров, услуг и труда — без несистемных субсидий, льгот и чиновников-бюрократов. СПД призывает обеспечивать условия для деятельности религиозных организаций в соответствии с Законом о церквях. Она настаивает на реформах полиции пограничного контроля и спецслужб ЧР, включая недопущение их в иностранные экспедиции без мандата ООН¹³.

В программе говорится: «Реализуется план на мультикультурное европейское супергосударство, в котором Чешская Республика будет лишь незначительной административной единицей. Мы не можем довольствоваться будущим этого современного протектората, где на заводах для иностранных корпораций работают за третью часть зарплаты, причем в условиях, которые в своих странах никогда не оставались бы безнаказанными. Чешская Республика должна вновь начать последовательно добиваться реализации своих экономических интересов... Если мы не достигнем требуемых результатов в течение шести месяцев, то объявим референдум о выходе нашей страны из Европейского союза. Если граждане поддержат

¹³ Volební program SPD. Demokracii a svobodu — Už nikdy o nás bez nás // Svoboda a přímá demokracie — Tomio Okamura (SPD) [online]. URL: <http://www.spd.cz/program> (accessed: 25.05.2018).

этот выход, мы будем действовать подобно Великобритании. Мы активизируем статью 50 Лиссабонского договора и начнем контролируемый процесс нашего постепенного выхода»¹⁴. Как видно, программа СПД более радикальна по сравнению с программой ГДП, и обе они дистанцируются, каждая по-своему, от программных установок АНГ, хотя вместе могли бы занять немногим больше половины мест в Палате депутатов парламента.

Не обошло вниманием движение Т. Окамуры и российские сюжеты. Так, в принятом партийном документе «Внешняя политика» подчеркивается: «Исторически сложилось, что Россия — один из самых важных деловых партнеров для импорта сырья и чешского экспорта машиностроительной продукции и потребительских товаров. Традиционное отношение к чешским продуктам по-прежнему остается в России позитивным, а славянская взаимность все еще играет здесь свою роль, несмотря на все абсурдные санкции и эмбарго, применяемые ЕС в отношении России в последние годы под самыми различными предлогами. Российский газ и нефть или другие полезные ископаемые из бывшего СССР по-прежнему остаются наиболее надежными источниками энергии... Мы в СПД верим в сбалансированные и взаимовыгодные деловые отношения. Современная Россия, со своим опытом в борьбе с международным терроризмом и исламизмом, может быть перспективно очень ценным союзником. Поэтому наш лозунг: “ни Восток, ни Запад, а Чешская Республика!”»¹⁵. Обстоятельное изложение официальных документов СПД вызвано тем, что в них прямо говорится о том, что другие партии выражают завуалированно. Это в особой степени касается таких квазиделикатных моментов, как угроза исламизации и характер отношений с Россией.

Предвыборная программа КПЧМ «Мир в мире, справедливость и безопасность дома» также ориентирует на решения миграционного кризиса, отрицая навязываемые ЕС квоты на перераспределение беженцев. Помимо этого, коммунисты намерены добиваться окончания членства ЧР в НАТО — через проведение общенародного референдума, либо же выхода из военных структур блока. В программе содержится призыв «ограничить раздутую национальную и брюссельскую бюрократию»¹⁶.

Акцент партия делает на последовательном укреплении ключевой роли Генеральной Ассамблеи Организации ООН, уважении и соблюдении международного права для всех стран, на важности роли ОБСЕ, которая «более

¹⁴ Volební program SPD. Demokracii a svobodu — Už nikdy o nás bez nás // Svoboda a přímá demokracie — Tomio Okamura (SPD) [online]. URL: <http://www.spd.cz/program> (accessed: 25.05.2018).

¹⁵ Zahraniční politika // Svoboda a přímá demokracie — Tomio Okamura (SPD) [online]. <http://www.spd.cz/uploads/stranky/1/dokumenty/zahrancni-politika.pdf> (accessed: 25.05.2018).

¹⁶ Volební program KSČM. Pro volební období 2017-2021 // Komunistická strana Čech a Moravy [online]. URL: <http://volby.kscm.cz/volebni-program> (accessed: 25.05.2018).

30 лет обеспечивала мир в Европе»¹⁷. КПЧ обосновывает необходимость отказа от участия в зарубежных военных миссиях без мандата ООН, а также выступает за предотвращение любых попыток построить иностранные военные базы в Чешской Республике и участвовать в военном вмешательстве на чужой территории без мандата Совета Безопасности ООН. В программе отмечена настоятельность продвижения более современной коллективной общеевропейской организации безопасности в многополярном мире в традициях Хельсинкского мирного процесса и без повторения холодной войны. Коммунисты полагают, что в сфере экономики неравные отношения между Европой, Канадой и США уже ухудшили условия жизни чешских граждан. В то же время практически не анализируются другие векторы внешнеполитических предпочтений, в частности, отношения с Россией.

Предвыборная программа КПЧМ, ориентированная на период 2017–2021 гг., призывает сосредоточиться, в первую очередь, на кардинальной институциональной трансформации ЕС с целью обеспечения подлинного равенства для государств-членов. При этом Brexit рассматривается как вызов и обязательство в деле построения другой Европы через укрепление выборных органов, снижение влияния чиновников. В этих условиях важно «внедрять законодательную инициативу Европейского парламента как европейского органа, избираемого гражданами, усилить роль европейской гражданской инициативы; требовать от ЕС уважения интересов Чешской Республики и включения ее в свою политику — экспортная направленность, борьба против социального демпинга; отказ от экономических санкций в отношении других стран»¹⁸.

Программа коммунистов получила поддержку снизившегося числа голосов избирателей: в октябре 2013 г. за КПЧМ проголосовали 14,91% электората, а в 2017 г. — 7,7%, то есть почти вдвое меньше. Правда, при этом она опередила по числу голосов Чешскую социал-демократическую партию, с которой так и не установила контактов, по крайней мере, в предвыборный период.

Положение, в котором после парламентских выборов 2017 года оказалась ЧСДП, достаточно сложное. Чешские избиратели отправили старейшую левоцентристскую партию в нокаут после 20-летнего пребывания ее у власти. Причин много, но одной из них, по мнению ряда аналитиков, является дрейф социал-демократов в последние годы в правоцентристском направлении. Не случайно их победили коммунисты, хотя и всего на 0,4% голосов (при равном количестве мест в парламенте — по 15).

С какими же внешнеполитическими устремлениями, раздираемая внутренними противоречиями, шла на парламентские выборы ЧСДП? Ее про-

¹⁷ Volební program KSČM. Pro volební období 2017-2021 // Komunistická strana Čech a Moravy [online]. URL: <http://volby.kscm.cz/volebni-program> (accessed: 25.05.2018).

¹⁸ Ibidem.

грамма «Хорошая страна для жизни» в разделе «Безопасная и справедливая страна в сердце Европы» отмечала: «В дискуссии о будущем Европейского союза мы занимаем четкую позицию — хотим солидарную и социальную Европу, которая поведет к реальному сближению жизненного уровня стран-членов, будет проводить общую политику в борьбе против социального неравенства и добьется процветания и безопасности для всех граждан Союза»¹⁹.

Красной нитью в документе проходит тема неравенства внутри ЕС. «Неравенство и различия, — говорится в нем, — являются для нас первым номером в дебатах о Европейском союзе и его будущем. Мы будем вести борьбу за **Европу, которая движется в одном направлении** — к безопасности, экономическому росту и **большему приближению жизненного уровня более бедных стран-членов с жизненным уровнем более богатых** (выделено в оригинале. — Э. З.)».

В документе речь идет о дипломатии как основе оборонной и экономической политики, о добрых отношениях с соседями — Словакией, Польшей и Венгрией, Австрией; в числе соседей названа и Германия, с которой ЧСПД намерена развивать стратегический диалог; упоминаются и постсоветские страны Восточного партнерства. Отношение к России ограничивается следующей констатацией: «Мы, как и другие европейские страны, хотим поддерживать добрососедские стратегические отношения с глобальными сверхдержавами — США, Китаем и Россией»²⁰.

В программе 2017 г. поднимается тема «твердого ядра» ЕС, постоянно муссируемая и рядом словацких политиков. «**Мы хотим**, — подчеркивает ЧСПД, — **активно созидать и изменять Европу и поэтому хотим находиться в ее ядре...** Вместе с тем мы требуем, чтобы Европейский союз ввел инструменты реальной социальной конвергенции, то есть сближение заработных плат, жизненного уровня и социальных стандартов в ЕС... Мы будем добиваться таких правил, которые позволят **пресечь формирование каких-либо двойных стандартов** (выделено в оригинале. — Э. З.) для “богатых” и “бедных” стран-членов»²¹.

¹⁹ Dobrá země pro život. Volební program ČSSD pro volby 2017 // Česká strana sociálně demokratická [online]. URL: <https://www.cssd.cz/ke-stazeni/volebni-programy/volebni-program-cssd-pro-volby-2017/> (accessed: 25.05.2018).

²⁰ В «Долгосрочной программе ЧСПД», принятой 11 марта 2017 г. на 39-м ее съезде, появились подвиги, касающиеся, в частности, отношений с РФ: «В рамках Восточной Европы мы хотим развивать с Российской Федерацией конструктивные отношения с акцентом на соблюдении международного права, сделать возможным экономическое и культурное сотрудничество». См.: Sociální demokracie — historické kořeny, hlavní směry a perspektivy // Česká strana sociálně demokratická [online]. URL: <http://www.cssd.cz/data/files/cssd-dlouhodoby-program.pdf> (accessed: 25.05.2018); см. также: Sociální demokracie pro 21. století // Česká strana sociálně demokratická [online]. URL: http://www.cssd.cz/data/files/socialni_demokracie_pro_21_stoleti.pdf (accessed: 25.05.2018).

²¹ Dobrá země pro život ...

Нужно отметить, что в какой-то степени надежды на урегулирование кризисной ситуации в ЧСДП возлагались на 40-й ее съезд, прошедший 18 февраля 2018 г. в г. Градец Кралове. На нем был избран новый председатель партии Я. Гамачек, на которого возлагаются надежды на кардинальные перемены и во внешнеполитическом курсе. С ним связывает свои цели исполняющий обязанности премьер-министра А. Бабиш, поскольку Гамачек тоже избегает крайностей еврооптимизма и евроскептицизма, ориентируясь на «сильную», то есть справедливую и безопасную Чехию. Показательно, что бывший председатель партии и бывший глава чешского кабинета Б. Сobotка на съезде не присутствовал, что не могло не вызвать саркастических выпадов против него.

Название предвыборной программы Христианского демократического движения-Чехословацкой народной партии (ХДС–ЧНП) (2017–2021 г.) звучит подобно лозунгу: «Ответственно за общий дом». Относительно направлений внешней политики в ней говорится: «Европейский союз мы воспринимаем как уникальное общее ценностное пространство... Мы хотим, чтобы ЧР активно проводила свои интересы в ЕС. Мы выступаем за упрочение позиции Парламента ЧР и его профессиональных возможностей, а также за более частое использование так наз[ываемой] клаузулы субсидиарности»²².

ХДС–ЧНП несколько сузила свою электоральную базу: с 6,78% голосов в 2013 г. до 5,8% в 2017 г., опустившись вниз вместе с ЧСДП, бывшим партнером по правящей коалиции. Предшествующий лозунг ХДС–ЧНП «Приведем страну в порядок» (2013 г.) предполагал ускоренное присоединение к зоне евро, облегченный доступ к фондам ЕС, возможность интеграции иммигрантов и явный акцент на трансатлантических связях. Новых импульсов эти устоявшиеся в партии ориентации так и не получили.

Три партии (АНГ 2011, ЧСДП и ХДС–ЧНП) в прошлом (2013–2017 гг.) коалиционном правительстве приняли 2 января 2014 г. Программное заявление, в соответствии с которым продекларировали намерение «укреплять многостороннее сотрудничество в евроатлантической сфере, главным образом, через активное членство в НАТО и активный подход к политическому, экономическому диалогу и диалогу в сфере безопасности между Европейским союзом и США»²³. Эта часть заявления, скорее всего, была инспирирована ХДС–ЧНП. В нынешней ситуации даже контуров союза социал-демократов с христианскими демократами не обнаруживается. Одна

²² Zodpovědně pro společný domov. Volební program KDU-ČSL pro sněmovní volby v roce 2017 // Křesťanská a demokratická unie – Československá strana lidová (KDU-ČSL) [online]. URL: <https://www.kdu.cz/getattachment/f3c301fb-b96a-4915-87e4-6ad5713164a3/Volebni-program-2017-2021.aspx> (accessed: 25.05.2018).

²³ Programové prohlášení vlády České republiky // Vláda České republiky [online]. URL: https://www.vlada.cz/assets/media-centrum/dulezite-dokumenty/programove-prohlaseni_unor_2014.pdf (accessed: 25.05.2018).

из причин — дистанцирование США от европейских дел и Brexit: рыцари евроатлантизма в этих условиях пользуются меньшей поддержкой.

Это касается еще одной правой партии — ТОП 09. В отличие от ее предыдущих программных установок на безоговорочную поддержку ЕС, в новой среднесрочной программе под названием «Видение для Чешской республики», которая была принята 28 января 2017 г.²⁴, заметно смещение фокуса на необходимость учета национальных интересов ЧР в европейском интеграционном проекте. Подтверждая, что ЧР является активным членом ЕС и НАТО на основе принципа субсидиарности, программа требует выработки «более качественных общих решений, главным образом, в области внешней, безопасности и энергетической политики». В связи с этим партией предлагаются и конкретные меры, направленные на ограничение деятельности наднациональных структур в ряде перечисленных в документе сфер. Партия взяла на себя задачу по выравниванию уровня жизни ЧР и Германии, а также введению в ближайшее время евро²⁵.

В то же время в программе без какой-либо аргументации содержатся следующие мифические утверждения: «В середине второй декады XXI века для Чешской республики, Центральной Европы и ЕС самыми большими рисками безопасности являются политические силы, подвергающие сомнению фундамент, на котором базируются демократическая система правления и система власти права... Нужно открыто сказать, что этой силой является и в ближайшие годы останется Россия»²⁶. Восточному соседу необоснованно приписываются экспансионистские действия в рамках попыток «преобразовать международную систему в так называемый “интерполярный мир”, который характеризуется переходом от культурного, политического и экономического господства Запада к более диверсифицированной и более гетерогенной международной системе, в которой новые и старо-новые игроки не только продвигают свои интересы, но также закрепляют и собственные взгляды на мир»²⁷.

ТОП 09 рекомендует ЕС адаптировать к изменяющимся условиям в мире свою политическую и военную мощь, соответствующую его экономической значимости. Это якобы позволит ему «противостоять имперским амбициям, которые в 2017 году продвигала Российская Федерация, и поднять ЕС на равный с другими великими державами уровень»²⁸.

²⁴ TOP 09: Úspěšná země — odolná společnost // TOP 09 [online]. URL: <http://www.top09.cz/co-delame/tiskove-zpravy/top-09-uspesna-zeme-odolna-spolecnost-21747.html> (accessed: 25.05.2018).

²⁵ Bezpečí a zahraniční politika // TOP 09 [online]. URL: <http://www.top09.cz/proc-nas-volit/vize2030/3-bezpeci-a-zahranicni-politika-21784.html> (accessed: 25.05.2018); см. также: Vize ČR 2030-úspěšná země, odolná společnost.pdf — TOP 09 // TOP 09 [online]. URL: http://www.top09.cz/files/soubory/vize-cr-2030-uspesna-zeme-odolna-spolecnost_1696.pdf (accessed: 25.05.2018).

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem; см. также: TOP 09: Úspěšná země — odolná společnost...

Под «великими державами» здесь подразумеваются, по всей видимости, США, с которыми уже наличествуют связи в рамках евроатлантизма. Или ЕС должен сформировать собственную «военную мощь»? Внятного указания на силу, на которую планируется возложить защиту указанного «фундамента», документ не содержит. Подобного рода заявления «не помешали» ТОП 09 резко уменьшить долю своего электората: с 11,99% в 2013 г. до 5,3% в 2017 г., т.е. более чем вдвое.

В заключение утверждается, что образцом для ЧР не являются Россия или Китай; Чехия — часть ЕС как его активный и ответственный член. ТОП 09 обещает не допустить выхода ЧР из ЕС или же проведения «абсурдных референдумов», выступает против безрассудной дискуссии о Czexit и напоминает, что с учетом исторического опыта «отход от Запада означает приближение к Востоку».

Предвыборная программа движения Старосты и независимые (СТИН) гласила: «Мы хотим вернуть государство ответственным гражданам. Можем позаботиться о наших деревнях, позаботимся и о нашем государстве». В сфере внешней политики в программе ставилась задача сохранения Чешской Республики как «интегральной составной части европейского пространства» с ценностных, экономических и политических позиций, включая сферу безопасности. Вместе с тем отмечалось: «Цель нашей политики — не многоскоростная Европа, которая по существу, скорее, разделяет Европейский союз, нежели объединяет, а дальнейшее совместное углубление внутреннего рынка ЕС с учетом экономики ЧР, с учетом процесса формирования пространства безопасности, справедливости и права для граждан ЕС». Поэтому европейский интеграционный процесс должен продвигаться как можно ближе к людям, для чего нужна реформа институтов ЕС, которая максимально приблизила бы союз к гражданину, а гражданина к союзу.

Относительно сотрудничества за рамками ЕС программа указывает, что ЧР «должна быть посредником и мостом между Европейским союзом и его дружественными в социокультурном плане восточными соседями, включая Украину, Грузию, Армению, Молдову и балканские страны», но не Россию, о которой ничего не говорится. СТИН лишь на 0,1% отстала от ТОП 09, впервые получив представительство в нижней палате парламента ЧР.

Сразу же после выборов президент ЧР М. Земан поручил лидеру победившего на выборах движения АНГ 2011 формирование нового правительства. После серии переговоров, закончившихся по ряду причин безрезультатно, А. Бабиш предпринял попытку создания однопартийного кабинета. Такое правительство меньшинства было сформировано в декабре 2017 г., а 8 января 2018 г. представлена финальная версия его Программного заявления. В отведенных внешнеполитическим вопросам разделах этого документа речь шла о готовности более решительно отстаивать интересы ЧР в объединенной Европе. Имелись в виду не только отвергаемые страной

иммигрантские квоты, но и борьба с налоговыми «убежищами», уклонениями от уплаты налогов. «Мы, — подчеркивалось в Заявлении, — не хотим только поддакивать Брюсселю, а стремимся изменить его политику. В настоящее время правительство не видит возможности вступления в еврозону, хотя по-прежнему соблюдает взятые на себя обязательства»²⁹.

В специально выделенном разделе «Внешняя политика и Европейский союз» декларировалось: «Мы будем выступать в поддержку активной и вразумительной внешней политики, которая однозначно ориентирована на продвижение чешских национальных интересов. Эта политика должна обеспечить Чешской Республике укрепление безопасности, процветание и правовой демократический характер государства. Мы являемся и будем оставаться неотъемлемой частью европейского цивилизационного и ценностного пространства. Поэтому наша внешняя политика должна основываться прежде всего на членстве в ЕС и НАТО»³⁰.

Ссылаясь на ряд причин (местоположение страны, история, экономические интересы, система ценностей), правительство объявило своим приоритетом активное членство Чехии в ЕС, который, тем не менее, «нуждается в реформе». «Правительство Чешской Республики, — говорится в Программном заявлении, — примет активное участие в обсуждении этой реформы. В рамках ЕС мы будем стремиться к тому, чтобы Чешская Республика была активным и уверенным в себе членом, способным четко сформулировать свои интересы и добиваться их реализации»³¹. Наверное, под таким документом могло бы подписаться большинство парламентских политических партий, но они не торопились сделать это. И едва ли это главная причина недоверия к премьеру так и не утвержденного парламентом правительства. Партии, как представляется, пребывают в «режиме ожидания», ориентируясь на способы разрешения конфликтов более глобального характера.

Далее в Программном заявлении отмечается необходимость поддерживать «сверхстандартные» отношения со Словакией, развивать чешско-австрийские контакты, а также продолжать «сверхстандартное» сотрудничество в формате Вишеградской четверки. Выражено и стремление к созданию в рамках ЕС новых альянсов и объединений для продвижения чешских приоритетов.

В документе правительства отсутствует термин «твердое ядро» ЕС. Однако в пассаже о «плодотворном сотрудничестве с ключевыми европейскими игроками (курсив мой. — Э. З.) — Германией и Францией и развитии стратегического с ними партнерства» такое «ядро» угадывается без особого

²⁹ Programové prohlášení vlády// Vláda České republiky [online]. URL: <https://www.vlada.cz/assets/jednani-vlady/programove-prohlaseni/Programove-prohlaseni-vlady-CR.pdf> (accessed: 25.05.2018).

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

труда. Правда, как констатируется в документе, Великобритания, несмотря на Brexit, также остается для Чехии важнейшим партнером, особенно в таких сферах, как экономика и безопасность. В Программном заявлении подтверждены содействие трансатлантическим связям и развитие сотрудничества с США, особенно в области обороны, безопасности и торговли.

Предельно осторожно, но всё же в Программном заявлении обозначена и перспектива сотрудничества с Россией. «Наивысшим приоритетом, — полагало чешское правительство, — является сохранение мира и, следовательно, гарантия уважения международного права. Мы хотим в ЕС активно участвовать в дискуссиях о будущих отношениях с Российской Федерацией». Что касается восточного вектора внешнеполитической ориентации чешского правительства в целом, то Программа нацеливалась также на поиски сбалансированного и взаимовыгодного развития отношений с Китаем, на дальнейшее развитие связей с Японией и Южной Кореей³².

Представленный 16 января 2018 г. на утверждение кабинет меньшинства во главе с премьером А. Бабишем не получил поддержку нижней палаты парламента. За доверие правительству проголосовали все 78 членов парламентской фракции АНГ 2011, против — 117 депутатов остальных восьми вошедших в парламент партий (ГДП, Пираты, СПД, КПЧМ, ЧСДП, ХДС–ЧНП, ТОП 09 и СТИН; пять депутатов отсутствовали). Парламентские партии по-разному мотивируют свое неприятие нового кабинета и его программы. Так, лидеры СТИН, ТОП 09 и Пираты подчеркнули, что Бабишу предъявлены обвинения по подозрению в махинациях с финансированием фирмы «Гнездо аиста», поэтому они не считают возможным выразить ему доверие. Что касается позиции гражданских демократов, то их в принципе не устраивает концепт правительства меньшинства; ХДС–ЧНП не могут сотрудничать с премьером до тех пор, пока над ним «нависает угроза уголовного преследования».

На следующий день правительство меньшинства подало в отставку, однако продолжает работу до назначения нового кабинета, формирование которого переизбранный в январе 2018 г. президент Земан снова поручил А. Бабишу. Как уже случалось в современной чешской истории, министры могут работать и без поддержки парламента, что может продолжаться не только недели, но и месяцы, вплоть до назначения нового правительства. Что касается внешнеполитических ориентаций АНГ 2011, то они не выкристаллизовались до конца, и это вызывает дополнительные опасения у возможных партнеров по будущей коалиции.

В настоящее время А. Бабиш продолжает переговоры о формировании коалиции с представителями различных парламентских партий, которые пока что не завершились успехом. Для одних потенциальных коалицион-

³² Programové prohlášení vlády// Vláda České republiky [online]. URL: <https://www.vlada.cz/assets/jednani-vlady/programove-prohlaseni/Programove-prohlaseni-vlady-CR.pdf> (accessed: 25.05.2018).

ных партнеров АНГ 2011 неприемлемыми представляются предлагаемые движением установки внешнеполитического курса, для других — инкриминируемые его лидеру А. Бабишу обвинения в махинациях с евродотациями, якобы полученными в свое время его фирмой «Гнездо аиста», третьих не устраивают программные приоритеты во внутривнутриполитической сфере и т.д., и т.п. Ситуация неопределенности и в этом ракурсе всё еще сохраняется.

* * *

Как показывает анализ официальных программных документов чешских парламентских партий, разделы внешнеполитических ориентаций в них занимают далеко не последнее место. Разброс предпочтений здесь предельно широк и разнообразен — от приверженности «твердому ядру» в Евросоюзе, через во многом оппортунистические требования реформирования ЕС, и до проведения референдума о выходе из него. Именно поэтому чешский электорат стоял перед достаточно сложной дилеммой на парламентских выборах — кому отдать свой голос. Всё же на то, что чешский избиратель достаточно здраво и прагматично относится к вопросам внешнеполитической ориентации ЧР, указали результаты состоявшихся в январе 2018 г. президентских выборов. Право занимать высший государственный пост на них подтвердил М. Земан — «неправильный политик» (наряду с Р. Фицо и В. Орбаном), по утверждению руководства ЕС³³, — со своим концептом сбалансированной многовекторной внешней политики Чешского государства.

Литература

1. Громыко А.А. О насущном. Европа и современный мир. М.: Нестор-История, 2017.
2. Европа vs Евразия. XXI век начинается / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2018.
3. Снегирев В. Укрываются под кроной // Российская газета. 06.03.2017.

References

1. Gromyko, A.A., 2017. *O nasushchnom. Evropa i sovremennyi mir*. Moscow: Nestor-Istoriia.
2. Nikiforov, K.V. ed, 2018. *Evropa vs Evraziia. XXI vek nachinaetsia*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
3. Snegirev, V., 2017. *Ukryvaiutsia pod krooni. Rossiiskaia gazeta*, 06.03.2017.

³³ См.: Громыко А.А. О насущном. Европа и современный мир. М., 2017. С. 55.

ТРУДЫ А.В. ФЛОРОВСКОГО ПО ИСТОРИИ ЧЕШСКО-РУССКИХ ОТНОШЕНИЙ, ИЗВЕСТНЫЕ И НЕИЗВЕСТНЫЕ: РУКОПИСИ УЧЕНОГО В АРХИВЕ РАН*

Татьяна Николаевна Лаптева –
научный сотрудник Архива РАН, Москва.
lapti-stv@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению научного наследия историка-слависта А.В. Флоровского, существенная часть произведений которого сохранилась лишь в рукописях. Работы Флоровского по истории русско-чешских отношений, основанные на изучении колоссального по объему архивного материала, до сих пор не утратили научного значения, однако многие из них так и не увидели свет, другие были опубликованы в малотиражных изданиях и с самого начала являлись библиографической редкостью. Публикация архивных рукописей способна существенно обогатить славяноведческую историографию.

Ключевые слова

А.В. Флоровский, Архив РАН, научное наследие, рукописи научных трудов, публикация архивных документов.

KNOWN AND UNKNOWN ANTONIY FLOROVSKY'S WORKS ON THE HISTORY OF CZECH-RUSSIAN RELATIONS: MANUSCRIPTS OF THE SCIENTIST IN THE ARCHIVE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Tatiana N. Lapteva –
Researcher, Archive of the Russian
Academy of Sciences, Moscow.
lapti-stv@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the scientific heritage of the historian and Slavist Antoniy Vasilyevich Florovsky. Substantial part of his works exists only in manuscripts. Florovsky's works on history of Russian-Czech relations were based on his research into numerous archival materials and they still have not lost their scholarly value, but many of them have never been published, others were published in small-circulation journals. Publication of archival manuscripts would significantly enrich the Slavic Studies historiography.

Keywords

Antoniy Florovsky, Archive of the Russian Academy of Sciences, scholarly heritage, manuscripts of scholarly works, publication of archival documents.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «А.В. Флоровский: неизданные работы» № 17-01-00236.

Сегодня проблема доступа к научному наследию ученых-эмигрантов продолжает оставаться актуальной. Это утверждение в полной мере справедливо по отношению к работам профессора Новороссийского, затем — Карлова университетов А.В. Флоровского (1884–1968), известного специалиста в области истории Петровской и Екатерининской эпох, историографии и истории чешско-русских отношений.

Флоровский был выслан из Советской России в 1922 г., в 1923 г. поселился в Праге, которая стала его вторым домом почти на полвека. Именно там он написал 90% своих научных работ. Принимая во внимание обстоятельства, Флоровский обратился к новым для себя исследовательским темам: истории чешско-русских отношений и деятельности чешских иезуитов в России, которые стали доминирующими в его творчестве до середины 1950-х годов¹.

Избранное направление позволило Флоровскому избежать научной изоляции, он смог иметь доступную источниковую и историографическую базу, публиковать статьи и доклады в чешских, болгарских, сербских, немецких, французских, польских, английских и других журналах и сборниках. По общему мнению, работы Флоровского по истории русско-чешских отношений до настоящего времени являются наиболее полными и глубокими². Однако высокий научный уровень исследований не обеспечивал им проникновение на родину ученого — с 1922 по 1945 гг. в СССР не попало ни одной его работы.

Позднее, после получения советского гражданства (1946), Флоровский смог наладить сотрудничество с советскими историками на основе общности интересов к другой научной теме — внешней политике Петра I. Благодаря этим контактам он смог передать в советские библиотеки несколько экземпляров своих славяноведческих работ [«Чешско-русские торговые отношения X–XII вв.» (1961), «Латинские школы в России в эпоху Петра I» (1962) и др.] и в частные собрания, например, «Šešti jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský východ» (1941).

Флоровский завещал сохранить его архив в целостности, но его желанию не суждено было сбыться. Документальное наследие ученого было

¹ Подробнее см.: *Ковалев М.В.* А.В. Флоровский (1884–1968): пражская жизнь одесского профессора // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 123–140; *Он же.* Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 4. С. 82–105, № 5. С. 84–97, № 6. С. 98–113.

² *Аксенова Е.П.* Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. Кн. 1. М., 1994. С. 95–100; *она же.* «Жрец» Клио (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. 11. № 1. С. 32–47; *Бондарева Е.А.* Из архива А.В. Флоровского. Конспект статьи «Предмет и содержание “русской истории или истории России”» // История и историки. М., 2001. С. 325–336; *Досталь М.Ю.* Историк-эмигрант А.В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 80–87.

разделено между Архивом АН СССР (Москва) и Славянской библиотекой (Прага). Самым крупным в России хранилищем научных трудов Флоровского стал его личный фонд в Архиве Академии наук, содержащий 48 работ (монографии, статьи и доклады) по истории русско-чешских отношений. Среди них практически отсутствуют экземпляры, подготовленные к изданию, большинство представляют собой ранние варианты научных работ с правкой и черновики³.

Первой из известных работ Флоровского о связях русского и чешского народов является его доклад, представленный на съезде руководящих органов Федерации исторических обществ Восточной Европы в 1927 г. «Россия и Чехия в истории их культурных и политических отношений» («La Russie et la Tcheques dans l'histoire des leurs rapports culturels et politiques»)⁴. В Архиве РАН хранятся два варианта рукописи этого доклада на французском языке на 63 листах, написанные чернилами рукой ученого. Первый написан набело, имеет вклейки, почти не имеет правки, на последнем листе — подпись: «25.VI.1927. Radošovice u Prahy. Ant. Florovský». Второй является черновиком, имеет много правки и дополнений на отдельных листах. В докладе Флоровский выделяет основные вехи и аспекты русско-чешских отношений и отмечает, что после исследований Йозефа Первольфа⁵, проведенных около полувека назад, было открыто множество новых архивных источников, исследование которых позволит уточнить и по-новому осветить историю государственных и индивидуальных межнациональных контактов. Доклад явился обоснованием и программой последующих исследований русско-чешских связей, избранных Флоровским в качестве магистрального направления работы в условиях эмиграции.

Уже через год была опубликована монография «Россия и Чехия в истории своих связей»⁶, рукопись которой хранится в Архиве РАН. Текст на чешском языке на 249 листах (чернила) рукой переводчика Божены Поповой имеет незначительную правку. К основному тексту приложены письмо Флоровского к редактору от 15 октября 1928 г. и заметки Б. Поповой. В монографии затронуты вопросы политической истории с VIII до XIX вв. Источниками ученому послужили обнаруженные в чешских архивах доку-

³ Ковалев М.В. Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // *Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. Материалы Международной научной конференции.* Отв. ред. В.Ю. Афиани. М., 2013. С. 131–138.

⁴ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 15.

⁵ Первольф Йозеф (Осип Осипович, Иосиф Иосифович) (1841–1891) — историк и филолог-славист, профессор Варшавского университета, автор ряда крупных славяноведческих исследований, в том числе по истории русско-чешских культурных связей.

⁶ Флоровский А.В. *Rusko a Česti. Nástin dějin jejich vztahů.* Россия и Чехия в истории своих связей // *Заграничные русские Чехословакии (Zahranicni Rusove Ceskoslovensku).* Praha, 1928. Рукопись: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 25.

менты и опубликованные древние памятники. На русском языке отдельные положения монографии были опубликованы в виде статей, а также частично вошли в большую книгу ученого «Чехи и восточные славяне»⁷. В Архиве РАН имеется резюме второго тома этой монографии (машинопись на чешском языке)⁸ и авторская аннотация к ней (чернила, 38 листов, правка чернилами и карандашом)⁹.

Сохранилась рукопись доклада, который при научном описании фонда был озаглавлен «Обзор истории русско-чешских отношений» (машинописный текст на 24 листах с рукописными дополнениями, без правки)¹⁰. В докладе названы основные этапы и сферы взаимодействия русского и чешского народов, отмечена смена характера отношений в каждый из исторических периодов. Флоровский констатировал, что контакты русского народа с чешским были менее активны, чем с другими славянскими народностями, на их развитие оказали влияние разные религиозно-культурные традиции. Датировать текст можно лишь приблизительно: 1940-е годы. Идентифицировать его с известными опубликованными работами ученого пока не удалось. Схожее содержание и структуру имеет доклад, представленный на IV съезде русских ученых в Белграде в 1929 г., тезисы которого находятся среди документов личного фонда ученого в АРАН (чернила, 6 листов)¹¹.

В личном фонде находится также фрагмент работы Флоровского, носящий условное название «О взаимном влиянии русского и чешского народов»¹². Аспекты, затронутые в этой рукописи, не рассматриваются в вышеуказанной монографии, хотя их тематика и хронология совпадают. Рукопись (чернила) на 263 листах с большим количеством правки чернилами и карандашом отражает этапы работы ученого над текстом. Начало, окончание и отдельные листы рукописи отсутствуют. На первых 74 листах имеется авторская нумерация. В рукописи исследуются вопросы о бытующих в Чехии личных именах, имеющих корни «рус» и «литва». Источниками работы послужили чешские архивные материалы и опубликованные древние акты.

Флоровский создал ряд исследований, посвященных отдельным сторонам русско-чешского общения на протяжении веков. Экономические контакты двух славянских народов отражены в ряде исследований о рус-

⁷ Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X-XVIII вв.). Прага. Т. 1. 1935; Т.2. 1947.

⁸ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 60.

⁹ Там же. Д. 55.

¹⁰ Там же. Д. 110.

¹¹ Флоровский А.В. Очерк русско-чешских отношений // Славянский глас. София, 1930. С. 1-24. Рукопись: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 27.

¹² Там же. Д. 50.

ско-чешской торговле, созданных в 1930–1960-х годах¹³. Флоровский представлял результаты своих работ об экономическом взаимодействии русских и чехов в форме докладов и лекций. В его личном фонде сохранились лекция, состоявшаяся в Русском народном университете 15 марта 1933 г.¹⁴, и доклад в Археологическом институте им. Н.П. Кондакова 19 февраля 1936 г.¹⁵. Рукопись лекции (чернила, 9 листов) отличается тезисностью изложения, отсутствием правки, наличием карандашных помет. Хронологические рамки исследования — X–XII вв., география исследования ограничена Польшей, выполнявшей роль посредника в торговых делах. Источниковой базой лекции, рассказывающей о торговых центрах и путях, а также об ассортименте товаров, ученому послужил богатый материал чешских архивов, опубликованные источники, историография о польской международной торговле. Упомянутый выше доклад был посвящен торговле в XIV–XVIII вв. Флоровский отметил расширение ассортимента товаров и вариантов торговых путей, изменение условий торговли, связанное с укреплением Австрии и разделами Польши. Рукопись (чернила) с правкой на 12 листах сохраняет форму тезисов выступления, но при этом отличается большей повествовательностью, чем лекция.

Одна работа Флоровского посвящена рассмотрению чешского военного дела и русско-чешских военных отношений в XII–XVII вв.¹⁶. Рукопись очерка (чернила, на 12 листах с большим количеством правки и подписью ученого в конце текста) имеет авторскую нумерацию (первые два листа отсутствуют). Сведений об опубликовании этой работы нет.

В фонде сохранилось несколько работ 1930-х годов о связях Чехии с Украиной¹⁷, Польшей¹⁸ и Литвой¹⁹, являвшимися наиболее близкими соседями чехов и зачастую выступавшими посредниками в деле русско-чешских связей. Статья «Украина на страницах чешской истории» (28 листов, машинопись с дополнениями, правкой и вклейками) рассматривает историю политических и экономических отношений Галицко-Волынского княжества с Чехией, Польшей и Австрией в XIII–XVII вв. Работы о чешско-польских и чешско-литовских отношениях сохранились в виде фрагментов (автограф (чернила) с правкой и пометами) с авторской нумерацией,

¹³ *Florovskij A.V. Českomoravské a slezské soukenictví a východoevropský trh // Československý časopis Historický. Praha, 1940. R. XLVI; Он же. České sukno na východoevropském trhu v XVI až XVIII věku. Praha, 1947; Он же. Чешско-русские торговые отношения X–XII вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 64–83; и др.*

¹⁴ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 43.

¹⁵ Там же. Д. 53.

¹⁶ Там же. Д. 48.

¹⁷ Там же. Д. 73.

¹⁸ Там же. Д. 40.

¹⁹ Там же. Д. 69.

написанных на оборотах выписок из литературы и источников. На многих листах присутствует авторская нумерация, в текстах отсутствуют начало и окончание. Хронологические рамки исследований — X–XV вв. Источниками в данных случаях послужили документы римской курии и чешских монастырей. Вероятно, эти работы были использованы при подготовке монографии «Чехи и восточные славяне».

Известно несколько произведений ученого о культурной составляющей русско-чешских контактов. Самым ранним из них стал доклад «О почитании св. Вячеслава, князя чешского, на Руси»²⁰, представленный на IV съезде Русских академических организаций за границей (Белград, 1929 г.). В Архиве РАН хранится рукопись в двух вариантах (всего 66 листов, чернила и карандаш) с правкой и редакторскими пометами, в которой ученый исследовал доступные ему письменные памятники, свидетельствующие о распространении культа св. Вячеслава на Руси. Обе рукописи имеют подпись: «8.VI.1929. Белград. А. Флоровский». Доклад посвящен тысячелетию со дня кончины святого князя, в нем отмечается древность проникновения его культа на Русь и наличие точек соприкосновения религиозной культуры русского и чешского народов.

Очерк «Начальные этапы развития книгопечатания у восточных славян»²¹ касается деятельности чешского книгопечатника Франциска Скорины и его влияния на развитие книгопечатания в Москве. Дату написания работы удастся установить лишь приблизительно — конец 1930-х–первая половина 1940-х годов. Очерк носит научно-популярный характер, о чем, кроме стиля изложения, свидетельствует отсутствие ссылок на исторические источники. Он написан чернилами на оборотах конспектов других работ и составляет 47 листов. К концу 1930-х–началу 1940-х годов относится статья «Чешская библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела)»²², развивающая тему вышеуказанного произведения. Текст, на 132 листах (чернила) с правкой и вклейками, написан на оборотах выписок из исследовательской литературы и посвящен изучению русского текста библии, изданной Франциском Скориной в Праге, и его влияния на другие русские издания, их сравнительному текстологическому анализу, рассмотрению роли Ф. Скорины в выборе и редактировании текста, истории проникновения в библейский текст элементов разговорной речи.

Исследования Флоровского о Скорине оказались востребованы советской исторической наукой — в 1966 г. он был приглашен к участию в под-

²⁰ Флоровский А.В. Почитание св. Вячеслава, князя чешского, на Руси // Научные труды Русского народного университета в Праге. Т. II. Прага, 1929. С. 305–325. Рукопись: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 30.

²¹ Там же. Д. 66.

²² Флоровский А.В. Чешская библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела) // Zborník filologický. Praha, 1946. R. XII. S. 153–258. Рукопись: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 59.

готовке сборника статей, посвященного Ф. Скорине и подготавливаемого Академией наук Белорусской ССР, а также к участию в торжестве в честь 450-летнего юбилея белорусского книгопечатания.

Теме западнорусского влияния на московскую образованность и вообще русскую культуру XVII в. посвящена работа Флоровского, фрагмент которой хранится в его архивном фонде под условным названием «Об украинско-белорусских связях. Очерки. Фрагмент»²³. Текст с правкой на 48 листах написан чернилами беглым почерком на оборотах рабочих материалов к трудам автора. Начало и окончание отсутствуют. Косвенные данные (новая орфография, которую Флоровский стал активно использовать в послевоенные годы) позволяют отнести его ко второй половине 1940-х годов.

По признанию самого Флоровского, проведение исследований о русско-чешских отношениях привело его к изучению вопроса о католическом влиянии на Руси. Период его увлечения темой миссий католических орденов в России пришелся на годы немецкой оккупации Чехословакии и Второй мировой войны, когда публикация работ по русской истории была особенно трудна. После 1945 г. ученый стремился работать в контексте советской науки. В СССР исследование религиозной жизни являлось одним из наименее актуальных направлений, а «Русского Оксфорда»²⁴ в Праге, где эту научную проблему можно было бы представить и обсудить, к концу войны уже не существовало. Таким образом, ряд исследований по истории проникновения католицизма в Россию, а также о религиозной политике Петра I оказались наименее востребованными и известными.

К изучению проникновения католицизма в Россию Флоровский подходил постепенно. В 1930 г. им была опубликована статья «Ян Гус в русской оценке (страница из истории чешско-русских отношений)»²⁵, наброски которой сохранились в его личном фонде. Рукопись (чернила, 14 листов) отличается большим количеством сокращений, тезисностью, но дает возможность познакомиться с основными проблемами, интересовавшими ученого. Центральное место занимает ответ на вопрос о реакции православной русской среды на гуситское движение. Круг документов, которые находились в распоряжении Флоровского, был крайне ограничен, поэтому по многим вопросам (роль гуситства в процессе возникновения ереси жидовствующих,

²³ Флоровский А.В. Чешская библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела) // *Zborník filologický*. Praha, 1946. R. XII. S. 153-258. Рукопись: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 85.

²⁴ Многие русские ученые-эмигранты первой волны поселились в Праге, где правительством Чехословакии были разработаны специальные меры для их поддержки. В первой половине 1920-х годов число русских профессоров, работавших в Праге, превысило 100 человек, что дало повод называть столицу Чехословакии «Русским Оксфордом».

²⁵ Флоровский А.В. Ян Гус в русской оценке (страница из истории чешско-русских отношений) // *Научные труды Русского народного университета в Праге*. Т. III. Прага, 1930. С.23-44. Рукопись: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 92.

о распространении гуситства на Руси и др.) он констатировал, что «дело остается неясным» и «мы не имеем прямых подтверждений» высказанным гипотезам.

Крупным трудом о тактике распространения католичества в России является монография Флоровского «Чешские иезуиты на Руси. Иезуиты чешской провинции и восточные славяне XVI–XVIII вв. (Исторические очерки)», изданная по-чешски²⁶. При ее подготовке ученый использовал широкий круг источников: копии документов из римского Архива Конгрегации пропаганды, материалы фонда «Иезуитика» Архива Пражского града, документы римских архивов, Моравского архива в Брно, Архива Богословского факультета в Оломоуце, Пражского архиепископского архива, рукописных собраний Научной и Университетской библиотек Праги. Рукопись занимает 128 листов, присутствуют исправления, вклейки и вставки. Она сохранилась во фрагментах: отсутствуют вся вторая половина работы (кроме заключения), несколько разделов первой части, отдельные листы. Монография была задумана как работа с широкими хронологическими рамками, отражающая русско-чешские религиозные контакты (русских людей с чешской иезуитской средой и чешских иезуитов с московским обществом петровского времени). Рукопись состоит из двух очерков. В первом («Восточнославянские студенты в иезуитских школах Моравии и Чехии») Флоровский освещает организационную сторону деятельности иезуитских школ, прослеживает судьбу выпускников в системе русской церковной иерархии, во втором («Московская миссия чешских иезуитов в эпоху Петра Великого») — организационный, бытовой, мотивационный, личностный аспекты иезуитской миссии в России. Подготовка книги заняла более 10 лет. Фрагмент этой работы был представлен в качестве доклада на IV съезде Русских академических организаций за границей еще в 1929 г.²⁷ В результате исследования ученый выяснил, что официальное руководство иезуитской миссией осуществлялось не Римским папским престолом, а австрийским императорским двором.

Одной из первых работ на тему участия чехов в русско-австрийских отношениях явилось исследование Флоровским эпизодов пребывания Петра I и царевича Алексея Петровича в Карловых Варах²⁸, написанное, предположительно, в конце 1940-х годов на материалах чешских архивов, большой группы опубликованных источников и исследовательской литературы. В нем рассматриваются подробности этих событий и реакция на них венского императорского двора. Рукопись (чернила) на 61 листе представляет

²⁶ *Florovskij A.V. Čeští jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský východ. Praha, 1941. Рукопись: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 64.*

²⁷ *Флоровский А.В. Русские студенты в Праге и Оломоуце в старое время // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Ч. 1. Белград, 1929. С. 141–142. Рукопись: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 33.*

²⁸ Там же. Д. 63.

собой черновик с большим количеством правки, вставками; более половины листов полностью перечеркнуто; сведений о публикации рукописи нет.

В конце 1950-х годов Флоровским была написана статья «Чешский народ и Россия в начале XVIII в. на фоне австро-русских отношений» («Česky lid a rusko počátkem XVIII století na pozadí rusko-rakouských vztahů») ²⁹. Круг источников для нее был еще более расширен. Ученый использовал материалы Государственного архива Вены, Моравского земского архива, изданий «Писем и бумаг императора Петра Великого». Основным его выводом стало утверждение факта включения России в круг австрийских интересов, произошедшего на фоне небывалого усиления ее политического могущества. Машинописный текст на чешском языке (на 80 листах) имеет много вставок, вклеек, исправлений.

В Славянской библиотеке в Праге, где хранится вторая часть архива Флоровского, рукописи его исследований по истории русско-чешских отношений представлены приблизительно в том же количестве. Среди них можно назвать монографию «Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений», статьи: «К тысячелетию святого Вячеслава», «Московские дипломаты в Чехии и Моравии», «Русь и чехи», «Московские ученики чешских иезуитов (П. Артемьев и П. Роговский)», «К вопросу о гуситском влиянии в восточно-славянской среде», «Чешские струи в истории русского литературного развития» и др. Присутствуют завершенные работы, их ранние варианты, конспекты, черновые наброски.

Дублетность рукописей, посвященных истории чешско-русских отношений, в Москве и Праге составляет около 20%.

Установление соответствия имеющихся рукописей опубликованным трудам Флоровского сродни решению математического ребуса со многими неизвестными. Большие сложности возникают уже на первом этапе — при попытке составить полную библиографию его изданных трудов. На сегодняшний день удалось выявить около 250 опубликованных работ, из них по истории чешско-русских отношений — 70. Списки известных опубликованных работ Флоровского по истории чешско-русских отношений и архивных рукописей той же тематики совпадают не более чем на 50%, то есть примерно половина его трудов не дошла до широкой научной общественности, и ознакомиться с ней можно только в архивах Москвы или Праги. При этом можно назвать работы, сохранившиеся только в опубликованном виде, иногда обнаруживаемые в единственном экземпляре в какой-либо из библиотек Европы.

Активное введение в научный оборот архивных документов Москвы и Праги позволит вернуть исторической науке ряд ценнейших исторических трудов А.В. Флоровского (всего около 400 произведений), примерно 60 из которых посвящены славяноведческим вопросам.

²⁹ Флоровский А.В. Русские студенты в Праге и Оломоуце в старое время // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Ч. 1. Белград, 1929. С. 141-142. Рукопись: Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 96.

Литература

1. Аксенова Е.П. «Жрец» Клио (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. 11. № 1. С. 32–47.
2. Аксенова Е.П. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940 / под общ. ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского. Кн. 1. М.: Наследие, 1994. С. 95–100.
3. Бондарева Е.А. Из архива А.В. Флоровского. Конспект статьи «Предмет и содержание “русской истории или истории России”» // История и историки / отв. ред. Сахаров А.Н. М.: Наука, 2001. С. 325–336.
4. Досталь М.Ю. Историк-эмигрант А.В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 80–87.
5. Ковалев М.В. А.В. Флоровский (1884–1968): пражская жизнь одесского профессора // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 123–140.
6. Ковалев М.В. Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 4. С. 82–105.
7. Ковалев М.В. Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 5. С. 84–97.
8. Ковалев М.В. Зигзаги судьбы: профессор А.В. Флоровский и его советские коллеги // Россия XXI. 2016. № 6. С. 98–113.
9. Ковалев М.В. Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. Материалы Международной научной конференции / отв. ред. В.Ю. Афиани. М.: Архив РАН, 2013. С. 131–138.
10. Флоровский А.В. Очерк русско-чешских отношений // Славянски глас. София, 1930. С. 1–24.
11. Флоровский А.В. Почитание св. Вячеслава, князя чешского, на Руси // Научные труды Русского народного университета в Праге. Т. II. Прага, 1929. С. 305–325.
12. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне: Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Т. 1–2. Прага, 1935–1947.
13. Флоровский А.В. Чешская библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела) // Zborník filologický. 1946. R. XII. S. 153–258.
14. Флоровский А.В. Русские студенты в Праге и Оломоуце в старое время // Труды IV съезда Русских академических организаций за границей. Ч. 1. Белград: Изд-во Русского Научного института в Белграде, 1929. С. 141–142.
15. Флоровский А.В. Чешско-русские торговые отношения X–XII вв. // Международные связи России до XVII в. / редкол. А.А. Зимин, В.Т. Пашуто. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 64–83.
16. Флоровский А.В. Ян Гус в русской оценке (страница из истории чешско-русских отношений) // Научные труды Русского народного университета в Праге. Т. III. Прага, 1930. С. 23–44.

17. *Флоровский А.В.* Rusko a Česti. Nástin dějin jejich vztahů. Россия и Чехия в истории своих связей // Заграничные русские Чехословакии (Zahranicni Rusove Ceskoslovensku). Praha: Svaz Ruských Válečných Invalidů v ČSR, 1928.
18. *Florovskij A.V.* České sukno na východoevropském trhu v XVI až XVIII věku. Praha: Archiv pro dějiny průmyslu, obchodu a technické práce, 1947.
19. *Florovskij A.V.* Českomoravské a slezské soukenictví a východoevropský trh // Československý časopis historický. 1940. R. XLVI.
20. *Florovskij A.V.* Čeští jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský východ. Praha, 1941.

References

1. Aksenova, E.P., 1994. Istoricheskaia nauka SSSR i russkogo zarubezh'ia v otsenke A.V. Florovskogo. In: Chelyshev, E.P., Shakhovski, D.M., 1994. *Kul'turnoe nasledie rossiiskoi emigratsii 1917–1940*. Kn. 1. Moscow: Nasledie. S. 95–100.
2. Aksenova, E.P., 2009. “Zhrets” Klio (k nauchnoi biografii A.V. Florovskogo). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2009, 11 (1). S. 32–47.
3. Bondareva, E.A., 2001. Iz arkhiva A.V. Florovskogo. Konspekt stat'i “Predmet i sodержanie “russkoi istorii ili istorii Rossii”. In: Sakharov, A.N., 2001. *Istoriia i istoriki*. Moscow: Nauka. S. 325–336.
4. Dostal, M.Yu., 2011. Istorik-emigrant A.V. Florovskij v Chekhoslovakii: stranitsy nauchnogo tvorchestva. *Novyi istoricheskii vestnik*, 28. S. 80–87.
5. Kovalev, M.V., 2013. Lichnyi fond A.V. Florovskogo v Slavianskoi biblioteke v Prage: sostav dokumentov i istoriia formirovaniia. In: Afiani, V.Iu. ed, 2013. *Fundamental'naia nauka: problemy izucheniia, sokhraneniia i restavratsii dokumental'nogo naslediia. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Moscow: Arkhiv RAN. S. 131–138.
6. Kovalev, M.V., 2016. Zigzagi sud'by: professor A.V. Florovskij i ego sovetские kollegi. *Rossii XXI*, 4. S. 82–105.
7. Kovalev, M.V., 2016. Zigzagi sud'by: professor A.V. Florovskij i ego sovetские kollegi. *Rossii XXI*, 5. S. 84–97.
8. Kovalev, M.V., 2016. Zigzagi sud'by: professor A.V. Florovskij i ego sovetские kollegi. *Rossii XXI*, 6. S. 98–113.
9. Kovalev, M.V., 2017. A.V. Florovskij (1884–1968): prazhskaia zhizn' odeskogo professor. *Novaia i noveishaia istoriia*, 6. S. 123–140.
10. Florovskij, A.V., 1928. Rusko a Česti. Nástin dějin jejich vztahů. Rossiia i Chekhiia v istorii svoikh sviazei. *Zagranichnye russkie Chekhoslovakii (Zahranicni Rusove Ceskoslovensku)*. Praha: Svaz Ruských Válečných Invalidů v ČSR.
11. Florovskij, A.V., 1929. Pochitanie sv. Viacheslava, kniazia cheshskogo, na Rusi. *Nauchnye trudy Russkogo narodnogo universiteta v Prage*. T. II. S. 305–325.
12. Florovskij, A.V., 1929. Russkie studenty v Prage i Olomoutse v staroe vremia. *Trudy IV s'ezda Russkikh akademicheskikh organizatsii za granitsej*. Ch. 1. Belgrad: Izd-vo Russkogo Nauchnogo instituta v Belgrade. S. 141–142.
13. Florovskij, A.V., 1930. Jan Hus v russkoi otsenke (stranitsa iz istorii cheshko-russkikh otnoshenii). *Nauchnye trudy Russkogo narodnogo universiteta v Prage*. T. III. S. 23–44.

14. Florovskij, A.V., 1930. Oчерk rusско-cheshskikh otnoshenii. *Slavianski glas*. S. 1–24.
15. Florovskij, A.V., 1935–1947. *Chekhi i vostochnye slaviane: Oчерki po istorii cheshsko-russkikh otnoshenii (X–XVIII vv.)*. T. 1–2. Praga.
16. Florovskij, A.V., 1940. Českomoravské a slezské soukenictví a východoevropský trh. *Československy časopis historicky*, r. XLVI.
17. Florovskij, A.V., 1941. *Češti jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský východ*. Praha.
18. Florovskij, A.V., 1946. Cheshskaia bibliia v istorii russkoi kul'tury i pis'mennosti (Fr. Skorina i prodolzhateli ego dela). *Zborník filologický*, r. XII. S. 153–258.
19. Florovskij, A.V., 1947. *České sukno na východoevropském trhu v XVI až XVIII věku*. Praha: Archiv pro dějiny průmyslu, obchodu a technické práce.
20. Florovskij, A.V., 1961. Cheshsko-russkie torgovye otnosheniia X–XII vv. In: Zimin, A.A., Pashuto, V.T. eds, 1961. *Mezhdunarodnye sviazi Rossii do XVII v.* Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. S. 64–83.

БИБЛИОТЕКА М.П. И Н.М. ПЕТРОВСКИХ В 20–30-Е ГОДЫ XX В.

Мария Владимировна Колмакова –
заведующая сектором Славянского фонда
Отдела фондов и обслуживания
Библиотеки Российской академии наук,
Санкт-Петербург,
kolmakovamv@yandex.ru

Аннотация

Библиотека Мемнона Петровича и Нестора Мемноновича Петровских собиралась во второй половине XIX — начале XX вв. в Казани. В 1920-е годы XX в. она была перевезена в Москву, в 1930-е годы — в Ленинград. Под руководством Н.С. Державина в период с 1931 по 1934 гг. была организована работа Института славяноведения в стенах Библиотеки Академии наук СССР (БАН). В этот период часть библиотеки М.П. и Н.М. Петровских была определена на хранение в БАН при этом Институте. После 1934 г. работа Института была прекращена; в течение нескольких лет продолжал функционировать «Кабинет славяноведения», который после 1936 г. также был расформирован. Книги, в том числе часть библиотеки М.П. и Н.М. Петровских, были переданы в фонды БАН.

Ключевые слова

Славянский фонд Библиотеки Российской академии наук, Мемнон Петрович Петровский (1833–1912), Нестор Мемнонович Петровский (1875–1921), личная библиотека, славяноведение.

MEMNON AND NESTOR PETROVSKY'S BOOK COLLECTION IN THE 1920S AND 1930S

Maria V. Kolmakova –
Head of Department, Slavic Collection,
Library of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg,
kolmakovamv@yandex.ru

Abstract

Memnon and Nestor Petrovsky's Library was created in Kazan in the second half of the nineteenth — early twentieth century. In the 1920s, it was transported to Moscow, then, in the 1930s, — to Leningrad. From 1931 to 1934, when the Institute of Slavic Studies functioned in the building of the Library of the Russian Academy of Sciences, a part of Petrovskys' Library was stored there. After 1934, the Institute was closed, but the Slavic Cabinet continued its work. However, the Slavic Cabinet was also disbanded in 1936. The books, including parts of Petrovskys' Library, were transferred to the ASL funds.

Keywords

Slavic Fund of the Library of the Russian Academy of Sciences, Memnon Petrovsky, Nestor Petrovsky, personal library, Slavic Studies.

Формирование личных библиотек ученых является неотъемлемой частью процесса научно-исследовательской работы, вследствие чего в их состав бывают включены печатные памятники, многие из которых хранят различные свидетельства о профессиональных контактах, дружеских отношениях, а также различные пометы и маргиналии. Изучение этих материалов может существенно дополнить имеющиеся знания о жизни и работе деятелей науки.

Настоящая статья посвящена библиотеке, собранной двумя выдающимися учеными-славистами: Мемноном Петровичем Петровским (1833–1912) [членом-корреспондентом Петербургской академии наук (1895 г.), заграничным членом Чешской Академии наук и искусств в Праге (1900 г.)] и Нестором Мемноновичем Петровским (1875–1921) [членом-корреспондентом Российской Академии наук по специальности «славянская филология» (1917 г.)]. Библиотека М.П. и Н.М. Петровских является ярким примером личной рабочей научной библиотеки, которая собиралась на протяжении нескольких десятилетий и сосредоточила в себе огромное количество интереснейших документов. Ее ценность отмечали многие ученые. Академия наук видела особую важность в сохранении этой библиотеки для исследователей истории славянской культуры и словесности¹.

Прежде всего необходимо коротко остановиться на основных этапах формирования этой библиотеки.

В 1921 г., после смерти Н.М. Петровского, библиотека ученых была перемещена в Казанский университет (кабинет славяноведения). В 1927 г. в Московском государственном университете на этнологическом факультете была начата подготовка славистов. Ученик Н.М. Петровского А.М. Селищев с 1922 г. был профессором кафедры славянской филологии МГУ и знал о существовании этой сокровищницы книжных памятников, которая позволила бы вывести подготовку молодых славистов на качественно новый, высокий уровень. Он обратился к руководству университета с предложением о перевозе библиотеки из Казани в Москву. В 1929 г. было подписано разрешение о перемещении коллекции, и в 1930 г. книги были перевезены в Лингвистический кабинет МГУ. Однако в 1930 г. в университете прекратили подготовку славистов, и сохранение библиотеки М.П. и Н.М. Петровских оказалось под угрозой.

В 1931 г. под руководством Н.С. Державина в Ленинграде был создан Институт славяноведения АН СССР, куда перешел на работу А.М. Селищев. Он не оставлял заботу о библиотеке М.П. и Н.М. Петровских и немало способствовал ее перемещению в профильный институт.

В 1934 г. деятельность Института славяноведения АН СССР была прекращена, и библиотеку М.П. и Н.М. Петровских было решено передать в Библиотеку Академии наук СССР, где стараниями Н.С. Державина в пе-

¹ Горяинов А.Н., Кишкин Л.С. Книжное собрание М.П. и Н.М. Петровских // Советское славяноведение. 1986. № 5. С. 81.

риод с 1931 по 1934 гг. была организована работа «Кабинета славяноведения»². После его закрытия книги были переданы в ведение различных фондов ветвистой структуры Библиотеки Академии наук СССР (*сегодня — Библиотека Российской академии наук; далее в тексте — БАН*).

Из расположения книг на местах в хранениях можно предположить, что книги из библиотеки М.П. и Н.М. Петровских были подвергнуты общему библиотечному принципу распределения изданий по фондам. Прежде всего, они были сверены с алфавитными каталогами БАН, и результаты этой проверки во многом определили дальнейшую судьбу книг. Часть изданий, впервые поступивших в библиотеку типографских единиц, были направлены в фонды БАН в соответствии с местом и годом их публикации, а также с их профилем. Другая часть — ранее представленные в репертуаре фондов в БАН — частично восполнили имеющиеся лакуны, а также заменили ряд обветшавших изданий.

Такая система комплектования позволила, с одной стороны, более грамотно распределить издания между фондами БАН и существенно пополнить профильные фонды библиотек академических институтов (являвшихся филиалами БАН), что способствовало организации более удобного доступа к научной литературе для читателей. С другой стороны, многие ценнейшие книжные собрания оказались рассредоточены и недоступны для изучения как цельные корпуса. По этой причине сложился своего рода «библиотечный парадокс»: библиотека М.П. и Н.М. Петровских доступна читателям и недоступна им одновременно.

Выявление изданий, происходящих из личных библиотек, в таком формате представляет особенную сложность, но не отменяет необходимости этой работы. Большую помощь на этом пути оказывают отличительные внешние признаки, которыми отмечены большинство экземпляров, происходящие из библиотеки М.П. и Н.М. Петровских. Наиболее распространены из них являются:

- ▶ овальный штамп с вписанным текстом: «Библиотека М.П. и Н.М. Петровских». Его, как правило, размещали на крышке переплета, титульном листе, а также на 9-й или 11-й страницах текста;
- ▶ квадратный штамп с вписанным текстом: «Лингвистический кабинет при Этнологическом факультете при 1-м М.Г.У.». В большинстве случаев он встречается на титульном листе и последней странице текста, а также на отдельных страницах издания;
- ▶ значительная часть экземпляров библиотеки М.П. и Н.М. Петровских имеет специфические цельно бумажные или комбинированные переплеты или обложки, которые также позволяют визуально отделить издания из указанного собрания от других книг, хранящихся в фонде.

² *Шанова З.К.* Институт славяноведения (1931-1934) в стенах Библиотеки Академии Наук // Петербургская библиотечная школа. 2015. 4 (52). С. 59-63.

- ▶ порядковый номер по «Документальному каталогу библиотеки М.П. и Н.М. Петровских» представляет собой комбинацию арабских чисел, расположенных, как правило, в верхнем левом углу обложки и/или титульного листа издания.

О самом «Документальном каталоге» сто́ит сказать немного подробнее. Это рукописный документ, составленный в трех томах (по всей видимости, в Казани). «Опись книг под названием “Документальный каталог библиотеки М.П. и Н.М. Петровских” состоит из трёх частей. В первую и вторую части записано 9116 названий: I — № 4202; II — № 4203-9116. В третью часть, которая имеет подзаголовок “Глаголица, рукописи, редкие книги”, — 145 названий, главным образом издания текстов рукописей, редкие книги и несколько рукописей. В инвентарную книгу Отдела рукописей “Документальный каталог” записан 3 декабря 1940 г. с указанием источника поступления — “Из Отдела особых фондов БАН”»³. В настоящее время все три тома хранятся в Научно-исследовательском Отделе рукописей Библиотеки Российской академии наук в собрании «текущих поступлений». Все три тома имеют переплеты, а в завершении последнего листа — подпись: «Означенные по сему каталогу книги сдала Е. Петровская 21/IX 25»⁴. Предполагаем, что это дата передачи книг в библиотеку Казанского университета. Второй и третий тома «Документального каталога» также имеют подпись: «Означенные в сем каталоге книги ... принял А. Селищев, профессор Москов. Госуд. Университета 9 сентября 1929 г. Казань»⁵. Эта информация служит дополнительным подтверждением того, что в 1929 г. книги готовились для отправки в Москву (в ведение Лингвистического кабинета Московского государственного университета), под руководством А.М. Селищева. В подписи ко второму тому «Документального каталога» рукой А.М. Селищева указаны номера, которые в силу различных причин им не были приняты (предполагаем, что они были оставлены, как не имеющие славянской тематики издания). Исходя из этих записей, мы можем составить предварительный список изданий, оставленных в стенах Казанского университета (250 перечисленных позиций «Документального каталога»), который может лечь в основу специального исследования.

К сожалению, не все экземпляры, которые удалось выявить в ходе нашей работы, имеют полный комплекс означенных внешних признаков. Многие издания отмечены только одним или двумя из них. Однако встречаются книги, на которых наличествуют все четыре признака.

В Отделе фондов и обслуживания БАН в настоящее время выявлено около 400 изданий на различных языках:

³ Белова Л.Б. Рукописные и печатные книги из библиотеки М.П. и Н.М. Петровских в Отделе рукописей БАН // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 1. С. 28.

⁴ Документальный каталог библиотеки М.П. и Н.М. Петровских: [в 3-х тт.]: [рукописный документ]. [Казань, 19..]. Т. 1. Л. 234-235; Т. 2. Л. 221; Т. 3. Л. 10-11.

⁵ Там же. Т. 2. Л. 222; Т. 3. Л. 11.

- ▶ в фонде отечественной литературы — 224 издания (в том числе монографические и периодические);
- ▶ в фонде иностранной литературы — 55 изданий;
- ▶ в газетном фонде — 86 номеров (2 наименования);
- ▶ в Славянском фонде — 193 издания. Из них: 36 единиц выявлено в польском отделе, 16 — в чешском, 6 — в болгарском, 3 — в хорватском, 2 — в украинском. Самая значительная часть изданий (130 единиц), выявленных в период с 2013 по 2017 гг., была распределена в общеславянском отделе⁶ между тремя его подотделами (собрание И.И. Срезневского, собрание Славянского благотворительного общества и «разное»).

Следует обратить внимание на шифры, которые присваивались изданиям, так как в это время в БАН использовался хронологический принцип расстановки, позволяющий получить сведения о времени, в котором издания проходили полную процедуру «обработки» (включающую проверку наличия по каталогам, присвоение шифров, инвентарных номеров и пр.). Если произвести такой анализ применительно к изданиям, переданным в ведение БАН после ликвидации «Кабинета славяноведения», то можно сделать вывод о том, что интенсивная работа по их внедрению в фонды БАН велась в 1935–1941 гг. Возможно, указанные крайние границы будут расширены, когда мы будем иметь возможность проанализировать более массивный в количественном отношении массив изданий*.

Несомненно, стоит также сказать и о том, что часть книг была определена для хранения в специальные научные отделы БАН. В подсобной библиотеке Отдела рукописей выявлены 115 единиц⁷. В фондах библиотеки Института русской литературы (Пушкинском Доме) имеются сведения о наличии порядка 200 изданий.

Все эти сведения, безусловно, требуют тщательной проверки *de visu* и сопоставления с записями в «Документальном каталоге». Очень надеемся, что такую работу удастся провести в скором времени.

⁶ Общеславянский отдел, «главным образом, состоящий из книг Измаила Ивановича Срезневского и авторских пожертвований» (Императорская академия наук: 1889–1914. Т. 2: Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Ч. 1. Петроград, 1917. С. 34), также содержит издания на неславянских языках, но посвященные славистической тематике. Впоследствии в его рамках были выделены два особых подотдела: «Книги И.И. Срезневского» и «Книги Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества». За этими подотделами были закреплены специальные шифры («XXIV Ср» и «XXIV Со»), в которых «XXIV» — обозначение общеславянского отдела).

* В своей работе Л.Б. Белова отмечает, что в Отдел рукописей БАН издания поступали с 1939 г., а отдельные издания фиксировались с 1941 по 1991 гг. В настоящее время, применительно к изданиям, выявленным в Отделе фондов и обслуживания БАН, мы не имеем данных о регистрации изданий в период после 40-х годов XX в.

⁷ Белова Л.Б. Рукописные и печатные книги из библиотеки М.П. и Н.М. Петровских. С. 30.

Остается неизвестной судьба тех изданий, которые остались в Казанском университете (на момент перемещения основного массива книг в 1929–1930 гг.), а также тех экземпляров, которые по разным причинам могли быть утеряны при транспортировке, либо вследствие других неустановленных причин. На мысли о возможности таких причин нас навела информация о нахождении экземпляров, имеющих ряд внешних признаков библиотеки М.П. и Н.М. Петровских, в частных руках, а также на сайтах аукционов.

Так, достоверно известно о наличии в библиотеке Воронежского государственного университета (далее — ВГУ) издания: *Калмыков П.Д. О литературной собственности вообще и в особенности об истории прав сочинителей в России. СПб.: Тип. Имп. АН, 1851. 91 с.* На титульном листе этого издания имеется штамп библиотеки М.П. и Н.М. Петровских⁸. Этот экземпляр был приобретен выпускником и сотрудником ВГУ О.Г. Ласунским, который передал издание в дар библиотеке ВГУ. По свидетельству исследователей, этот экземпляр имеет характерный штамп библиотеки М.П. и Н.М. Петровских, а также экслибрис О.Г. Ласунского⁹. Исходя из имеющихся сведений, можно выдвинуть предположение, что указанное издание было приобретено в Казани, так как его содержание не относится к славистической тематике. Памятуя о слиянии историко-филологического и общественного (образованного на основе юридического) факультетов, можно также подкрепить наше предположение о происхождении данного экземпляра из части собрания М.П. и Н.М. Петровских, оставшейся в Казанском университете в 1920-е годы. К сожалению, мы не имеем информации о наличии или отсутствии надписи с комбинацией арабских цифр на обложке и/или титульном листе указанного издания, что существенно осложняет задачу проверки его регистрации в «Документальном каталоге».

Сотрудниками Славянского фонда БАН был установлен ряд изданий, в настоящее время встречающихся на аукционах:

1. Экземпляры (лоты), представленные на сайтах аукционов, имеющие фотографии, на которых мы можем видеть внешние признаки, позволяющие сделать вывод о принадлежности издания к библиотеке М.П. и Н.М. Петровских:
 - *Колыбель камня мудрых / описанная неизвестным Шевалье на французском языке, а на немецкий переведена I.A.M.C. M., 1783. 56 с.*¹⁰ (демонстрируются: овальный штамп библио-

⁸ Подкопаева И.В. Рассуждение ординарного профессора императорского Санкт-Петербургского университета П.Д. Калмыкова о литературной собственности и правах сочинений в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. 2010. № 1. С. 573.

⁹ Там же.

¹⁰ Аукционный дом «Империя»: [сайт]. М., 2018. Аукцион №49 (29.10.2016) Лот 11. URL: <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=49656> (дата обращения 28.03.2018).

теки М.П. и Н.М. Петровских, надпись фиолетовыми чернилами «2071» (соответствует порядковому номеру в «Документальном каталоге»)).

- *Пассек В.В.* Исследования в области русской истории. М., 1870. [4], 30, 188, [2], 158 с.¹¹ (демонстрируются: овальный штамп библиотеки М.П. и Н.М. Петровских, надпись фиолетовыми чернилами «3395» (соответствует порядковому номеру в «Документальном каталоге»)).
 - *Собрание узаконений Русского государства / изд. Е.П. Карновича.* Т. 1. СПб., 1874. XVI, 1024 стб., 112 с.¹² (демонстрируются: овальный штамп библиотеки М.П. и Н.М. Петровских, надпись фиолетовыми чернилами «2386» (соответствует порядковому номеру в «Документальном каталоге»)).
 - *Вакенродер В.Г.* Об искусстве и художниках: Размышления отшельника, любителя изящного / изд. Л. Тикком. М., 1826. [2], IV, [2], 314, [1] с.¹³ (демонстрируются: овальный штамп библиотеки М.П. и Н.М. Петровских, надпись фиолетовыми чернилами «4880» (соответствует порядковому номеру в «Документальном каталоге»)).
 - *Посошков И.Т.* Завещание отеческое к сыну / Открыто и издано Андреем Поповым. М., 1873. XV, 246, [1] с., 1 л.¹⁴ (демонстрируется: овальный штамп библиотеки М.П. и Н.М. Петровских. В случае с данным экземпляром означенный сайт-продавец извещает своих посетителей о том, что издание подвергалось реставрации. Возможно по этой причине надпись чернилами с комбинацией цифр не сохранилась).
2. Экземпляры (лоты), представленные на сайтах аукционов, на фотографиях которых мы не можем видеть отличительные внешние признаки, позволяющие нам уверенно атрибутировать издание как происходящее из библиотеки М.П. и Н.М. Петровских. Но в описании экземпляра продавец отмечает, что экземпляр имеет отличительные знаки:

¹¹ Аукционный дом «Антикварный Книжный Клуб»: [сайт]. М., 2018. Аукцион № 17 в 2 сессии: 1. Графика, живопись. 2. Редкие книги, фотографии, открытки (октябрь 2017). Лот 103. URL: <http://auction-antiquebook.ru/tovar/lot-103-21/> (дата обращения 28.03.2018).

¹² Аукционный дом «Антикварный Книжный Клуб»: [сайт]. М., 2018. Аукцион № 14 «Редкие и ценные книги, автографы, коллекционные гравюры и экслибрисы» (май 2017). Лот. 123. URL: <http://auction-antiquebook.ru/tovar/lot-123-17/> (дата обращения 28.03.2018); Аукционный дом «Антикварный Книжный Клуб»: [сайт]. М., 2018. Аукцион № 10 «Редкие и ценные книги, автографы, рукописи и произведения графического искусства» (декабрь 2016). Лот. 157. <http://auction-antiquebook.ru/tovar/lot-157-10/> (дата обращения 28.03.2018).

¹³ Аукционный дом «Антикварный Книжный Клуб»: [сайт]. М., 2018. Аукцион № 9 «Редкие и ценные книги, автографы, рукописи» (ноябрь 2016). Лот. 16. URL: <http://auction-antiquebook.ru/tovar/lot-16-9/> (дата обращения 28.03.2018).

¹⁴ Аукционный дом «Империya»: [сайт]. М., 2018. Аукцион №54 (30.09.2017). Лот 104. URL: <http://www.auction-imperia.ru/wdate.php?t=booklot&i=54152> (дата обращения 28.03.2018).

- *Шишков А.С.* Записки адмирала А.С. Шишкова. М.: О-во истории и древностей российских при Московском университете, 1868. [2], II, 142 с.¹⁵ (информация, указанная продавцом: «Цифровая отметка на титульном листе и штамп библиотеки М.П. и Н.М. Петровских, он же на с. 11»¹⁶).
- *Чебышев-Дмитриев А.П.* О преступном действии по русскому допетровскому праву. Казань, 1862. 242 с.¹⁷ (информация, указанная продавцом: «На с. 11 штамп библиотеки М.П. и Н.М. Петровских»¹⁸).

Используя полученную информацию об экземплярах, которые выявлены на сайтах аукционов, можно сделать вывод о физическом наличии изданий (возможно, впоследствии они станут украшением чьей-то научной библиотеки).

Установить местонахождение всех экземпляров, указанных в «Документальном каталоге», — задача грандиозная и совершенно невероятная для воплощения в настоящее время. Слишком извилисты пути распространения книг, так тщательно собиравшихся и несомненно ценных. Но постепенно собирая сведения, которые, по счастью, удастся получить в ходе различных изысканий, имеется шанс узнать о судьбе большинства экземпляров, составлявших некогда корпус грандиозной научной библиотеки казанских славистов.

Библиотека М.П. и Н.М. Петровских пополнялась изданиями в процессе работы ученых над их исследованиями, установления профессиональных контактов, в ходе командировок и различных поездок, а также благодаря работе с различными книготорговцами. Все эти аспекты иллюстрируются различными провененциями, которые сохранились на книгах и в настоящее время идентифицируются как происходящие из библиотеки М.П. и Н.М. Петровских. Среди них имеются дарственные надписи, адресующие издания М.П. Петровскому и Н.М. Петровскому. Дарителями выступали известные ученые-современники, коллеги и друзья: В.А. Францев, А.А. Котляревский, М. Гаттала, Т.Д. Флоринский, А.А. Кочубинский, А.С. Будилович, Н.П. Задерацкий, Б.В. Варнеке, П.А. Безсонов, А.А. Симолин, В.И. Огородников, К.В. Харлампович, Е.Ф. Карский, П.А. Заболотский и др. В том числе их стараниями М.П. и Н.М. Петровским удалось

¹⁵ Аукционный дом «Антикварный Книжный Клуб»: [сайт]. М., 2018. Аукцион № 16 в 2 сессии: 1. Графика, живопись, плакаты. 2. Редкие книги, фотографии, открытки (сентябрь 2017). Лот. 148. URL: <http://auction-antiquebook.ru/tovar/lot-148-19/> (дата обращения 28.03.2018).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Аукционный дом «Антикварный Книжный Клуб»: [сайт]. М., 2018. Аукцион № 14 «Редкие и ценные книги, автографы, коллекционные гравюры и экслибрисы» (май 2017). Лот. 109. URL: <http://auction-antiquebook.ru/tovar/lot-109-17/> (дата обращения 28.03.2018).

¹⁸ Там же.

составить весьма широкий репертуар библиотеки, содержащий множество актуальных и интересных изданий, посвященных не только славянской истории, филологии и культуре.

Очевидно, что физически мы не сможем собрать воедино весь корпус библиотеки М.П. и Н.М. Петровских, но мы можем прибегнуть к формату виртуальной реконструкции, которая на раннем этапе предполагает создание каталога подробных библиографических описаний изданий, происходящих из этого собрания. В настоящее время в Славянском фонде БАН начата работа по каталогизации выявленных изданий на основе базы данных ИРБИС, которую используют многие научные библиотеки нашей страны. Впоследствии, когда наши поиски и анализ найденных экземпляров будут находиться на финальной стадии, появится возможность вести речь о дальнейшей работе по виртуальной реконструкции, в рамках которой мы сможем собрать и представить специалистам из разных областей корпус библиотеки М.П. и Н.М. Петровских как единую и уникальную личную научную библиотеку. Она поможет современным ученым совершить множество интереснейших и важных открытий.

Литература

1. Белова Л.Б. Рукописные и печатные книги из библиотеки М.П. и Н.М. Петровских в Отделе рукописей БАН // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 1.
2. Горяинов А.Н., Кишкин Л.С. Книжное собрание М.П. и Н.М. Петровских // Советское славяноведение. 1986. № 5.
3. Подкопаева И.В. Рассуждение ординарного профессора императорского Санкт-Петербургского университета П.Д. Калмыкова о литературной собственности и правах сочинений в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. 2010. № 1.
4. Шанова З.К. Институт славяноведения (1931–1934) в стенах Библиотеки Академии Наук // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 4 (52).

References

1. Belova, L.B., 2018. Rukopisnye i pechatnye knigi iz biblioteki M.P. i N.M. Petrovskikh v Otdele rukopisei BAN. *Peterburgskaia bibliotchnaia shkola*, 1.
2. Goriainov, A.N., Kishkin, L.S., 1986. Knizhnoe sobranie M.P. i N.M. Petrovskikh. *Sovetskoe slavianovedenie*, 5.
3. Podkopaeva, I.V., 2010. Rassuzhdenie ordinarnogo professora imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta P.D. Kalmykova o literaturnoi sobstvennosti i pravakh sochinenii v Rossii. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: parvo*, 1.
4. Shanova, Z.K., 2015. Institut slavianovedeniia (1931–1934) v stenakh Biblioteki Akademii Nauk. *Peterburgskaia bibliotchnaia shkola*, 4 (52).

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ П.А. СЫРКУ В ЧАСТНЫХ СОБРАНИЯХ СЛАВИСТОВ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Дарья Юрьевна Чернышенко –

главный библиотекарь
сектора Славянского фонда
Отдела фондов и обслуживания
Библиотеки Российской академии наук,
Санкт-Петербург.
gaal.freude@gmail.com

Аннотация

В настоящее время сотрудниками Славянского фонда БАН ведется реконструкция частного собрания П.А. Сырку, поступившего в 1906–1908 гг. После смерти ученого его личная библиотека была приобретена Петербургским университетом и библиотекой Академии наук. Поэкземплярная работа с изданиями позволит проследить книгообмен между учеными-славистами.

Ключевые слова

П.А. Сырку (1855–1905), П.А. Лавров (1856–1929), И.И. Срезневский (1812–1880), личные библиотеки, библиотека Академии наук, Петербургский университет, славяноведение.

BOOKS FROM THE POLICHRONY SYRKU'S LIBRARY IN PRIVATE COLLECTIONS OF SLAVISTS (PRELIMINARY OBSERVATIONS)

Daria Yu. Chernyshenko –

Chief Librarian, Slavic Collection,
Library of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg.
gaal.freude@gmail.com

Abstract

Nowadays, research-fellows of the Slavic Fund of the Library of the Russian Academy of Sciences are reconstructing Polichrony Syrku's book collection that was bought by the Library in 1906–1908. After the scholar's death, his private library was acquired by Saint Petersburg University and the Library of the Russian Academy of Sciences. Title-by-title, work with the books will help to provide the insight into the practice of book-exchange among Slavists.

Keywords

Polichrony Syrku, Petr Lavrov, Izmail Sreznevsky, scholars' private collections, Russian Academy of Sciences Library, Saint Petersburg University, Slavic Studies.

Славянский фонд Библиотеки Российской академии наук (далее — БАН) является одним из наиболее крупных собраний изданий на славянских языках. Образованный в конце XIX в., он содержит в себе большое количество различных коллекций ученых-славистов. Одним из ценнейших собраний является часть книжной коллекции П.А. Сырку, приобретенная библиотекой в начале XX в. В настоящий момент сотрудниками фонда ведется реконструкция той части этого собрания, которая поступила в 1906–1908 гг. в Славянское отделение БАН.

Полихроний Агапиевич Сырку (1855–1905) — приват-доцент Санкт-Петербургского университета, сотрудник Славянского фонда Библиотеки академии наук посвятил себя исследованию истории болгарской литературы и церкви, изучению болгаро-сербских литературных связей. Библиотека П.А. Сырку формировалась постепенно и была малодоступна для коллег и современников¹. Собирали библиотеку способствовали регулярные, на протяжении более чем 10 лет, командировки в славянские и европейские страны, организованные Петербургским университетом в каникулярное время с целью повышения квалификации преподавателей и расширения их научных связей. Поражает география этих поездок: Константинополь, Афон, Македония, Сербия, Далмация, Трансильвания, Галиция, Буковина, Босния и Герцеговина, Чехия, Банат, Болгария, Германия, Австро-Венгрия, Бельгия, Англия². Во время путешествий П.А. Сырку собирал всё, что могло представлять интерес (и не только для него): надписи, монеты, рукописи, не говоря уже о книгах; проводил археологические раскопки.

Ценность рукописного собрания исследователя была отмечена современниками, и его изучение продолжается и в настоящее время³. После смерти Полихрония Агапиевича коллекция рукописей была приобретена II отделением Библиотеки Академии наук у родственников. Это собрание поступило в рукописное отделение и состояло из 18 пергаменных и 61 бумажной рукописей XIV–XIX вв. и нескольких печатных книг. Краткую характеристику судьбы книжного собрания П.А. Сырку дает У.Г. Иваск в работе «Частные библиотеки в России»: «Собранная им библиотека представляла из себя выдающееся собрание редких болгарских, венгерских, кашубских, верхне- и нижне-лужицких, румынских, греческих и других изданий. По смерти владельца она поступила в Императорский Санкт-Петербургский университет»⁴. Петербургский университет был не

¹ Ильинский Г.А. Пергаменные рукописи П. А. Сырку // Русский филологический вестник. Т. 59. Варшава, 1908. С. 350.

² Иодко О.В. П. А. Сырку: пятнадцать лет служения византистике // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 351.

³ Ильинский Г.А. Пергаменные рукописи П. А. Сырку. С. 350–361; Милтенова А., Сергеев А. Заметки о рукописном собрании Полихрония Сырку // *Studia mediaevalia Slavica et Byzantina*. София, 2012. [Т.] 3. С. 344–401.

⁴ Иваск У.Г. Сырку, Полихроний Агапиевич // Частные библиотеки в России. Ч. 2. СПб., 1912. С. 52.

единственной организацией, где оказались книги из его собрания: «Сюда поступила бóльшая часть книг, оставшихся после смерти приват-доцента П.А. Сырку, причем администрация университетской библиотеки получила право выбрать всё, чего раньше в библиотеке не имелось, и только после этого, уже из остатков книг, стали выбирать другие учреждения, а также частные лица»⁵. Под «другими учреждениями» подразумевается БАН, а именно славянское и иностранное отделения. Так, Фонд II-го иностранного отделения пополнился за счет румынских и греческих книг⁶. Часть коллекции, состоящая из книг и журналов на болгарском, сербском, хорватском, чешском, украинском и других языках, поступила в Славянское отделение библиотеки в 1906–1907 гг. и была зарегистрирована в «Книгах поступлений» 1906–1908 гг.⁷. В графе «Источник поступления» мы видим характерную запись: «Куплены от Сырку». На изданиях были проставлены номера по «Книге поступлений», которые представляют из себя дробь: в числителе — год, в знаменателе — порядковый номер. После поступления изданий книги были размещены в соответствии с принятым языковым принципом расстановки. Таким образом коллекция была рассеяна в фонде.

Разработка истории частной библиотеки П.А. Сырку ставит перед нами задачи по выявлению изданий не только в фондах современных библиотек, но и более узко — в частных книжных собраниях отечественных славяноведов.

После смерти П.А. Сырку книги из его личной библиотеки поступали в Петербургский университет, затем в библиотеку Академии наук, оставшаяся часть разошлась по частным собраниям⁸. Установление ряда лиц, в част-

⁵ *Иваск У. Г.* Сырку, Полихроний Агапиевич // Частные библиотеки в России. Ч. 2. СПб., 1912. С. 52.

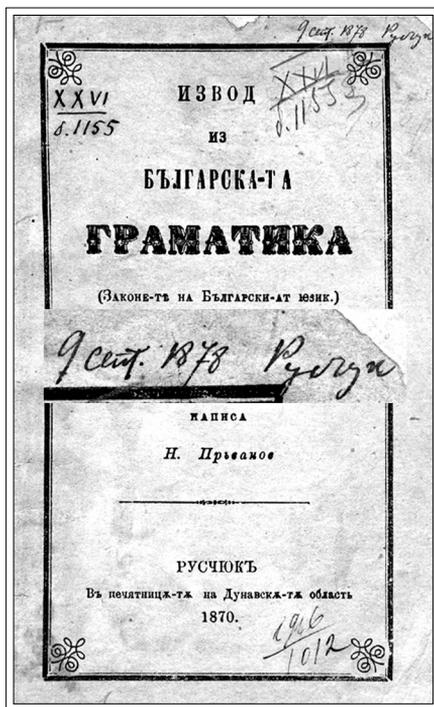
⁶ Протокол общего собрания № 5. Заседание 10 марта 1907 г., § 93 // *Летопись библиотеки Российской академии наук (по протоколам РАН: 1900–1928)*. Т. II, ч. I. СПб., 2014. С. 373.

⁷ «Книга поступлений. Славянский отдел» является архивным (Архив РАН (Петербургское отделение). Ф. 1. Оп. 10. №239) рукописным документом учета новых поступлений, который заполняли сотрудники III Славянского отделения с момента его образования в качестве самостоятельного подразделения вплоть до окончания его работы в 30-е годы XX в. Каждый год в этом документе в соответствии с порядковым (сквозным по году) номером фиксировались авторы (в случае их наличия) и наименования всех поступающих на хранение в фонд изданий, шифры последующего хранения, а также количество поступивших экземпляров. В случае наличия информации об источнике поступления издания она также регистрировалась в соответствующих полях документа (особенно важными для нас являются отметки о фамилиях дарителей, а также фиксирование принадлежности к коллекции (частной библиотеке)) (Сырку Полихроний Агапиевич (1855–1905): к 160-летию со дня рождения: кат. выст. / сост.: М. В. Колмакова, Д. Ю. Чернышенко; отв. ред. Н. В. Колпакова. СПб., 2016. С. 6).

⁸ *И. А.* Список книг, приобретенных библиотекой Императорского С.-Петербургского университета с 1 июля 1904 года по 31 декабря 1906 года СПб., 1907. С. 113 // *Исторический вестник: историко-литературный журнал*. 1909. Г. 30. Январь. С. 354–355.

ные собрания которых могли попасть книги из библиотеки П. А. Сырку, является непростой и важной задачей. Одним из первых возникших предположений было то, что после смерти исследователя его книги могли попасть к А. И. Яцимирскому. Именно он занимался посмертной публикацией трудов П. А. Сырку, был знаком с его наследниками. В настоящее время мы не располагаем информацией о судьбе личной библиотеки А. И. Яцимирского — возможно, её постигла участь многих других собраний, погибших в перипетиях истории новой Советской России.

Совершенно неожиданным для нас было обнаружить на книгах, поступивших в 1916 г. от П. А. Лаврова⁹, помету, характерную для библиотеки П. А. Сырку. Одно из изданий, зарегистрированное в «Книге поступлений» от 1916 г., где «источником поступления» указано: «Дар Лаврова», имеет на титульном листе владельческую надпись: «9 сент. 1878 Русчук» (илл. 1). Благодаря ей мы можем уверенно атрибутировать это издание как принадлежавшее собранию П. А. Сырку, поскольку аналогичные пометы мы встречаем на книгах, поступавших в 1906 г. от наследников П. А. Сырку (илл. 2). Нам не известны подробности, при которых это издание попало в библиотеку П. А. Лаврова, а затем в фонды БАН. Но мы предполагаем, что это произошло после смерти П. А. Сырку в 1905 г. Не вызывает сомнения факт знакомства двух славистов, в одно и то же время претендовавших на должность профессора по кафедре славянской филологии в Петербургском университете. В 1914–1915 гг. профессор П. А. Лавров передал в библиотеку Высших женских курсов (Бестужевских) собрание в количестве 450 тыс. изданий, преимущественно по славяноведению. В настоящее время оно хранится в научной библиотеке СПбГУ. Туда же в 1940 г. по рекомендации академиков С. Л. Обнорского и Н. С. Державина было приобретено собрание книг по славяноведению и византиноведению, ранее принадлежавшее

Илл. 1

⁹ Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1916 год / Сост. С. Ф. Ольденбург. Петроград, 1920. С. 47.

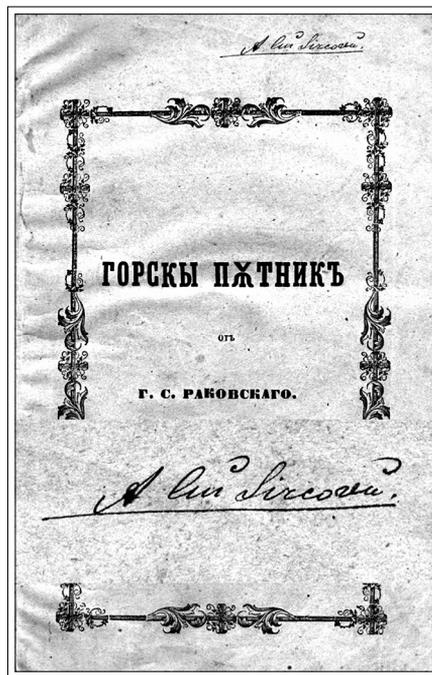

Илл. 2

песни у бессарабских молдаван на Рождество и Новый год»¹². Можно предположить, что издание попало в библиотеку И.И. Срезневского до его кончины в 1880 г. и было подарком от ученика своему учителю.

П. А. Лаврову¹⁰. Поэземплярная работа с этими изданиями, как нам представляется, позволит проследить на других примерах книгообмен между учеными.

Еще одно издание, принадлежавшее П.А. Сырку, мы обнаружили в собрании И.И. Срезневского (илл. 3), которое поступило в фонды БАН не позднее 1903 г. В годы обучения в Петербургском университете П.А. Сырку посещал лекции И.И. Срезневского, о чем свидетельствует его автобиография¹¹. Атрибуция издания также основана на владельческой надписи: «A lui Sircovu» (дословно с румынского — «принадлежит Сыркову»). Такой вариант фамилии Сырку — «Сирков» встречается в первой публикации П.А. Сырку «Святочные обычаи и

Илл. 3

¹⁰ Список важнейших книжных коллекций, хранящихся в Научной библиотеке Ленинградского университета // Горфункель А.Х., Николаев Н.И. Неотчуждаемая ценность. Л., 1984. С. 174.

¹¹ Иодко О.В. П.А. Сырку: пятнадцать лет служения византистике // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 353.

¹² Сирков Пол. Святочные обычаи и песни у бессарабских молдаван на Рождество и Новый год // Кишиневские епархиальные ведомости. 1874. № 5 (1-15 марта). С. 207-221.

Для формирования целостного представления о судьбе личной библиотеки П.А. Сырку выявление лиц, в чьи частные собрания могли поступить его книги, является важным направлением. Это позволяет проследить научные связи внутри славистического сообщества второй половины XIX — начала XX вв. и сформировать представления о книжной культуре этого периода.

Литература

1. *Иваск У.Г.* Сырку, Полихроний Агапиевич // Частные библиотеки в России. Ч. 2. СПб., 1912.
2. *Ильинский Г.А.* Пергаменные рукописи П.А. Сырку // Русский филологический вестник. Т. 59. Варшава, 1908.
3. *Иодко О.В.* П.А. Сырку: пятнадцать лет служения византистике // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / под ред. И.П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
4. *Милтенова А., Сергеев А.* Заметки о рукописном собрании Полихрония Сырку // *Studia mediaevalia Slavica et Byzantina*. София, 2012. [Т.] 3. С. 344–401.
5. *Сирков Пол.* Святочные обычаи и песни у бессарабских молдаван на Рождество и Новый год // Кишиневские епархиальные ведомости. 1874. № 5 (1–15 марта). С. 207–221.
6. Сырку Полихроний Агапиевич (1855–1905): к 160-летию со дня рождения: кат. выст. / сост.: М.В. Колмакова, Д.Ю. Чернышенко; отв. ред. Н.В. Колпакова. СПб.: БАН, 2016.
7. Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1916 год. / Сост. С.Ф. Ольденбург. Петроград, 1920.
8. Протокол общего собрания № 5. Заседание 10 марта 1907 г., § 93 // Летопись библиотеки Российской академии наук (по протоколам РАН: 1900–1928) / отв. ред. Н.В. Колпакова. Т. II. Ч. I. СПб.: БАН: Альфарет, 2014.

References

1. Ilyinsky, G.A., 1908. Pergamennye rukopisi P.A. Syrku. *Russkii filologicheskii vestnik*, 59.
2. Iodko, O.V., 2004. P.A. Syrku: piatnadsat' let sluzheniia vizantinistike. In: Medvedev, I.P. ed, 2004. *Mir russkoi vizantinistiki: materialy arkhivov Sankt-Peterburga*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
3. Ivask, U.G., 1912. Syrku, Polichrony Agapievich. *Chastnye biblioteki v Rossii*, ch. 2. Saint Petersburg, 1912.
4. Kolpakova, N.V., Kolmakova, M.V., Chernyshenko, D.Yu. eds, 2016. *Syrku Polikhrony Agapievich (1855–1905): k 160-letiiu so dnia rozhdeniia: kat. vyst.* Saint Petersburg: BAN.
5. Miltenova, A., Sergeev, A., 2012. Zаметки o rukopisnom sobranii Polikhroniia Syrku. *Studia mediaevalia Slavica et Byzantina*, 3. S. 344–401.

6. Oldenburg, S.F. ed, 1920. *Otchet o deiatel'nosti Rossiiskoi Akademii nauk po otdeleniiam fiziko-matematicheskikh nauk i istoricheskikh nauk i filologii za 1916 god.* Petrograd.
7. Protokol obshchego sobraniia № 5. Zasedanie 10 marta 1907 g., §93. In: Kolpakova, N.V. ed, 2014. *Letopis' biblioteki Rossiiskoi akademii nauk (po protokolam RAN: 1900–1928).* T. II. Ch. I. Saint Peterbrug: BAN: Al'faret.
8. Sirkov Pol. Sviatochnye obychai i pesni u bessarabskikh moldavan na Rozhdestvo i Novyi god. *Kishinevskie eparkhial'nye vedomosti*, 1874, 5 (1–15 marta). S. 207–221.

ПЕХЛИВАНОВА К. БИОГРАФИЯ ЙОРДАНА ГЕОРГИЕВА ПЕХЛИВАНОВА*

Никита Сергеевич Гусев –

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва.
gusevns@gmail.com

Аннотация

Публикуемый документ — написанная Киной Пехливановой биография ее отца, Йордана Пехливанова, болгарского, русского, а затем и советского офицера, в 1919 г. покинувшего Россию, второго мужа актрисы и просветителя В.В. Пушкаревой. Источник дополняет биографию Й. Пехливанова в ранее малоизвестные периоды его жизни и позволяет сделать ряд наблюдений аксиологического характера о болгарском обществе конца XIX — начала XX вв.

Ключевые слова

Йордан Пехливанов, В.В. Пушкарева, Кира Пехливанова, русско-турецкая война 1877–1878 гг., белая эмиграция, аксиология.

PEHLIVANOVA, KIRA. BIOGRAPHY OF JORDAN GEORGIEV PEHLIVANOV

Nikita S. Gusev –

PhD, Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
gusevns@gmail.com

Abstract

The source published is a biography of Jordan Georgiev Pehlivanov, Bulgarian, Russian, and then Soviet officer, who left Russia in 1919, the second husband of the Russian actress and educator Vera Pushkareva. The biography is written by Pehlivanov's daughter Kira. The source covers previously undocumented periods of her father's life and allows making conclusions of axiological nature about the Bulgarian society at the turn of the nineteenth and twentieth century.

Keywords

Jordan Pehlivanov, Vera Pushkareva, Kira Pehlivanova, Russian-Turkish War of 1877–1878, White émigré, axiology.

* Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

Фигура Йордана Пехливанова, сумевшего в напряженные февральские дни 1918 г., когда рабоче-крестьянская Красная армия только создавалась, организовать отпор наступающим на Петроград немецким войскам, и тем самым немало поспособствовавшего спасению молодой советской республики, долгое время не удостоивалась серьезного внимания историков¹. В последние годы вышел ряд работ российского исследователя А.В. Ганина, в которых биография этого военного подробно рассматривается при опоре на источники архивного и личного происхождения, в том числе и на архив семьи Й. Пехливанова². Однако приводимый ниже документ хранится в болгарском Центральном государственном архиве (Централен Държавен архив на Република България (далее — ЦДА)) и ранее в научный оборот введен не был. Его автор, дочь Й. Пехливанова Кира, готовила несколько вариантов биографии отца, один из которых предназначался для болгарского научного журнала «Исторически преглед», но так и не был опубликован. Через три года она объединила свои воспоминания и документы, которые сумела получить из Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома), и составила нижеприводимый текст. Если в работах А.В. Ганина рассматривается, прежде всего, деятельность военачальника в годы Первой мировой и Гражданской войн, то в данной биографии этот период, наоборот, наименее освещен.

Документ ценен по нескольким причинам. Во-первых, в нем содержатся ряд сведений мемуарного характера и семейные легенды, обогащающие сведения о Й. Пехливанове, главным образом касаясь его детства и бегства из России. Резче очерчивается и характер самого героя, его ценностные ориентиры: проявляя в учебе болгарскую, крестьянскую настойчивость, он отвергал всё, включая и ухаживания за дамой сердца. Посвящая себя изучению специальности, Й. Пехливанов, в отличие от большинства своих русских коллег, живя в столице, пренебрегал расширением культурного кругозора, что и проявилось в его общении в высшем свете. В то же время, оказавшись в сложной ситуации во время Гражданской войны, он сразу сориентировался — завел крестьянское хозяйство. Таким образом, даже находясь на русской службе, он оставался офицером болгарского типа — прагматичным и лишенным аристократических «замашек».

¹ Можно назвать лишь один небольшой очерк: Николаев П.А. И.Г. Пехливанов // Военно-исторический журнал. 1981. № 1.

² Ганин А.В. И.Г. Пехливанов — один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012; *Он же*. Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012; *Он же*. Болгаринът защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.

Во-вторых, источник интересен и сам по себе, он характеризует автора и общество, в котором он жил, и наводит на размышления аксиологического характера. Дело в том, что К. Пехливанова указывает, что Й. Пехливанов родился в 1876 г., не уточняя день и месяц. А через 15 лет в письме историку П.А. Николаеву подчеркивает, что ее отец появился на свет в день объявления русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — 12 апреля 1877 г. Эта же дата фигурирует в его свидетельстве о крещении, выданном в 1946 г., и принята в семье. В анкете 1937 г. сам Й. Пехливанов записал 22 апреля (5 мая) 1877 г.³, а в документах военного ведомства указана дата 7 октября 1876 г.⁴. Такой разброс дат можно объяснить тем, что для человека день рождения не представлял значимости и не отмечался, являясь лишь необходимым для документов атрибутом. Аналогичная ситуация имела место и в русской крестьянской среде, где праздновались только именины, и в 1930-е годы получившие паспорта вчерашние крестьяне нередко указывали дату именин или какого-либо праздника (таким образом прабабка автора этих строк «получила» день рождения 8 марта). Возможно, с Й. Пехливановым произошло нечто схожее: не зная точной даты своего появления на свет, на русской службе он указывал 7 октября. Со временем же, получив возможность исправить документы, он, стараясь подчеркнуть свое отношение к освобождению Болгарии, «перенес» свое рождение на 12 апреля 1877 г., хотя в таком случае описанная ниже история бегства его семьи из Сливена приобретает маловероятный характер. Отметим, что К. Пехливанова не указывает точной даты и своего рождения, называя лишь год и месяц. Вдобавок странно то, что в этой семье двое младших сыновей получили имена в честь погибших старших, что противоречило распространенной практике, согласно которой имя погибшего будет нести с собой и столь же короткую жизнь.

Также вызывает вопрос упоминание рассказов Й. Пехливанова о беседах с И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким, которые вряд ли могли состояться, поскольку герой повествования почти всё время находился на фронте, но в 1965 г. (время написания биографии) были способны лишь ухудшить отношение властей; при этом не уделяется внимания его действиям по защите Петрограда в 1918 г. В то же время вырванные из логики рассказа и отделенные последние два абзаца подчеркивают его лояльность и даже поддержку советской власти.

Об авторе: Кира Пехливанова (13.01.1914–14.08.1982) — дочь Й. Пехливанова и В.В. Пушкаревой, специалист по методике преподавания русского языка для иностранцев, автор множества пособий, эмигрировала вместе с родителями в Болгарию, где и проживала до своей смерти.

Документ хранится в личном фонде В.В. Пушкаревой, переданном в ЦДА дочерью, написан на болгарском языке, представляет собой машино-

³ Ганин А.В. Българинът... С. 105–106.

⁴ Список Генерального Штаба. Пг., 1914. С. 598.

пись с множественными исправлениями простым карандашом, датирован 13 марта 1965 г.

Публикуется в моем переводе и с небольшим сокращением — опущены полностью цитируемые письма Й. Пехливанова и Н.А. Котляревского из фондов Пушкинского Дома, в которых речь идет о периоде Гражданской войны, поскольку они уже введены в научный оборот А.В. Ганиным.

ЦДА. Ф. 1066К. Оп. 1. А.е. 6.

Йордан Георгиев Пехливанов родился в 1876 г. в г. Сливене в семье Георги Добрева (Пехливанова) — брата художника Димитра Добровича — и Радки Стояновой (второй его жены).

От первой жены у Георгия Добрева было 10 детей, старшие сыновья Добри и Йордан погибли в молодости, не оставив детей. Первый утонул в Тундже, второй был убит на Освободительной войне, в которой принимал участие как ополченец (предполагаю, что утонувшим является Йордан, и утонул он за несколько лет до Освобождения, поскольку рожденный в 1876 г. от второй жены ребенок получил это имя, а рожденный в 1880 г. сын был наречен Добри в честь убитого в 1877–1878 гг.). Из 10 детей от первого брака остались в живых и дожили до старости Штилияна (Чобанова), Господина (Х. Тодорова), Димитр и Панайот Пехливанов. 4 ребенка умерло маленькими.

От второй жены Радки Стояновой у Георги Добрева было 6 детей (и один приемный — Георги, поскольку Радка являлась вдовой). В живых остались Йордан, Добри, родившийся в 1880 г., и Цонка (родившаяся в 1882–1883 гг. (так в тексте. — *Н. Г.*)), позднее вышедшая замуж за генерала Михаила Сапунарова*. Портрет Цонки, изображенной Дим. Добровичем девочкой, был выставлен в Нац[иональной] худож[ественной] галерее. Остальные дети умерли маленькими, а приемный Георги — в десятилетнем возрасте.

Семейство Георги Добрева Пехливанова принимало активное участие в борьбе против турок: старшие сыновья с оружием в руках, младшие — по мере своих сил. Штилияна, тогда девочка, вместе с младшими братьями Димитром и Панайотом отливали пули и доставляли их, а также еду и одежду восставшим в Балканские горы. (Так рассказывали, не указывая имена, но предполагаю, что в горах был и самый старший брат Добри.)

В 1877 г., когда турки ворвались в Сливен** и население стало уходить в горы, бежало и многодетное семейство Георги Д. Пехливанова. Дома остался только старик (думаю, это был дед Добри), которого потом нашли

* Сапунаров Михаил Стефанов (1867–1959) — болгарский военачальник, генерал-майор, участник Балканских и Первой мировой войн, в 1919 г. вышел в запас. Женится на Цонке Пехливановой в 1903 г. (здесь и далее примечания мои. — *Н. Г.*)

** Видимо, имеется в виду приход турецких войск в город для организации отпора Передовому отряду генерала Й.В. Гурко в июне 1877 г.

привязанным к 4 столбам во дворе и со следами разведенного на груди огня — турки жгли его заживо. При поднятии по крутым склонам к Синим камням семейство двигалось с большим трудом, отец, мать и старшие дети несли младших (от второй жены отца), а их было четверо, самым младшим являлся Йордан. Поскольку спасти всех детей не представлялось возможным, родители решили пожертвовать самым младшим и оставили Йордана на дороге. Его нашла девушка, которая несла свое приданое. Пожалев ребенка, она бросила приданое и донесла ребенка в Балканские горы, где отдала его родителям. Потому Йордан стал ее почитать как вторую мать.

Когда семейство спустилось с гор, то нашло свой дом сожженным и стало жить в погребке, пока не отстроило новый дом. Чадолубивый Георги Пехливанов прибавил к своему многочисленному семейству еще одного сына, подобрав и усыновив одного маленького турка, чьи родители бежали при наступлении русской армии. Этот турок позже стал очень хорошим печником, еще несколько лет назад был жив и поддерживал отношения с детьми и внуками своих болгарских братьев и сестер.

Через несколько лет после Освобождения Георги и Радка Пехливанова умерли, оставив Йордана (8–9-летнего), Добри (4–5-летнего) и Цонку (2-летнюю) сиротами. Малышей забрала и присматривала за ними их вышедшая замуж сестра Штилияна Чобанова, помощь оказывали и другие сестры и старшие братья.

Йордан был очень способным, но чрезмерно озорным. Он возглавлял целую банду мальчишек, совершавших различные шалости, надолго оставшиеся в памяти жителей Сливена.

Предполагаю, что в 15-летнем возрасте его отправили в Военное училище в Софии, которое окончил в [1898]*, после чего стал офицером в Севлиево (до 1902 г.).

Там он готовился к конкурсу 1902 г. (полностью самостоятельно изучал даже французский язык). Когда он выиграл конкурс, его отправили в качестве стипендиата в [Михайловскую] Артиллерийскую Академию в Петербурге (1902 г.)

Очень способный и чрезвычайно трудолюбивый, он окончил Арт[иллерийскую] Академию (1906 г., первый среди всех русских, с полным баллом «12» по всем предметам, что являлось редкостью и имело место не в каждом выпуске).

После окончания Арт[иллерийской] Академии (1.IV.1906) его оставили для учебы в [Николаевской] Академии Генерального Штаба, которую он окончил также первым (1910 г.***) с полными «12» по всем предметам, после чего перешел на русскую военную службу в мае 1910 г. (об обстоятель-

* Здесь и далее в квадратных скобках заполняются лакуны, оставленные в тексте К. Пехливановой.

*** Во всех документах указан 1909 г. (Ганин А.В. Българинът защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014. С. 13).

ствах этого перехода см. письмо от 3.11.1954 г. Очевидно, в феврале–марте 1910 г. он приезжал в Болгарию оформить свое увольнение*).

Раннюю весну (февраль и март) 1906 г. Й. Пехливанов провел на лечении и отдыхе в Сестрорецке близ Петербурга в частном пансионе: переутомление усиленными занятиями привело к тому, что у него произошло кровоизлияние в горле из-за разрыва кровеносного сосуда, что ошибочно посчитали туберкулезом. Несколько месяцев, проведенных на свежем воздухе и в относительном отдыхе (относительном, поскольку он продолжал систематически готовиться к экзамену), восстановили его здоровье.

В Сестрорецке он познакомился с Верой Васильевной Пушкаревой-Котляревской**, артисткой Александринского театра и супругой проф. (позднее академика) Нестора Александровича Котляревского***, также приехавшей на отдых.

Молодой болгарин произвел на В.В. Пушкареву глубокое впечатление. В своих письмах она его описывала как необыкновенного человека (особенно для русского интеллигентского общества, в котором она вращалась). Крупный, хорошо сложенный, веселый и добродушный, как ребенок, очень непосредственный и жизнерадостный, исключительно одаренный и обладающий совершенно невероятной волей, целеустремленностью и работоспособностью. Увлеченный красивой женщиной, он мог бы проводить с ней целые дни, поскольку они являлись единственными обитателями пансиона, а она была полностью свободна. Но он гулял или разговаривал с ней только два раза в день по два часа, определял время для этого утром и вечером, в конце встречи смотрел на часы и говорил: «Сейчас надо идти учиться».

Вопреки болезни, вопреки большой любви, он с полным отличием сдал экзамены и окончил Артил[лерийскую] академию (1906 г.).

Вера Пушкарева познакомила его со своим семейством, в котором он стал частым гостем. Ее сестра Мария и другие домашние сердечно приветчали Й. Пехливанова. Однако в обществе, в которое Вера Пушкарева его ввела (состоящем их ученых, писателей, художников и других лиц интеллигентских профессий), он чувствовал себя стесненно и отчужденно, не принимал участия в разговорах. Общество, собиравшееся у Котляревского, также воспринимало его чужаком.

* 30 марта он официально уволился с болгарской службы в запас (Ганин А.В. *Българинът...* С.13).

** Пушкарева Вера Васильевна (1875–1942) — артистка Александринского театра, одна из основателей общества «Народные университеты». После эмиграции преподавала в высших учебных заведениях и гимназиях Софии, являлась театральным критиком, выступала в газетах и на радио, основала кружок «Живое слово». (ЦДА. Ф. 1066К. Оп. 1. Биографическая справка. Подробнее о ней см.: *Косик В.И.* *Софии русский уголок.* М., 2008. С.137–141).

*** Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) — академик, историк литературы, публицист, первый директор Пушкинского Дома.

В 1908, 1909 годах Й. Пехливанов посещал Францию и Германию. И в 1906 г. он был в Париже.

В мае 1910 г. Й. Пехливанов был назначен капитаном русской полевой артиллерии с прикреплением к Генеральному штабу, после чего отправился на свою первую стажировку — лагерный сбор при штабе 18 армейского корпуса близ г. Пскова.

Во время [Первой] Балканской войны он поехал в Болгарию добровольцем и принял участие в сражениях при Адрианополе (сохранился снимок с В.В. Пушкаревой, сделанный перед его отправлением на фронт). Благополучно вернулся, не будучи раненным*.

Когда, точно не знаю, но перед [Первой мировой] войной он работал военным педагогом в Михайловском военном училище (Инженерный замок в Летнем саду, но до конца не уверена**).

Как военный педагог он был очень способен, собирал материалы и наблюдения для военно-педагогического труда, который позднее на основе наблюдений и опыта Мировой войны оформился в учебник «Пособие по воспитанию и обучению бойца и войск», который с предисловием акад. Н.А. Котляревского должен был выйти в 1918–1919 гг. Яков Барсков, живший тогда вместе с Й. П[ехливановым] в доме проф. Котляревского, ему правил стиль.

Рукопись труда, набранная на машинке, если не врут, в двух экземплярах хранится в Пушкинском доме в Ленинграде в архиве акад. Нестора Александровича Котляревского, ф. 135. В воспитании бойца применялось павловское учение***, тогда бывшее в новинку.

С началом войны Й. П[ехливанов] на фронте.

Он участвовал в Брусиловском прорыве. Командовал рейдом, проведенным частями Дикой дивизии в тыл немецких войск, где проявил большую храбрость, хладнокровие и сообразительность****. На эту его характерную черту указывает и то, что он был чрезвычайно спокоен и хладнокровен при отступлении и сумел личным примером пресечь какую бы то ни было панику среди отступающих войск. При наступлении подымал солдат

* Согласно приказу по действующей армии от 25 октября 1912 г., его зачислили в ряды болгарской армии с сохранением звания и передали в распоряжение командующего 1-й армией (Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р8091. Оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление ЗА-110. 1878–1948 гг. Ед. хр. 9. Л. 44). Уволился по собственному желанию в первых числах декабря (Ганин А.В. Българинът... С. 20–21). На основании увиденного составил свои замечания, которые опубликовал в серии статей в «Известиях Императорской Николаевской военной академии» в 1913 г.

** Михайловское военное училище располагалось по другому адресу, в Михайловском (Инженерном) замке находилось Инженерное училище.

*** Видимо, имеется в виду учение И.П. Павлова о высшей нервной деятельности.)

**** Й. Пехливанов в этот момент являлся начштаба 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. Это подразделение и Кавказская туземная конная дивизия (Дикая дивизия), хотя в тот момент и входили в состав 9 армии, состояли в разных армейских корпусах.

в штыки личным примером. Шел вперед выпрямившись, спокойно и не получил ранений, хотя рядом с ним гибли люди. Охотно и добровольно замещал (так в тексте. — *Н. Г.*), который был болен и с трудом ходил в атаки, несмотря на то, что это являлось его обязанностью. Награжден многими знаками отличия, хотя в своем письме называет лишь 3 как «единственные в своем роде для всей русской армии»:

Георгиевское оружие,
Орден св. Георгия IV степени,

Почетный солдатский Георгиевский крест за храбрость. (Последняя награда давалась только лицам, проявившим в боях личную храбрость наряду с солдатами, и потому мало офицеров ее получали.) <...>

Йордан Пехливанов рассказывал:

а) о встрече со Сталиным;

б) о встречах с Троцким;

в) об организации им рабочих отрядов, отправившихся на село реквизировать зерно, и очень сожалел о погибших;

г) после английского десанта в Мурманске на всех бывших царских офицеров, поддержанных Троцким, стали косо смотреть. Среди офицеров стали ходить слухи, что однажды их перебьют. Друзья советовали Пехливанову исчезнуть как можно скорее, чтобы не пострадать. Как болгарину ему лучше всего было вернуться в Болгарию. И он решил поехать при первом удобном случае, тем более что в Крыму у его б[р]ата находились жена и четырехлетняя дочь, испытывавшие голод и опасности. Он раздобыл болгарский паспорт на имя огородника Петра А. Дуйчева и в конце августа уехал.

Как и когда точно уехал, не знаю. Но помню, что прибыл к нам в Гурзуф и привез масло, на которое я набросилась, поскольку мы уже долгое время голодали.

До того мы пережили различные ужасы (обстрел английскими военными кораблями, несколько человек утонуло почти перед нашим домом). Мы жили на скалистом носу в Чеховском домике — с двух сторон море не доходило до здания лишь несколько метров. Жили там целый год. Зимой было страшно, потому что морские брызги омывали окна.

Осенью 1918 г. отец отвез нас в Луки (близ Сум) в имение* Линтварёвых**, друзей Н.А. Котляревского. По дороге мы чуть не утонули в море, поскольку пароход налетел на скалу и едва дошел до порта, где и затонул. Там (в имении. — *Н. Г.*) на нас сразу напали бандиты, после чего мы переехали в город Сумы по адресу «ул. Новоместенская, 12», где поселились в подвале.

* В оригинале — «чифлик».

** Линтварёв Георгий Михайлович (1865-1943) — пианист, земский деятель. В этом же имении ранее нередко проживал А.П. Чехов.

Отец ходил в поношенной гражданской одежде и с бородой как у огородника. Я называла его крестным. Весной вместе с матерью они возделывали большой огород, а я посещала детский сад, расположенный около места их работы. Во дворике дома отец разбил овощные грядки, купил поросенка, развел кур.

Летом 1919 г. он исчез и появился, чтобы забрать нас с собой, когда наступили холода. В разговорах упоминали ген. Сарафова*, болгарина, с которым он давно был знаком и который его устроил на службу в Деникинскую армию**, что поспособствует нашему переезду в Болгарию***.

У меня нет письменных документов за это время. В Пуш[кинском] доме есть сохранившиеся письма моей матери № 57-3.

Когда отец приехал, чтобы забрать нас из Сум, мать только что перенесла тиф и едва держалась на ногах.

Ехали в товарном вагоне с нарами и печкой «теплушкой», поэтому по дороге останавливались, и мужчины ходили в лес за дровами. Отец тяжело заболел испанкой**** с осложнениями на сердце и тяжелым бронхитом, а я — пневмонией. Все трое мы были взяты знакомым отца полковником Евгением Носковым в его вагон и доведены в Новороссийск, где около 1 месяца поправлялись и сидели дома. Отец, которому нужно было уехать в Болгарию, ходил на поиски транспорта и возвращался, отчаявшись, поскольку транспорта не было. Особенно злило то, что нас не взяли на какой-то большой пароход, принявший на борт сотни, а, м[ожет] б[ыть], и тысячи человек. Но после отец почувствовал себя счастливым из-за неудачи, т.к. этот корабль утонул вместе со всеми пассажирами (вероятно, налетел на мину).

Наконец в декабре отец вернулся с радостной вестью о том, что нашел транспорт. Случайно встретил капитана корабля «Болгария», своего личного друга, пообещавшего взять нас на борт.

Корабль был мал и переполнен. Мама осталась в общей каюте, а нас с отцом капитан взял в свою каюту, где мы провели больше двух недель, на протяжении которых корабль боролся с зимними бурями. Дорога была ужасной. Мы все лежали полумертвыми из-за морской болезни. Прибыв

* Сарафов Иван Константинович (1856-1935) — болгарин, участник детронации Александра Баттенберга, в 1898 г. вернулся в Болгарию, принимал участие в Балканских войнах, с началом Первой мировой войны поступил на русскую службу и дослужился до генерал-лейтенанта, в 1917 г. после революции вышел в отставку, в 1919 г. эмигрировал на родину.

** Вооруженные силы юга России — объединенные войска Белого движения в 1919-1920 гг. под командованием А.И. Деникина.

*** Сохранился приказ А.И. Деникина, согласно которому Й. Пехливанов с Е.Е. Шайтановым командировались в Болгарию, для них было заказано двухместное купе в поезде Ростов-на-Дону — Новороссийск на 13 декабря 1919 г. (*Ганин А.В. Българинът...* С. 82).

**** Название гриппа, вызвавшего пандемию в 1918-1919 гг.

в Константинополь, корабль сразу встал на ремонт. Отец сумел добиться того, что нас выпустили из карантина, и мы отправились в Софию.

На следующий день после приезда мы присутствовали на армейском параде 19.1.1920.

После приезда в Болгарию мы бедствовали. Остались без одежды. У отца не было зимнего пальто. Работы ему не давали. Он хотел стать преподавателем в Военном училище — ему отказали. Назвали красным полковником. Мать трудилась продавцом в магазине, после начала давать уроки дикции и декламации, а отец нашел временную работу в сфере торгового посредничества.

Только после 1922 г. мы встали на ноги. В 1923 г. у нас около полутора лет гостил акад. Н.А. Котляревский.

Вернувшись в 1924 г. в Ленинград, он умер весной 1925 г. из-за тяжелой простуды с осложнениями, приобретенной при спасении архивов Пушкинского дома, залитых при наводнении, вызванном рекой Невой. В этом наводнении помимо прочего погибли и оставленные в сундуке вещи моего отца вместе со всеми его письмами и документами*.

С 192 – 1932 г. (так в тексте. — *Н. Г.*) Йордан Пехливанов — представитель завода «Шкода» в Болгарии, с 1932 до VIII.1940 г. занимался сборкой различных машин, главным образом, в провинции. С 19.VII.1940 до 4.VII.1944 г. он являлся инженером, техническим руководителем мельницы «Червен Брег» (так в тексте. — *Н. Г.*) в городе Червен Бряг. В Червен Бряге 4.X.1942 умерла его жена В.В. Пушкарева.

В начале 1944 г. один из котлов мельницы оказался на грани того, чтобы лопнуть, и вопреки настойчивым указаниям инж. Пехливанова директор мельницы Булёв отказался остановить работу и осуществить ремонт. Инж. Пехливанов передал вопрос в М[инистерст]во. Прибыла комиссия, которая подтвердила, что котел скоро лопнет, и обязала остановить работу и провести капитальный ремонт. Разгневанный директор Булёв вызвал инженера и летом 1944 г. уволил его «по неспособности», не дав тому доработать до пенсии несколько месяцев.

Тогда Й. П[ехливанов] устроился в Дирекцию гидростроительства подённым рабочим на строительство водохранилища «Росица»**.

* Наводнение произошло 23 сентября 1924 г., фонды Пушкинского Дома были залиты, Н.А. Котляревский проявлял самое деятельное участие в ликвидации последствий, заключающейся в просушке и разборе предметов. Скончался Н.А. Котляревский 12 мая 1925 г., как считали современники, от болезни сердца (*Измайлов Н.В. Воспоминания о Пушкинском доме. 1918-1928 гг. / Публ. Н.А. Прозоровой // Пушкинист Н.В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге / сост. А.Г. Прокофьева, С.А. Фомичев. Калуга, 2008. С. 34-38*).

** Видимо, имеется в виду водохранилище «Александр Стамболийский», строившееся в это время и являющееся единственным искусственным водоемом, в который впадает река Росица.

Вышел на пенсию в 1947 г. и жил до своей смерти (в марте 1955 г.) у второй жены Гины Цачевой Пехливановой в с. Сухиндол Велико Тырновского округа, где несколько лет являлся лектором по математике в местной гимназии и видным деятелем и лектором болгаро-советского общества.

* * *

В 1944 г. на протяжении 6 месяцев укрывал своего зятя Валентина Арсеньева, находившегося на нелегальном положении, снабдил его пистолетом и одеждой для поступления в партизанский отряд. Одобрил поступление своей дочери в партизанский отряд и даже высказал желание сам пойти в него и помочь своими знаниями.

В 1941–1945 гг. в Червен Бряге регулярно слушал запрещенные радиостанции, делал перед своими многочисленными знакомыми подробный и компетентный разбор военных операций на фронте и предрекал победу Советской армии. Помогал бежавшим из германских эшелонов советским военнопленным.

13.III.1965

Кира Пехливанова.

Литература

1. Ганин А.В. Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. 11. М.: Регнум, 2012.
2. Ганин А.В. Българинът защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София: Милена Принт, 2014.
3. Ганин А.В. И.Г. Пехливанов — один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2012.
4. Измайлов Н.В. Воспоминания о Пушкинском доме. 1918–1928 гг. / публ. Н.А. Прозоровой // Пушкинист Н.В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге / сост. А.Г. Прокофьева, С.А. Фомичев. Калуга: Золотая аллея, 2008.
5. Косик В.И. Софии русский уголок. М.: Пробел-2000, 2008.
6. Николаев П.А. И.Г. Пехливанов // Военно-исторический журнал. 1981. № 1.

References

1. Ganin, A.V., 2012. Bolgarin, zashchitivshii Rossiiu: sud'ba Iordana Pekhlianov. In: Airapetov, O.R., Jovanović, M., Kolerov, M.A., Menning, B., Chaisty, P. eds, 2012. *Russkii sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii*, 11. Moscow: Regnum.
2. Ganin, A.V., 2014. *Bulgarinut zashtitil Rusiia: Sudbata na Iordan Pekhlianov*. Sofia: Milena Print.

3. Ganin, A.V., 2012. I.G. Pekhliyanov — odin iz pervykh istoriografov Pervoi balkanskoi voiny. In: Grishina, R.P., Shemyakin, A.L. eds, 2012. *Modernizatsiia vs. voina. Chelovek na Balkanakh nakanune i vo vremia Balkanskikh voyn (1912–1913)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
4. Izmailov, N.V., 2008. Vospominaniia o Pushkinskom dome. 1918–1928 gg. / publ. N.A. Prozorovoi. In: Prokofyeva, A.G., Fomichev, S.A. eds, 2008. *Pushkinist N.V. Izmailov v Peterburge i Orenburge*. Kaluga: Zolotaia alleia.
5. Kosik, V.I., 2008. *Sofii russkii ugolok*. Moscow: Probel-2000.
6. Nikolaev, P.A. 1981. I.G. Pekhliyanov. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 1.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СЛАВИЙ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Елена Семёновна Узенёва –

кандидат филологических наук,
заместитель директора
Института славяноведения РАН,
профессор кафедры общей
и славянской филологии
Института славянской культуры РГУ
им. А.Н. Косыгина.
lenuzen@mail.ru

Аннотация

Рецензия посвящена новой книге по славянской этнолингвистике, опубликованной совместно словацкими и болгарскими учеными как часть исследовательского проекта «Состояние и перспективы этнолингвистических исследований в Словакии» по материалам международной научной конференции «Язык и культура в славянских взаимосвязях. Климент Охридский и его вклад в славянскую и европейскую культуру (к 1100-летию кончины)», 5–7 октября 2016 г., Братислава.

Ключевые слова

Этнолингвистика, языковая картина мира, традиционная народная культура славян, словацко-славянские языковые и культурные связи.

INTERACTIONS OF LANGUAGE AND CULTURE IN THE SLAVIC SPACE: THE ETHNOLINGUISTIC ASPECT

Elena S. Uzeneva –

PhD, Executive Director,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow;
Professor, Department of Slavic Philology,
Institute for Slavic Culture,
A.N. Kosygin Russian State University,
Moscow.
lenuzen@mail.ru

Abstract

The author reviews a new book on Slavic ethnolinguistics. The book was published by Slovak and Bulgarian scholars based on the results of the “Language and Culture in Slavic Contexts. Clement of Ohrid and his Contribution to the Slavic and European Culture (on the occasion of his 1100th Death Anniversary)” conference, held in Bratislava on October 5–7, 2016. The book is a part of the research project “State and Prospects of Ethnolinguistic Research in Slovakia”.

Keywords

Ethnolinguistics, language picture of the world, traditional Slavic folk culture, Slovak-Slavic language and cultural relations.

* Авторская работа выполнена при поддержке проекта РФФИ № 16-4-00101 «Образ человека в языке и культуре славян».

Этнолингвистика в славистике — относительно новая дисциплина. Ее задачи, предмет и объект, методы, соотношение с другими гуманитарными дисциплинами были сформулированы акад. Н.И. Толстым в 70-е годы XX века и нашли свое дальнейшее продолжение в трудах его учеников и последователей Московской этнолингвистической школы¹.

Обращение к этнолингвистической проблематике словацких ученых является важной вехой в развитии современной славистики и свидетельствует о том, что это направление в языкознании не теряет своей притягательности и актуальности по сей день и продолжает быть весьма востребованным среди ученых разного профиля в разных странах славянского мира.

Сборник научных статей «Язык и культура в контексте славянских взаимосвязей. Из славянской этнолингвистики» (*Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovanskej etnolingvistiky* / Katarína Žeňuchová — Мария Китанова — Peter Žeňuch. Bratislava-Sofia: “Veda”, 2017. 320 s.)², подготовленный к печати в феврале 2017 г. совместными усилиями сотрудников Института славистики САН, Института болгарского языка БАН, Национального комитета славистов Словакии при поддержке Посольства Болгарии в Словацкой республике, явился своеобразным продолжением предыдущего тома научных трудов («*Jazyk a kultúra na Slovensku v slovanských a neslovanských súvislostiach*». Bratislava, 2013. 250 s. / Peter Žeňuch — Елена С. Узенева — Katarína Žeňuchová), также собранного по материалам одноименной конференции, посвященной комплексному исследованию языковой картины мира словаков во взаимосвязи и контактах со славянскими и неславянскими языками и культурами.

Данная книга стала значимой вехой научно-исследовательского проекта «Состояние и перспективы этнолингвистических исследований в Словакии», стартовавшего в Институте славистики им. Яна Станислава САН в 2017 г. Этот проект направлен на систематизацию этнографических, фольклорных и лингвистических источников, необходимых для формирования и изучения источниковой базы, отражающей духовную культуру Словакии. Подобное исследование данных словацкого языка и культуры, представленных как в синхронии, так и в диахронии, дает возможность увидеть непрерывность развития культурно-языковых явлений в карпатском регионе, и шире, — в славянском и общеевропейском контексте. Анализу проблем, задач и перспектив этого проекта посвящена статья Катарины

¹ Подробнее см. статью С.М. Толстой «Постулаты этнолингвистики» в книге: *Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика. Вопросы теории.* М.: ИСЛ РАН, 2013. С. 67–68.

² Сборник представляет итоги научных проектов: VEGA 2/0045/17 — *Stav a perspektívy etnolingvistického výskumu na Slovensku* — и проекта Centra excelentnosti Slovákov *Dejiny slovanskej slavistiky 19.-20. storočia. Postavy slovenského národného obrodzenia* (Anton Bernolák, Pavol Jozef Šafárik, Ján Kollár, Ľudovít Štúr, Pavol Dobšínský, Jonáš Záborský) + Ján Stanislav — *ich činnosť a dielo v európskom kontexte*.

Женюховой «Состояние и перспективы этнолингвистических исследований в Словакии».

Вошедшие в монотематический сборник, имеющий характер коллективной монографии, статьи были написаны по материалам докладов, прочитанных на международной научной конференции «Язык и культура в славянских взаимосвязях. Климент Охридский и его вклад в славянскую и европейскую культуру (к 1100-летию кончины)»³, состоявшейся 5–7 октября 2016 г. в Братиславе.

Рецензируемый том содержит научные статьи, в которых исследуются разнообразные проблемы культуры, языка, обрядов и фольклора славян учеными самого широкого круга специализации: собственно языковедами, этнолингвистами, этимологами, а также культурологами и фольклористами. Компаративистский характер работ, выполненных в синхронном и диахронном временном срезе, представляющих объект своего исследования в широком европейском культурном дискурсе, отражает высокий уровень представленных научных работ и приносит существенный вклад в вопрос выявления участия славянских народов в формировании историко-культурного облика Европы.

Отметим географическую широту объекта исследования (Словакия, Болгария, Польша, Украина, Белоруссия, Румыния, Россия, западнославянский мир, вся Славия и конкретные регионы), так и пестрый этнический (от Словакии до России) и возрастной состав авторов: результаты своих разысканий представили и маститые исследователи языка и культуры славян (в частности, профессор Ян Доруля, профессор Петер Женюх, профессор Мария Китанова, д.ф.н. Ольга Белова и др.), и молодые ученые. Статьи представлены на разных славянских языках, что придает книге особую значимость и колорит.

В коллективном труде приняли участие последователи разных научных школ, теоретических и методологических подходов и направлений этнолингвистического изучения языковой картины мира, народного менталитета, взаимосвязи языка и культуры, в частности, представители двух ведущих мировых школ этнолингвистики, люблинской и московской, а также болгарского этнолингвистического центра, специализирующегося на изучении обрядовой терминологии традиционной культуры, и ученые нового словацкого центра этнолингвистических штудий, что расширяет представление о судьбах этнолингвистики в славянских странах. Краткая

³ Доклады, прозвучавшие в первой части научной конференции, посвященной Клименту Охридскому, вышли отдельной книгой под названием «Климент Охридский и его вклад в славянскую и европейскую культуру» (Kliment Ochridský a jeho prínos pre slovanskú a európsku kultúru (editori: Peter Žeňuch — Светлина Николова. Bratislava — Sofia: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Кирило-Методиевски научен център към БАН, Slovenský komitét slavistov, Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike, 2017. 184 s.).

информация обо всех авторах помещена в начале сборника. В приложении представлены фото с конференции и презентации книг.

Опубликованные статьи условно можно разделить на отдельные тематические группы, посвященные разным аспектам изучения славянских языков и культур: лингво-культурологическим (Г. Чуба «Концепт *Serдце* в украинской и польской картине мира», Д. Константинова «О приветствиях в болгарском и словацком языках», К. Дубова «Языковой образ мира у славян и их соседей», А. Заборска «Типология культурно-языковых связей»), этнолингвистическим (М. Китанова «Дом в славянском и балканском контексте», К. Мичева-Пейчева «Светлая сторона тёмных сил», Й. Кирилова «Метафорические названия одуванчика в славянских языках (по данным ОЛА)», М. Голема «Этнолингвистические заметки к некоторым символам и персонажам Великого поста у западных славян»), фольклорным (работа О.В. Беловой о социальных институтах в славянских этимологических легендах, И. Швед о народном культе св. Саввы у белорусов, В. Лящук о языковых образах сказки, переведенной с белорусского на словацкий, Ж. Янковской об архетипе мудрого старца в украинской культурной традиции, М. Боцановой о символике пространственных категорий в словацкой волшебной сказке).

Ряд работ посвящен проблемам этимологии: М. Кошкова «Терминология родства в словацком и болгарском языках в диахронии», М.М. Валенцова «К вопросу о контаминации этимологических гнезд (на примере названий мифологических персонажей)», Л. Габор «Корень **jar* в именах персонажей западнославянского фольклора», а также ономастике (Я. Кршко «Новые ономастические исследования в свете этнолингвистики и культурной антропологии») и лексикографии (М. Витанова «Проблемы составления “Этнолингвистического словаря болгарской народной медицины”», П. Легурска «Лингвистический анализ и этнолингвистика: к составлению словарей»).

Выделяется блок работ по «русинской» проблематике (Я. Дорули о возникновении и значении наименований *Rusín*, *Rusnák* и *Ukrájina*, П. Женюха о паралитургических песнопениях греко-католического богослужения в Словакии, Г. Рожая о словацко-украинско-русинских языковых контактах, отраженных в топонимии региона Гемер, С. Вашичковой о кириллических рукописях карпатского региона).

Междисциплинарный характер данной книги предъявляет высокие требования к компетенции авторов и редакторов. Можно с уверенностью сказать, что данное научно-исследовательское произведение выдерживает подобные требования, так как основывается по большей части на собственных полевых и архивных материалах авторов, впервые вводимых в научный оборот.

В целом можно констатировать, что книга состоялась. Она представляет собой компетентное, результативное исследование феномена языковой картины мира славян разных регионов на современном этапе, вносящее суще-

ственный вклад в те области знания, которые оказались здесь соединены. Сборник найдет своего читателя как среди лингвистов, так и этнографов, культурологов, фольклористов и специалистов других направлений гуманитарного знания. Безусловно, этот труд будет востребован преподавателями вузов и студентами, интересующимися историей, языками и традиционной культурой славян.

Литература

1. Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика. Вопросы теории. М.: ИСл РАН, 2013. (Материалы ко Второму Всероссийскому совещанию славистов 5–6 ноября 2013 г.).
2. Jazyk a kultúra na Slovensku v slovanských a neslovanských súvislostiach / Peter Žeňuch, Елена Узенева, Katarína Žeňuchová. Bratislava: Slavistický ústav Jana Stanislava SAV, Slovensky komitét slavistov, Zemplínske múzeum v Michalovciach, 2013.
3. Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovanskej etnolingvistiky / Katarína Žeňuchová, Marija Kitanova, Peter Žeňuch. Bratislava; Sofia: “Veda”, 2017.
4. Kliment Ochridský a jeho prínos pre slovanskú a európsku kultúru / Peter Žeňuch, Светлана Николова. Bratislava; Sofia: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Кирило-Методиевски научен център към БАН, Slovenský komitét slavistov, Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike, 2017.

References

1. Tolstoi, N.I., Tolstaia, S.M., 2013. *Slavianskaia etnolingvistika. Voprosy teorii*. Moscow: ISI RAN, 2013. (Materialy ko Vtoromu Vserossiiskomu soveshchaniiu slavistov 5–6 noiabria 2013 g.).
2. Žeňuch, P., Uzeneva, E., Žeňuchová, K., ed. 2013. *Jazyk a kultúra na Slovensku v slovanských a neslovanských súvislostiach*. Bratislava: Slavistický ústav Jana Stanislava SAV, Slovensky komitét slavistov, Zemplínske múzeum v Michalovciach.
3. Žeňuchová, K., Kitanova M., Žeňuch P., ed. 2017. *Jazyk a kultúra na Slovensku v slovanských a neslovanských súvislostiach*. Bratislava; Sofia: “Veda”.
4. Žeňuch, P., Nikolova, S., ed. 2017. *Kliment Ochridský a jeho prínos pre slovanskú a európsku kultúru*. Bratislava; Sofia: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, Кирило-Методиевски научен tsentur kum BAN, Slovenský komitét slavistov, Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike.

КОНФЕРЕНЦИЯ «БАЛКАНЫ И ЕВРОПА ВО ВРЕМЯ ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА (1875–1881)». СОФИЯ, 2–4 МАРТА 2018 Г.

Никита Сергеевич Гусев –

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва.
gusevns@gmail.com

Ольга Анатольевна Дубовик –

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории южных
и западных славян
Исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, Москва.
olgadubovik@gmail.com

Аннотация

Читателю представляется обзор прошедшей 2–4 марта 2018 г. в Софии научной конференции, приуроченной к 140-летию подписания Сан-Стефанского прелиминарного договора.

Ключевые слова

Болгария, Восточный кризис, русско-турецкая война 1877–1878 гг., историография, юбилейные торжества в Болгарии в 2018 г.

«THE BALKANS AND EUROPE DURING THE EASTERN CRISIS (1875–1881)» CONFERENCE, SOFIA, 2018, MARCH, 2–4

Nikita S. Gusev –

PhD, Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
gusevns@gmail.com

Olga A. Dubovik –

PhD, Assistant Professor,
Department of History of the Southern
and Western Slavs, Faculty of History,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow.
olgadubovik@gmail.com

Abstract

The authors present a review of the conference held on March 2–4, 2018, in Sofia (Bulgaria). The conference was dedicated to the 140th anniversary of the Treaty of San Stefano.

Keywords

Bulgaria, Eastern Crisis, Russian-Turkish War 1877–1878, historiography, anniversary celebrations in Bulgaria in 2018.

В 2018 г. исполнилось 140 лет с окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг., подарившей Болгарии свободу и государственность. В связи с этим в различных уголках страны состоялись мероприятия, посвященные юбилею. Центральным научным событием стала международная научная конференция «Балканы и Европа во время Восточного кризиса (1875–1881)», прошедшая 2–4 марта 2018 г. в Софийском университете им. св. Климента Охридского (СУ). Организаторами конференции выступили Исторический факультет СУ и Университетский комплекс гуманитаристики «Альма матер».

Стремясь рассмотреть важнейшее в истории Болгарии событие во всей его полноте, организаторы сознательно расширили проблематику до всего Великого Восточного кризиса — от восстания в Боснии и Герцеговине до окончательного урегулирования территориального вопроса между Грецией и Османской империей.

В конференции приняли участие не только болгарские ученые, но и исследователи из Сербии, Украины, Молдовы. Наиболее широко среди иностранных специалистов была представлена Россия. С докладами выступили сотрудники МГУ им. М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Санкт-Петербургского Института истории РАН (СПБII РАН), Института российской истории РАН (ИРИ РАН), Института военной истории Министерства обороны РФ (ИВИМО), Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ), Азовского музея, Российского технологического университета МИРЭА, Юго-Западного государственного университета (ЮЗГУ), Российской национальной библиотеки (РНБ), Эрмитажа. Присутствовала и делегация Института славяноведения РАН (ИСл РАН) в составе девяти человек во главе с директором Института К.В. Никифоровым.

После приветственного слова ректора Софийского университета А. Герджикова, подчеркнувшего, что Восточный кризис для болгар — «ключевой исторический момент», последовали выступления руководителей организационного комитета конференции. Его председатель академик И. Илчев обратил внимание на то, что события, которым посвящена конференция, нередко подвергались и подвергаются мифологизации и политизации.

В последние десятилетия некоторые историки и политики нередко занижают роль России в освобождении Болгарии, «забывая», что любая точка отсчета болгарской государственности, будь то принятие Тырновской конституции, избрание первого болгарского князя или провозглашение независимости, так или иначе оказывалась связанной с Россией. Но не является ли причиной этой «забывчивости» комплекс из-за того, что болгары не освободились, а были освобождены? — задался вопросом И. Илчев. Как бы то ни было, подчеркнул академик, поколениями Сан-Стефанский договор

считался границей между рабским прошлым и свободным настоящим, и не стóбит с легкостью отбрасывать традиции.

Продолжил эту тему профессор Софийского университета П. Митев с докладом «Война, мир и свобода (140 лет спустя)», в котором сосредоточил внимание на историографии вопроса. Он отметил что в настоящее время существует свыше пяти тысяч сборников, монографий, статей, научных сообщений, посвященных различным аспектам заявленной темы. Докладчик пришел к выводу, что ученые порой становятся заложниками политических пертурбаций, и, к сожалению, вряд ли в ближайшее время будет написано объективное исследование о войне 1877–1878 гг. В заключение П. Митев призвал коллег отказаться от мифов, сформированных годами исследований, и, применяя подходы и инструментарий современной историографии, отойти от традиции «национального исторического рассказа».

Следом состоялось открытие выставки документов «Воскресение свободы», на котором присутствовал глава болгарского Государственного агентства «Архивы» М. Груев, отметивший, что инициатива выставки исходила от румынской стороны, а основным хранителем свыше 1500 архивных единиц документов, связанных с отмечаемым событием, является Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), директор которого И.О. Гаркуша выразила благодарность за организацию юбилейного мероприятия. В экспозицию были включены фотокопии документов, фотографии и гравюры, представляющие воюющие стороны, ход военных действий, жизнь и быт населения в тылу, медицинское обеспечение и т.п. Многие материалы из архивов России, Болгарии и Румынии экспонировались впервые.

Затем начались заседания тематических секций. События, предшествовавшие Восточному кризису, были освещены в первом блоке. И. Пыррев из Софийского университета сделал это в общеевропейском фокусе, Д. Леовац из Белградского университета — в балканском, К.В. Мельчакова, представлявшая ИСл РАН, акцентировала внимание на Боснии и Герцеговине.

Секция, в которой рассматривалась реакция европейского общественного мнения на Восточный кризис, оказалась второй по численности участников. Здесь наибольшее внимание уделили русскому восприятию событий, которое под разными углами показала О.В. Сапрыкина (РГГУ). Примечательно, что немалую часть времени работы секции ученые посвятили оценкам философа и дипломата К.Н. Леонтьева, его восприятию Восточного кризиса, русско-турецкой войны и ее итогов (Д. Григорова из СУ и Ю. Златкова из Института балканистики с центром по фракологии Болгарской Академии наук (ИБЦТ БАН)). А В.И. Косик (ИСл РАН) вызвал дискуссию своими рассуждениями об исторических вариациях взаимоотношений Болгарии, Европы и России. В выступлениях Н. Маноловой-Николовой и К. Табаковой (обе представляли СУ) прозвучали оценки испанской, Л. Соленковой (Институт исторических исследований БАН

(ИИИ БАН)) — чешской и словацкой, А.М. Дронова (ИСл РАН) — хорватской общественности. Мнения болгарского общества на основании материалов русской прессы и архивных документов были проанализированы в докладах О.А. Дубовик (МГУ), давшей оценку позиции Ст. Стамболова, и Д. Вичковой (ИИИ БАН), тщательно проследившей деятельность Болгарского Центрального благотворительного общества.

Тематически близка к этому блоку была секция «Память о войне», где демонстрировались картины художника-акварелиста Е.К. Макарова (в докладе И.М. Захаровой из Эрмитажа) и В.В. Верещагина (в выступлении доцента СУ Т. Георгиевой). В сообщении молдавского болгариста И. Думиники из Института культурного наследия Академии наук Молдавии (ИКН АНМ) была дана оценка Кишиневу как месту объявления войны и городу, где в память о событии были возведены часовня и Дом инвалидов. Проблемы исторической памяти затронули В. Марковчин (ЮЗГУ) в докладе о восстановлении памятников участникам русско-турецкой войны, П. Петков (Великотырновский университет), рассказавший о переименованиях в окрестностях Шипки, и М. Симов (Национальный исторический музей), проследивший, как русско-болгарские отношения в конце XIX — начале XX вв. влияли на празднования годовщин русско-турецкой войны. О.В. Васильева (РНБ) представила ряд документов, посвященных жизни и деятельности генерала М.Д. Скобелева. В выступлениях Н.С. Гусева (ИСл РАН) и Р. Михневой был проанализирован ряд воспоминаний современников и потомков участников событий.

Немало времени участники уделили обсуждению сложного клубка проблем вокруг деятельности османского руководства, а также реформам в империи. Доклады Л.А. Гердт (СПБНИИ РАН), И. Тодева (ИИИ БАН) и Л.В. Мельниковой (ИРИ РАН) касались церковной стороны вопроса, П. Божинова (ИИИ БАН) — действий болгарской диаспоры в Константинополе во время войны. В выступлениях Е. Хаджиниколовой (Македонский научный институт) и Р. Спасова (СУ) анализировался британский взгляд на события, Л.В. Кузьмичевой (МГУ) — позиция русского Императорского Дома.

Наиболее представительной по количеству докладов оказалась секция, посвященная непосредственно русско-турецкой войне. В выступлениях рассматривались: военно-стратегические аспекты (тремя представителями ИВИМО — М.Э. Морозовым, А.Е. Шаговым, В.Н. Прямыцыным, а также М. Христовым из НВУ им. В. Левского); участие в войне жителей отдельных регионов Российской империи [М.Г. Станчевым (Харьковский Национальный университет), Н.Н. Червенковым (Тираспольский Государственный университет), В.В. Коровиным (ЮЗГУ), И. Гусач (Азовский музей), М.Г. Смольяниновой (ИСл РАН)]; гуманитарная составляющая [Р. Геновым (Новый Болгарский университет)], восприятие событий их участниками [С.С. Юдиным (МИРЭА), Д. Лиловой (СУ), П. Добревым (СУ)] и отраже-

ние их в учебниках [Т. Мишевым (СУ) и К. Бенчевой]. Первые проекты послевоенного устройства Княжества Болгарии осветила А. Кочанкова (СУ).

Не столь многочисленной оказалась секция «Болгария, Балканы и мир», в которой трое из пяти участников представляли Россию. Г.А. Гребенщикова (СПбГМТУ) рассмотрела донесения российских военных агентов из Константинополя и политику России на освобожденных землях Болгарии, М.М. Фролова (ИСл РАН) — деятельность Императорской Главной квартиры в Болгарии, а И.И. Калиганов (ИСл РАН) — «людские потери, которых могло и не быть», трагические эпизоды русско-турецкой войны.

Освобождение рождало и проблемы — одной из них стал земельный вопрос, поскольку множество турок, бежав из Болгарии, решило туда не возвращаться, но юридически сохранило права на земли, на которые претендовали местные болгары. Этот вопрос осветил Х. Беров (СУ).

Еще одна сложность проистекала из решений Берлинского конгресса, разделившего Сан-Стефанскую Болгарию на три части, одна из которых, Македония, осталась полноценной провинцией Османской империи. В качестве протеста против этого в регионе вскоре вспыхнуло Креснеско-Разложское восстание. В последующем эти события стали одной из частей совместного исторического прошлого Болгарии и Македонии. С. Елдаров (ИБЦТ БАН) в своем докладе продемонстрировал, как в историографии обеих стран до сих пор ведутся споры о характере восстания и национальной идентичности восставших.

Широкий спектр вопросов рассматривался в секции «К новому международному порядку». Ю. Константинова (ИБЦТ БАН) уделила внимание периферийному участнику Восточного кризиса — Греции, Р. Прешленова (ИБЦТ БАН) — действиям Вены в 1875–1878 гг. Л.Ю. Пахомова (ИСл РАН) продолжила эту тему, обратившись к еще одной проблеме, рожденной Берлинским конгрессом, — оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины и позиции России по этому вопросу. Великий Восточный кризис стал рубежным событием в истории Балкан. К.В. Никифоров (ИСл РАН) в своем выступлении задался вопросом: когда же начинается и заканчивается Новое время на Балканах, и можно ли считать период 1875–1878 гг. его границей. Если К.В. Никифоров исходил прежде всего из внутреннего развития Балканского полуострова, то Й. Шалич (Исторический институт Сербской академии наук и искусств) и О.И. Агансон (МГУ) показали, что после Берлинского конгресса установился новый порядок взаимодействия стран региона и великих держав, при котором вопросы внешней политики решались совершенно иным способом, нежели долгие годы до Восточного кризиса.

Следует добавить, что конференция проходила на фоне масштабных празднований 140-летия подписания Сан-Стефанского договора. В эти дни Болгарию посетили многие российские официальные лица, в том числе и Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Участники научного мероприя-

тия смогли в полной мере увидеть то, как болгары до сих пор вспоминают русско-турецкую войну и подвиг русских воинов, отдавших свои жизни за освобождение их страны.

Международные научные конференции в Софии, посвященные освобождению Болгарии, стали доброй традицией. При этом каждая из них приносит доклады, поднимающие новые грани проблемы, исследователи продолжают находить ранее не привлекавшиеся архивные документы, озвучивать интересные точки зрения, демонстрировать свежий взгляд на известные аспекты Великого Восточного кризиса. Это свидетельствует о том, что научный потенциал проблематики еще далеко не исчерпан, и планирующийся по итогам конференции сборник статей станет не последней книгой, посвященной событиям 1875–1881 гг.

**КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ Л.П. ЛАПТЕВОЙ.
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ, 17 МАЯ 2018 Г.**

Георгий Павлович Мельников –

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва.
geramel@mail.ru

Аннотация

Людмила Павловна Лаптева оставила значительный след в отечественной славистике. Многие из ее учеников стали историками-славистами, поэтому можно говорить о «школе Лаптевой» как явлении отечественного славяноведения. Это отчетливо продемонстрировала данная конференция.

Ключевые слова

Л.П. Лаптева, историография, история славяноведения, история Чехии и Словакии.

**CONFERENCE IN MEMORIAM
OF PROFESSOR LYUDMILA LAPTEVA.
RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES,
2018, MAY, 17**

Georgij P. Mel'nikov –

PhD, Leading Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
geramel@mail.ru

Abstract

Professor Lyudmila Lapteva made a significant contribution to the Slavic Studies in Russia. Many of her students became renowned historians, so one can talk about the phenomenon of «Lapteva's school». The conference in question became one more proof of it.

Keywords

Lyudmila Lapteva, historiography, history of Slavic Studies, history of the Czech lands and Slovakia.

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) 17 мая 2018 г. провел научную конференцию «Памяти Людмилы Павловны Лаптевой». Она была посвящена научной деятельности Л.П. Лаптевой (1926–2016) — крупного московского ученого-слависта, заслуженного профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Карлова университета в Праге. Л.П. Лаптева, отдавшая всю свою жизнь преподаванию в МГУ им. М.В. Ломоносова и научно-исследовательской работе, оставила значительный след в отечественной славистике. Ее труды получили признание научной общественности в Чехословакии (затем в Чехии и Словакии), Болгарии, Польше и других странах. Круг ее интересов был обширен, но вместе с тем строго определен. Она внесла большой вклад в изучение истории Чехии и Словакии эпохи Средневековья и Нового времени, истории российской исторической славистики, славяноведения как научной дисциплины. По ее текстам в университетском учебнике «История южных и западных славян» учились несколько поколений студентов. Многие из них затем стали историками-славистами, поэтому можно говорить о «школе Лаптевой» как явлении отечественного славяноведения. Это отчетливо продемонстрировала данная конференция, организованная благодаря усилиям двух ее учениц — О.В. Павленко (проректор по науке РГГУ) и Г.В. Рокиной (проф. Марийского государственного университета), на которой выступили многие ученики и коллеги Л.П. Лаптевой.

В приветствиях президента РГГУ, председателя российской части российско-чешской комиссии историков и архивистов, члена-корреспондента РАН Е.И. Пивовара, и. о. ректора РГГУ А.Б. Безбородова, представителя славистов Твери д.и.н. И.Г. Воробьевой, заместителя Посла Чешской Республики в РФ П. Кроужека подчеркивались значимость деятельности Л.П. Лаптевой, ее большой вклад в славяноведение.

Пленарное заседание в основном носило мемориальный характер. Рассматривался жизненный путь Л.П. Лаптевой и облик ее как исследователя, преподавателя и человека. В обобщающем докладе О.В. Павленко «Вклад Л.П. Лаптевой в изучение отечественного славяноведения XIX — начала XX вв.» были освещены основные работы ученого по данной проблеме, определившие иное, гораздо более глубокое понимание этого историографического наследия. Своими многолетними исследованиями, основанными на изучении научного творчества русских славистов и архивных материалов, Л.П. Лаптева сумела доказать, что данный период был расцветом русского славяноведения, развивавшегося в основном в университетах Российской империи. В докладе Л.Н. Алексахкиной (Институт стратегии развития образования РАО), насыщенном материалом мемуарного характера, Л.П. Лаптева рассматривалась как ученый и педагог. Доклады Ю.А. Борисёнка и З.С. Ненашевой (оба — МГУ) были посвящены деятельности Л.П. Лаптевой на кафедре истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в том числе в период современ-

ных реформ в образовании, к которым она относилась весьма критически. М.Ю. Сорокина (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына) осветила судьбу архива Л.П. Лаптевой, содержащего много интересных и ценных материалов по недавней истории советской и постсоветской науки. Р. Влчек (Институт истории Академии наук Чешской Республики, Брно) подробно проанализировал большой вклад Л.П. Лаптевой в историографию чешской славистики. Темой доклада Г.В. Рокиной стало изучение Л.П. Лаптевой истории Словакии и русско-словацких связей. Пленарное заседание закончилось презентацией последней книги Л.П. Лаптевой «Русско-чешские научные связи во второй половине XIX — начале XX в. (по данным переписки)», изданной автором за свой счет и содержащей разрозненные по многим изданиям ее исследовательские статьи на данную тему. Презентацию провела племянница ученой М.Д. Лаптева, поделившаяся рядом интересных воспоминаний.

Секции, на которые дальше разделилась работа конференции, соответствовали направлениям научной деятельности Л.П. Лаптевой. Секция «История научных понятий и терминов в российском и зарубежном славяноведении» была посвящена в основном Средневековью. М.Ю. Парамонова (ИВИ РАН) в докладе «Медиевистика в творчестве Л.П. Лаптевой: этический, педагогический и просветительский аспекты» дала глубокий анализ вклада ученой в исследование истории чешского Средневековья, подчеркнув ее интерес к новейшим тенденциям медиевистики, при сохранении несколько удаленной от них критической позиции. Л.П. Лаптева в своих зрелых работах стремилась избегать идеологизации исторического знания, склоняясь к продолжению традиций русского позитивизма, чтобы не создавать новые историко-идеологические мифы. М.В. Дмитриев (МГУ, ВШЭ) сосредоточился на весьма актуальной терминологической и идеологической проблеме названия того региона, которым мы занимаемся, озаглавив свой доклад весьма полемически — «"Славянский мир" или Центральная, Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа?». Г.П. Мельников (ИСл РАН) осветил изменения в оценке деятельности такого выдающегося правителя средневековой Чехии и Германской империи, как Карл IV, который теперь считается чешскими исследователями самой значимой личностью чешской истории. Блок докладов был посвящен гусизму — проблеме, которой Л.П. Лаптева особо интересовалась как в источниковедческом, так и в историографическом плане. А.В. Рандин (Университет св. Кирилла и Мефодия, Трнава, Словакия) дал анализ интерпретации гуситской эпохи видным чешским славистом консервативной ориентации Яном Славиком, интерес к научному и публицистическому наследию которого сейчас наблюдается в Чехии. И.И. Бучанов (ИНИОН РАН) осветил оценку гуситского движения в историографических трудах Л.П. Лаптевой. Л.М. Гаркуша спровоцировала целую дискуссию своим докладом «"Husitství": к вопросу о значении и эволюции термина».

Вторая секция — «Научная биография как инструмент исследования академических коммуникаций в XIX–XX вв.» — продолжала своими докладами развивать и обогащать то направление изучения биографии ученого, которое было доминирующим в исследованиях Л.П. Лаптевой. О методологии ее биографического метода сделала доклад И.Г. Воробьева (Тверской государственной университет). К.В. Мельчакова (ИСл РАН) привела некоторые интересные факты из жизни ученого-слависта и дипломата А.Ф. Гильфердинга. М.М. Фролова (ИСл РАН) осветила место ученого и общественного деятеля А.Д. Черткова в становлении российской болгаристики. О.В. Саприкина (РГГУ) на примере биографии В.И. Ламанского, исследованной Л.П. Лаптевой, продемонстрировала становление российского славяноведения. Д.А. Цыганков (МГУ) остановился на интеллектуальной биографии М.С. Корелина. Путь в славистику Д.К. Зеленина осветила Д.А. Черниенко (Удмуртский центр Уральского отделения РАН). П.А. Алипов (РГГУ) привел малоизвестный материал о пути в науку М.И.Ростовцева. На проблемах русской и польской славистики в трудах Яна Кухажевского был сосредоточен доклад Ю.А. Борисёнка. Л.П. Лаптева как выдающийся педагог-славист была представлена в докладе В.В. Трухачёва (РГГУ).

Тесно связанной с научной биографией теме была посвящена работа третьей секции — «Возникновение и развитие славяноведения в России в XIX–XX вв.». Л.М. Аржакова (СПбГУ) остановилась на российской исторической полонистике, К.В. Галямичев (Саратовский государственный университет) — на становлении исторической славистики в Саратовском университете, Л.Ю. Юрченкова (ИНИОН РАН) — на создании библиотеки Института славяноведения в 1947 г. Очень интересные малоизвестные материалы были приведены в докладах А.Н. Птицына (Северо-Кавказский федеральный университет) — «Австро-венгерские славяне в составе преподавательского корпуса российских вузов в 1861–1917 гг.: количественный анализ» и Н.С. Гусева (ИСл РАН) — «Использование балканскими учеными личных связей в российской славистике в борьбе за Македонию в 1913 г.». Изучение Л.П. Лаптевой полабо-балтийских славян было освещено в докладе А.М. Кузнецовой (ИСл РАН).

Подведение итогов конференции вылилось в выражение глубокой признательности и признание заслуг Л.П. Лаптевой — выдающегося историка-слависта, чье имя прочно вошло в историю науки. Благодаря исследованиям Л.П. Лаптевой мы знаем жизнь и научное творчество десятков отечественных славистов прошлого, представляем подробную картину развития отечественного дореволюционного славяноведения. Теперь пришло время изучать наследие самой Л.П. Лаптевой. В нем еще много непрочитанных страниц, связанных с ее оценками трудов коллег и с деятельностью созданного ею из студентов, аспирантов и молодых ученых Кружка любителей истории славян (КЛИС). Особо хочется отметить, что

выступления мемуарного характера, прозвучавшие на конференции, были далеки от юбилейного глянца, от создания иконоподобного образа, чего так не любила сама Людмила Павловна. Наоборот, она предстала живым человеком со своими достоинствами и слабостями. Можно сказать, что многие участники конференции приложили разработанный ею метод анализа вклада историка в науку к ней самой, и это подтверждает правильность ее методологии.

Всю жизнь Л.П. Лаптева отдала науке, точнее говоря, наука и была главным содержанием ее жизни. Прошедшая конференция подтвердила ее значение для славяноведения.

К 90-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА МИЛАНА ГЮРЧИНОВА*

Ольга Викторовна Панькина –
переводчик, член Союза
литературных переводчиков Македонии,
председатель правления
РОО «Македонский культурный центр»,
Москва

Аннотация

Статья посвящена деятельности знаменитого македонского ученого Милана Гюрчинова и его вкладу в развитие русско-македонских литературных связей. Академик Милан Гюрчинов ушел из жизни 25 июля 2018 г., за три дня до своего девяностолетия.

Ключевые слова

Милан Гюрчинов, юбилей, македонская литература, русско-македонские литературные связи.

ON THE NINETIETH ANNIVERSARY OF ACADEMICIAN MILAN GURCHINOV

Olga V. Pankina –
translator, Member of the Macedonian
Union of Translators,
Chair of the Board
of Macedonian Cultural Centre,
Moscow

Abstract

The article pays tribute to the famous Macedonian scholar Milan Gurchinov, who would have celebrated his ninetieth birthday on July 28, 2018, and his contribution to development of Russian-Macedonian literary relations. Academician Milan Gurchinov passed away on 25 July, 2018.

Keywords

Milan Gurchinov, jubilee, Macedonian literature, Russian-Macedonian cultural relations.

* Когда эта статья уже была отдана в печать, пришла скорбная весть о кончине академика Милана Гюрчинова, 90-летний юбилей которого мы должны были праздновать 28 июля 2018 г. — *Прим. ред.*

Пользуясь случаем — 90-летним юбилеем выдающегося македонского исследователя литературы академика Милана Гюрчинова, хочу рассказать о моем, в последние годы тесном сотрудничестве с ним на поле популяризации македонской литературы в России и шире — на русскоязычном пространстве. Почему именно с ним? Прежде всего потому, что Милан Гюрчинов — македонский ученый с мировым именем, уважаемый в России, известный благодаря своим глубоким исследованиям русской литературы. Его имя само по себе является промотором македонской культуры в мире. Академик Гюрчинов — литературный критик с большой буквы, с одной стороны, прекрасно знающий русскую литературу и вкусы читателей в России, с другой — имеющий свой взгляд на развитие македонской литературы и культуры и, как никто другой, могущий оценить ее сегодняшние достижения и недостатки. Вот поэтому я обратилась к академику Гюрчинову за советом и поддержкой.

Наше тесное сотрудничество с акад. Гюрчиновым началось в 2009 г. со сборника **«Македонские рассказы» (Издательство «Окоём» М., 2009)** — первой книги в задуманной мною серии «Библиотека литературы Македонии». Я особенно ценю то, что акад. Гюрчинов поддержал меня в начале работы над серией, потому что начало всегда является самым сложным. Специально для этой книги Милан Гюрчинов написал предисловие — большую статью под названием **«Пути и свершения (зарождение и развитие македонского рассказа)»**. О сборнике как о важном факторе укрепления литературных связей между Македонией и Россией писалось много в македонской печати, обстоятельная рецензия на эту книгу появилась в санкт-петербургском журнале «ЯЛИК: язык, литература, искусство, культура» (автор — доц., к.ф.н. Зоя Шанова).

Несомненно, нашим крупным успехом можно считать публикацию рассказов македонских писателей в журнале **«Иностранная литература» (ИЛ). 2013. №3. С. 154–182. Рассказы македонских писателей. Составление и перевод с македонского Ольги Панькиной. Вступление Милана Гюрчинова «Свет и тени новой литературной реальности»**. Желая представить русскому читателю сразу несколько македонских писателей, было решено предложить журналу для публикации подборку из 10 рассказов пяти авторов. Редакция журнала выбрала из предложенного материала рассказы Зорана Коваческого, Димитрие Дурацовского и Драги Михайловского. О них Милан Гюрчинов пишет, что «несмотря на неблагоприятный нравственный и творческий климат в области художественной прозы, мы можем назвать несколько авторов, каждый из которых по-своему сопротивляется этой ситуации и вызывает интерес как у критиков, так и у новых читателей. Значит, в современной македонской литературе есть творцы, обладающие неугасшей творческой силой, острой наблюдательностью и живым критическим осознанием того, что происходит вокруг них и во всем мире».

В 2011 г. Милан Гюрчинов подарил мне только что вышедшую в свет книгу поэзии Блаже Конеского (Целокупни дела на Блаже Конески. Критичко издание во редакција на Милан Гурчинов. Том 2. Блаже Конески. Поезија. Книга втора. Скопје, 2011), что подвигло меня перечитать его стихи заново. Результатом этого прочтения явились цикл так называемых «вышитых» картин (полотно, комбинация акрила и вышивки) под названием «Вышивальщица» и книга: **Блаже Конеский: «Послание»** (издательство «У Никитских ворот» М., 2013) как дань памяти выдающемуся македонскому поэту, ученому и человеку. Поэтическое творчество Конеского пришло к русскому читателю в конце 1950-х годов в составе антологий поэзии народов Югославии. С тех пор оно неизменно вызывает интерес у переводчиков, читателей и исследователей. Это подтверждает факт издания лирики Блаже Конеского отдельными книгами: «Стихи» (М., «Художественная литература», 1987), «Лишение силы» (М., Фонд им. М.Ю. Лермонтова, 1995). Поэзия Блаже Конеского представлена в сборниках македонской поэзии: «Корни и звезды» (М., «Радуга», 1988), «Навстречу солнцу» (М., «Ключ», 1997), «Из века в век. Поэзия Македонии» (М., «Радуга», 2002), «Голоса у воды» (М., ИПО «У Никитских ворот», ИД «Макавей», 2010), «Современная македонская поэзия» (М., «Окоем», 2011). Блаже Конеский — самый переводимый в России из всех македонских поэтов.

В книге «Послание» представлено поэтическое наследие Блаже Конеского, охватывающее последний период его творчества (1987–1993 гг.), с которым российские читатели еще не были знакомы, а именно, шесть последних книг поэта: «Послание» (1987), «Церковь» (1988), «Златоверх» (1989), «Сейсмограф» (1989), «Небесная река» (1991), «Черный овен» (1993). Поэзия Конеского этих лет является логическим продолжением его предыдущего творчества, но открывает и другую, специфическую сферу, где интимное, облагороженное исключительной чувствительностью Блаже Конеского, как поэта, вырастает до масштабов общечеловеческих ценностей, характеризуется выразительностью образов, сдержанной красотой стиля и языка. Она насыщена философскими раздумьями о самом поэтическом творчестве, о смысле жизни и судьбе македонского народа. Акад. Гюрчинов написал обстоятельное предисловие к русскому изданию стихов Блаже Конеского **«Мысли и тревоги гордого одиночки. Блаже Конеский (1921–1993)»**. Во вступительной статье критик отмечает: «В настоящем однотомнике на русском языке представлена большая часть поэтических творений работы Блаже Конеского, одной из наиболее значительных фигур литературной, научной и культурной жизни на Балканах в XX веке. Личность Конеского во многом выделяется среди балканских классиков культуры этой эпохи. Ему, как представителю малого и на протяжении веков бесправного славянского народа — македонского, исторической судьбой была определена чрезвычайно ответственная роль и многотрудная миссия: он был ученым-лингвистом, кодификатором литературного македонского

языка в середине XX века, когда македонский народ получил независимость и государственность, но в то же время он был передовой личностью македонской литературы, которая на только что кодифицированном национальном языке за чрезвычайно короткое время сумела выразить себя, особенно в области поэзии, и добиться успехов, которым удалось перерасти национальные рамки и получить многочисленные международные награды».

Презентации поэтического сборника «Послание» с большим успехом прошли в Македонской академии наук и искусств, в Союзе писателей Македонии и в Москве — в Московском доме национальностей (презентация была организована и проведена общественной организацией «Македонский культурный центр»).

Милан Гюрчинов оказал мне как автору проекта «Македонский роман XXI века», осуществляемого вместе с московским издательством «Центр книги Рудомино», большую поддержку тем, что в письме к издателю дал высокую оценку моих усилий в деле популяризации македонской литературы в России. Весомое слово македонского ученого сыграло свою роль. Проекту был дан старт книгой «Храпешко» Эрмиса Лафазановского (М., Центр книги Рудомино, 2014, перевод и предисловие — Ольги Панькиной).

В данное время я собираю материал для четвертой книги серии «Библиотека литературы Македонии», посвященной македонской критике и эссеистике, и, конечно, надеюсь на помощь в этой работе со стороны акад. Гюрчинова как выдающегося литературного критика.

Я постоянно слежу за выступлениями акад. Гюрчинова в македонской печати. Его оценки состояния македонской литературы на современном этапе помогают мне принимать решения, произведения каких авторов могут достойно представить македонскую литературу в России и шире — на русском языковом пространстве.

Хочу выразить мою огромную благодарность уважаемому академику Милану Гюрчинову за сотрудничество и помощь.

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СЛАВЯНСКИЙ МИР
В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ.
2018**

Выпуск 13

№ 1–2

Главный редактор:

Е. С. Узенёва

Компьютерная верстка:

П. Н. Морозов

Дизайн обложки:

П. К. Донской

На обложке журнала:

Босния. Девица-горожанка (18 лет)

(Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого).

Герцеговина. Сотник – Юс Баша-Пивлянин

(Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого).

Герцеговина. Селяки Банянского племени

(Фотографический сборник церковных древностей и типов славян Европейской Турции. Герцеговина и Босния 1867 года П. Пятницкого)

Институт славяноведения РАН

119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»

Адрес электронной почты:

inslav@inslav.ru

Подписано в печать 10.12.2018. Формат 70×100¹/₁₆

Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная

Печать цифровая. Объем 13,75 печ. л.

Заказ № 98.

Тираж 500 экз.